

**АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ
ОКУ «ГОСАРХИВ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ»**

«ИСТОРИК И АРХИВЫ»

*Материалы
научной конференции,
посвященной 100-летию государственной архивной службы России и
115-летию архивной службы Курской области.
Курск, 21 сентября 2018 г.*

Курск
2018

УДК 93/94
ББК 63
И 89

И 89 «Историк и архивы»: материалы научной конференции, посвященной 100-летию архивной службы России и 115-летию архивной службы Курской области. Курск, 21 сентября 2018 г. / под ред. В.Л. Богданова. – Курск: ИП Афанасьева Е.А., 2018. – 187 с.

Редакционная коллегия: Богданов В.Л. (гл. редактор) – начальник архивного управления Курской области; Карманова Л.Б. (зам. гл. редактора) – зам. начальника архивного управления Курской области; Елагина Н.А. – директор ОКУ «Госархив Курской области»; Раков В.В. – зам. директора по научно-исследовательской работе ОКУ «Госархив Курской области», канд. ист. наук.

Научный редактор: Черников О.А., канд. ист. наук.

Сборник содержит тексты докладов и сообщений ученых, сотрудников архивных учреждений, работников учреждений культуры, представленных на пленарном и секционных заседаниях конференции. Публикуемые материалы в своем большинстве подготовлены на основе документальных источников, выявленных в центральных и местных архивах, впервые вводимых в научный оборот. Издание предназначено для самого широкого круга читателей, интересующихся историей. Материалы опубликованы в авторской редакции.

УДК 93/94
ББК 63

© Архивное управление Курской области, 2018
© ОКУ «Госархив Курской области», 2018
© Авторы статей, 2018

**ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО УЧАСТНИКАМ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ НАЧАЛЬНИКА АРХИВНОГО
УПРАВЛЕНИЯ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ
В.Л. БОГДАНОВА**

Уважаемые гости, коллеги,
представители средств массовой информации!

Наша конференция «Историк и архивы» приурочена к двум знаменательным датам отечественного и регионального архивного дела.

В этом году архивная служба Российской Федерации отмечает свой столетний юбилей. 1 июня 1918 г. был издан Декрет ВЦИК «Об архивном деле», который положил начало становлению централизованной архивной службы страны. За эти сто лет изменилось многое: поменялось государство, множество раз архивные ведомства меняли свою подчиненность, но неизменным оставалось главная задача архивов: сохранить документальное богатство нашей Родины для потомков, с чем успешно и по сей день справляются архивисты.

В мае 1903 г. начала функционировать Курская губернская архивная комиссия, инициатором создания которой был Курский губернатор Николай Николаевич Гордеев. Целью ее создания была также определенная централизация и унификация архивного дела в пределах Курской губернии. 115-летний юбилей мы также отмечаем в текущем году.

Эти две юбилейные даты важны не только непосредственно для архивистов, но и для историков, активно занимающихся научной и исследовательской работой. О большом внимании к документам, хранящимся как в курских архивах, так и в других ведомственных, региональных и федеральных архивах свидетельствует то, что в нашей конференции принимают участие 39 исследователей, интересы которых имеют широкий проблемный диапазон. На конференции представлены доклады, имеющие краеведческий характер. Здесь бы хотелось отметить многочисленные работы курских историков и архивистов, а также наших коллег из Санкт-Петербурга, Ленинградской и Липецкой областей. Доклады об истории морского дела, развитии пенитенциарной системы, о работе жандармских и полицейских отделений подготовлены историками из Белгорода, Воронежа, Москвы и ряда других городов.

В целом же все это говорит о том, что документы Архивного фонда России до сих пор таят в себе еще широкий пласт малоизученных архивных источников, ждущих своих исследователей.

Думаем, что проведение подобных по тематике конференций станет доброй традицией наших архивистов, что будет, с одной стороны, способствовать популяризации документов Архивного фонда Российской Федерации, а с другой, станет залогом продолжения многолетнего сотрудничества историков и архивистов.

МАТЕРИАЛЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

Д. В. Ливенцев,
*доктор исторических наук, профессор,
профессор внебюджетного факультета
ФКОУ ВО «Воронежский институт Федеральной
службы исполнения наказаний России»*

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПРОЕКТ ВОЕННО-МОРСКОГО ПЕРЕВОСПИТАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРЕСТУПНИКОВ (НА МАТЕРИАЛАХ ФОНДОВ РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ)

Некоторые проблемы возникают при работе с редкими периодическими изданиями для исследователя неожиданно. Примером может служить судьба российского проекта военно-морского перевоспитания несовершеннолетних преступников с учетом опыта английских коллег, который случайно удалось найти в фондах периодических изданий Российской национальной библиотеки (г. Санкт-Петербург).

Проблема перевоспитания несовершеннолетних преступников всегда оставалась актуальной для общества [6, с. 33]. Надо отметить, что Российская империя и западные страны использовали самые различные формы организации исправления несовершеннолетних преступников [10, с. 27]. Отсюда весьма интересным представляется опыт организации тюремным ведомством Великобритании военно-морских исправительных учреждений для подобного контингента.

Сам закон о специальных учреждениях для несовершеннолетних английских преступников был принят еще в 1854 г. [9]. В начале XX в. исправительные учреждения в Великобритании для несовершеннолетних преступников подразделялись на два типа: реформатории и ремесленные приюты [4, с. 47]. В реформаториях содержались малолетние преступники в возрасте от 10 до 16 лет. Основной контингент ремесленных приютов, представлявших скорее попечительские организации, составляли нищенствующие, бродячие и брошенные дети, не судимые ранее.

Именно для данных двух типов модернизированных исправительных учреждений в Англии начала XX в. ввели военно-морское перевоспитание [3, с. 3]. К реформаториям приписали учебные корабли «Cornwall» и «Akbar». Ремесленные приюты обзавелись судном «Shaftesbury». К ним добавился корабль «Exmouth» для детей английских бедняков из рабочих домов. Все вышеназванные суда являлись частным, а не государственным предприятием [7, с. 2]. Однако при нехватке благотворительных финансовых средств государственная власть выделяла дополнительные деньги.

Направление на учебный корабль ребенка обычно зависело от судьи, руководствовавшегося при этом личным желанием малолетнего преступника. При приеме на корабль воспитанник проходил обязательный медицинский осмотр и принимался только в случае абсолютной физической пригодности к морской службе. Главными противопоказаниями по здоровью назывались чахотка, т. е. туберкулез, и недостаточный вес. Медицинский осмотр для воспитанников, находившихся на учебном корабле, проходил раз в три месяца. Среди недугов у воспитанников на учебных судах преобладали ушибы, простуда и желудочные заболевания. В свою очередь, эпидемии полностью отсутствовали. Крайне редкими среди воспитанников были смертельные случаи от болезни и самоубийства.

Экипаж учебных судов для несовершеннолетних преступников формировался из отставных офицеров и унтер-офицеров британского королевского флота. Офицеры и унтер-офицеры должны были обучать воспитанников военно-морскому делу. Помимо них нанимали портных, плотников, слесарей, поваров, сапожников для передачи ремесленных навыков и учителей по общеобразовательным предметам [4, с. 48].

В экипаж учебного судна в обязательном порядке входили священник и врач. Все бытовые работы и уборку корабля воспитанники осуществляли собственными силами. Надо отметить, что, по свидетельству очевидца, на учебных кораблях поддерживались образцовые чистота и порядок.

Давайте посмотрим список лиц, относящихся к администрации учебного корабля «Cornwall», рассчитанного на 260 воспитанников:

«Капитан и его помощник,
6 моряков для обучения морскому делу,
3 школьных преподавателя,
1 дирижер оркестра,
1 учитель гимнастики,
2 плотника и повар» [8, с. 240].

Все экипажи учебных кораблей получали приличное содержание, а сами суда представляли собой бывшие деревянные парусники британского королевского флота, имевшие славную боевую историю.

Капитан на учебном корабле для несовершеннолетних преступников по отношению к экипажу обладал дисциплинарной властью и мог удалить любого служащего. Правда, за принятые решения он нес ответственность перед советом благотворительных организаций [4, с. 49].

Дисциплина воспитанников находилась на весьма высоком уровне. Наказания практически отсутствовали и следовали только в случаях кражи, побега, драки и явного неповиновения. Когда происходил побег, администрация учебного корабля для розыска воспитанника обращалась в полицию. К мелким проступкам относили курение табака, лень, неопрятный внешний вид, порчу форменной одежды. Однако если воспитанник провинился, то его могли наказать ударом тростью через одежду до 8 раз, ударами розгой по голому телу до 18 раз, помещением в карцер до 3 суток.

Наконец, практиковали ограничение воспитанника в пище, т. е. оставляли в пищевом рационе нарушителя хлеб и воду.

В рацион воспитанников входили: на завтрак какао с хлебом, маслом и овсяной кашей; на обед мясо с овощами и сладостями; на ужин какао с хлебом и маслом [7, с. 7].

Сами учебные корабли стояли в портах и не совершали даже кратковременных плаваний. Воспитанникам лишь позволялись прогулки на маломерных судах. В обязанности воспитанников входило постоянное пребывание на учебных кораблях, кроме незначительных по времени отпусков.

Воспитанники делились на несколько возрастных групп. Существовали и группы хорошего, отличного и среднего поведения, показывающие взаимоотношения воспитанника с администрацией корабля. Для группы отличного поведения начальство предоставляло целый ряд привилегий: писать домой письма, раз в два месяца краткосрочный отпуск, получение книг из библиотеки. Прилежному воспитаннику выдавался отпускной билет от одного дня до двух недель. Особым поощрением были рождественские каникулы сроком до 10 дней, проведенные с родственниками. Как поощрение разрешались и периодические посещения членами семей воспитанников на учебном корабле. Все привилегии для воспитанников начинали действовать после 9 месяцев пребывания воспитанника на учебном корабле.

Из группы отличного поведения формировали воспитанников для исполнения унтер-офицерских обязанностей. Если воспитанник допускал дисциплинарный проступок, то его переводили в менее престижную группу.

Вот иерархия воспитанников учебных кораблей для несовершеннолетних английских преступников:

«Старшие унтер-офицеры,
унтер-офицеры,
младшие унтер-офицеры,
рассыльные,
постоянные лодочные гребцы» [8, с. 242].

Упомянутая иерархия среди воспитанников, нашедшая отражение в нашивках на форменной одежде, во многом способствовала соревновательному духу и более успешному овладению военно-морским делом. Сама форма воспитанников полностью повторяла одежду матросов британского королевского флота.

При оценке знаний или умений воспитанника применялась общепринятая в английских школах шкала: отлично, хорошо, удовлетворительно и плохо. Занятия соответствовали учебной программе общеобразовательной английской школы: письмо, арифметика, география, история, риторика, рисование и т. д. Начальство не принуждало воспитанников к непосильному труду, что позволяло им иметь достаточно свободного времени для самостоятельных занятий по школьной программе.

Каждый год для воспитанников проводились экзамены для перевода в следующий из семи классов школы, работавшей на учебном корабле. Результаты школьного обучения признавались администрацией кораблей успешными, т. к. до 93 % воспитанников могли читать и писать.

Все воспитанники делились на две суточные вахты. Одна из которых училась в школе, а другая под присмотром отставных моряков осваивала секреты военно-морского дела. Курс обучения основам морской профессии продолжался 33–36 месяцев. По окончании начального военно-морского образования воспитанник должен был уметь обращаться с парусами, знать флажные сигналы, управлять шлюпкой, бросать лот для измерения глубины, вязать все морские узлы. Одновременно отставные моряки следили за физическим развитием воспитанников. Для воспитанников учебных кораблей специально закупили гантели и различные тренажеры. К ним добавлялись ремесленные занятия: кулинария, сапожное, портняжное и плотничье дело.

У воспитанников была достаточно обширная досуговая программа, включавшая концерты, танцы, занятия спортом, соревнования по военно-морскому делу. Между учебными кораблями проводились соревнования по футболу, крокету и лаун-теннису. Призами победителям служили серебряные часы и медали, приобретаемые на средства благотворительных обществ [4, с. 50].

По достижении 18-летнего возраста капитан учебного корабля мог заключить первый матросский контракт своего воспитанника с судовой компанией. Однако большинство воспитанников выбирали карьеру матроса британского королевского флота. Кстати, многие бывшие воспитанники посещали впоследствии свои учебные корабли, где им помогали при материальных затруднениях. К преступному прошлому вернулось не более 13 % бывших малолетних нарушителей закона. Как сказал один из капитанов учебного корабля для несовершеннолетних преступников: «...В английском военном флоте, сэр, нет ни одного корабля, на котором не служат или не служили бы мои воспитанники» [7, с. 15].

Конечно, на учебном корабле несовершеннолетнему преступнику было значительно лучше, чем на улице или в работном доме. К тому же здесь его учили и давали ремесленные и военно-морские навыки. Отсюда можно сделать вывод о положительных и эффективных результатах деятельности английской системы военно-морского перевоспитания несовершеннолетних преступников.

Подобная система перевоспитания несовершеннолетних преступников в начале XX в. вызывала законную гордость у руководителей английского тюремного ведомства. Более того, в 1910 г. «Российский морской союз» опубликовал доклад И. П. Абзелева «Об Образовании под флагом Российского морского союза приютов для мальчиков бродяжек с целью подготовки личного состава для военного и коммерческого флота со специальными познаниями» [2]. Одной из главных причин подобного

проекта стало сокрушительное поражение Российского императорского флота в русско-японской войне 1904–1905 гг.

И. П. Абзелев начинает свое сообщение со следующей мысли: «...Нынче не редкость не только несовершеннолетние, но даже малолетние преступники.

Опасность становится так велика, что, в сущности, необходимо немедленно, сейчас же, всему Обществу («Российский морской союз» – авт.) сплотиться и дружным напором начать самую широкую борьбу с этим злом. Господа, против такого зла одно только оружие добро» [2, с. 3].

Затем И. П. Абзелев приводит неутешительную статистику: «...По сведениям статистического отдела Московской городской управы только в одних коечно-каморочных квартирах в году оказалось 40 тысяч человек никуда не попавших, оставшихся за флагом. И все это дети после школьного возраста, т. е. могущие работать производительно» [2, с. 4].

Одновременно И. П. Абзелев обращался к проблеме подготовки матросского и унтер-офицерского состава русского флота: «...Никто не станет оспаривать, что качество личного состава флота, т. е. знание, дисциплина, воодушевление, выносливость имеют громадное значение в военном отношении; значение не менее важное, чем качество самого флота, т. е. судов и их вооружения. Этим я хочу сказать, что имея самые лучшие современные суда, вы не одолеете противника, если эти суда будут обладать плохим личным составом» [2, с. 6].

В докладе упоминается положительный опыт так называемого «Корабля Школы» для беспризорных детей в Севастополе на бывшей военной шхуне «Псезуапе» [1, л. 7]. Данный приют существовал по инициативе севастопольского общественного деятеля А. И. Млинарича с 1908 г. [2, с. 7].

После чего в докладе следует сам проект российских военно-морских исправительных учреждений для несовершеннолетних преступников. Морские школы-приюты, по мнению И. П. Абзелева, должны были устраиваться в двух видах: 1) для малолетних и 2) для подростков. Желательно, чтобы они располагались недалеко от моря или судоходной реки. Оптимальный возраст для детей из приюта 14–15 лет [5, с. 12]. Кстати, подобная цифра называлась исходя из английского опыта организации упомянутых учреждений. Все новые питомцы принимались по завершении тщательного медицинского осмотра. В программу обучения общеобразовательные предметы включались в объеме, необходимом для усвоения практических знаний [5, с. 13]. Главная задача морского приюта для несовершеннолетних преступников – подготовка будущего младшего флотского специалиста. Летнюю практику воспитанники должны проходить в яхт-клубах, находящихся в подчинении Морского министерства России [2, с. 8–9]. Срок обучения в приютах должен заканчиваться в 18 лет. Выпускник морского приюта для несовершеннолетних преступников обязан впоследствии 12 лет прослужить на флоте. Затем он увольняется со службы

и может применить полученные знания в гражданской жизни [5, с. 14]. В завершении своей речи И. П. Абзелев сказал следующее: «...Я кончаю и прошу вас, господа, примите мою идею, всеми силами стремитесь к ее осуществлению – это будет хорошее, доброе, полезное для государства дело; оно и послужит тесной живой связью нашего Союза с родным флотом» [2, с. 10].

Доклад И. П. Абзелева был поддержан подавляющим большинством членов «Российского морского союза». После единогласного голосования избрали «Комитет для разработки программы устройства детских морских приютов». По списку собрали несколько сотен рублей на новое благое дело. Сам комитет работал по адресу – Санкт-Петербург, Мойка, д. 22, кв. 11. Руководил «Комитетом для разработки программы устройства детских морских приютов» товарищ председателя «Российского морского союза» А. В. Белов. Однако последующие события российской истории не позволили членам «Российского морского союза» претворить в жизнь проект отечественных военно-морских исправительных учреждений для несовершеннолетних преступников.

Источники и литература

1. Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГАВМФ). Ф. 280. Оп. 1. Д. 5.
2. Абзелев И.П. Об Образовании под флагом Российского морского союза приютов для мальчиков бродяжек с целью подготовки личного состава для военного и коммерческого флота со специальными познаниями // Труды Российского морского союза. – 1910. – Вып. 1. – С. 3 – 15.
3. Денисенко В.В. Модернизация общества и правовое регулирование // История государства и права. – 2007. – № 22. – С. 2 – 4.
4. Ливенцев Д.В. Военно-морские исправительные учреждения для несовершеннолетних английских преступников в начале XX в. // История государства и права. – 2016. – № 23. – С. 47 – 50.
5. Ливенцев Д.В. Проект российских военно-морских исправительных учреждений для несовершеннолетних преступников в начале XX в. // История государства и права. – 2017. – № 10. – С. 12 – 14.
6. Марковичева Е.В. Несовершеннолетний в системе уголовного судопроизводства в России первой половины XX века // История государства и права. – 2009. – № 6. – С. 33 – 36.
7. Несслер В.Ф. Учебные корабли для малолетних преступников и беспризорных детей в Англии. – СПб., 1900. – 17 с.
8. Несслер В. Учебные корабли для малолетних преступников // Тюремный вестник. – 1900. – № 5. – С. 240 – 256.
9. Reformatory Schools Act 1854. Информация с официального сайта Министерства юстиции Великобритании – The UK Statute Law Database: <http://www.statutelaw.gov.uk>.

10. Фруменкова Т.Г. Передача питомцев Петербургского воспитательного дома на частные предприятия Петербурга и Северо-Запада России в конце XVIII – середине XIX в. // История государства и права. – 2009. – № 9. – С. 27 – 32.

Л. М. Рянский,
*доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры истории России
ФГБОУ ВО «Курский государственный университет»*
Р. Л. Рянский,
*доктор исторических наук, зав. сектором
источников и музейной работы, старший
научный сотрудник Научно-исследовательского
института археологии юго-востока Руси
ФГБОУ ВО «Курский государственный университет»*

ТОРГОВО-ПРОМЫСЛОВЫЕ СЕЛЕНИЯ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

В первой половине XIX в. Курская губерния являлась типичным аграрным регионом Российской империи. Вместе с тем в ней происходило неуклонное и ускоряющееся развитие крестьянских местных и отхожих промыслов, приобретающих возрастающее значение в экономике региона. Современник отмечал, что «в губернии встречаются околотки, где население целых слобод и деревень занято преимущественно каким-либо промыслом. С первого взгляда нередко подобные занятия представляются маловажными, даже ничтожными, но в действительности они иногда служат прочною основой благосостояния жителей, образуют обширную промышленность, произведения которой оказываются весьма значительною статьею в торговле» [15, с. IX].

Крестьянские промыслы возникали и развивались в результате взаимодействия целого ряда факторов, однако ведущую роль в этом отношении играли крупные селения. Что касается факторов, то, прежде всего, это относительно неблагоприятные условия для развития сельским хозяйством: «В иных местах малоземельность и неплодородие почвы, в других... худая разработка полей, истощенное состояние скотины... уничтожают у поселянина любовь к хлебопашеству и, как бы по необходимости, обращают его в ремесленника или промышленника...» [13, с. 70]. Они (неблагоприятные для развития сельского хозяйства условия) складывались именно в многолюдных селениях, так как в них возникали малоземелье или дальнотемелье.

Большие населенные пункты образовывались в имениях сановной знати (Шереметевых, Толстых, Трубецких и др.), которые, получив от

Петра I огромные земельные пожалования на юге Курского края, постарались «сгустить» крестьян в крупные поселки, с одной стороны, в «хозяйственных целях», а с другой – «чтобы закрепить за собой навсегда непрочное, привыкшее к вольной жизни казацкое, малорусское население». Таким образом возникли, например, Борисовка Шереметевых и Михайловка (позже Великомихайловка) Толстых [16, с. 54].

В уставных грамотах и опубликованных описаниях дворянских имений 1858 г. приводятся данные о числе душ, разрядах крестьянского земельного надела и формах ренты, свидетельствующие о нехватке земли и дальнотемелье. Так, в слободе Борисовке Грайворонского уезда (Д.Н. Шереметева) насчитывалось 3505 дворов, 12649 мужских душ, а надел пашни составлял всего 0,9 дес. на душу мужского пола. В слободе Екатериновке, Бол. Халани тож Новооскольского уезда (И.Ю. Трубецкого) аналогичные показатели составляли, соответственно, 847, 3900, 2,1, а в его же слободе Ольшанке – 588, 2065, 0,8. В слободах Терновке и Шопине Белгородского уезда (Д.Н. Шереметева) было 599 дворов, 2085 душ, а надел пашни равен 1,2 дес. В его же слободе Михайловке Дмитриевского уезда насчитывалось 500 дворов, 1776 душ, на каждую из которых приходилось 1,9 дес. пашни. В слободе Орлик Старооскольского уезда (Д.А. Бобринской) соответствующие показатели составили 614, 2134 и 0,82; в слободе Томаровке Белгородского уезда (Н.Ю. Салтыкова) – 1196, 4764, 1,32; в селе Павловке Обоянского уезда (Н.Ю. Салтыкова-Головкина) – 362, 1289, 1,68; в сельце Рыбинских Будах того же уезда (Н.Б. Юсупова) – 251, 949, 1,47 [8, 9, 10, 11, 21].

Определенное значение для развития промыслов имела форма эксплуатации крестьян. Они состояли в диалектической взаимосвязи. В большинстве селений преобладали денежный оброк или смешанная повинность. Последняя представляла собой сочетание денежной и отработочной ренты (косовица хлеба в небольших размерах, перевозка его с поля, ремонт плотин, исправление ограды, хозяйственных строений и т.п.). Перевод крестьян на оброк или смешанную повинность обуславливался снижением уровня земледелия, распространением товарно-денежных отношений и крестьянских промыслов, а также целым рядом других факторов. С другой стороны, эти формы ренты оказывали обратное воздействие, положительное по сравнению с барщиной, на развитие указанных процессов в крестьянском хозяйстве. Как известно, оброк обеспечивал крестьянам относительно большую самостоятельность в выборе рода хозяйственной деятельности и с необходимостью требовал от крестьян тех или иных способов добывания денег. Неслучайно именно в оброчных селах крестьянские промыслы развивались более или менее быстро. То же можно сказать и о смешанной форме эксплуатации, хотя она в значительно большей степени, чем оброк, сковывала хозяйственную инициативу крестьянства.

Приведем данные о формах эксплуатации крестьян. Борисовские крестьяне состояли на оброке, ольшанские и большехаланские – на смешанной повинности, терновские, шопинские, михайловские Д.Н. Шереметева – на оброке, жители слободы Орлик – на смешанной повинности, обуховские и будские – на оброке и т. д.

Развитию крестьянской промысловой деятельности способствовали наличие сырьевых ресурсов и устойчивого спроса на готовые изделия. В этом отношении преимущество было на стороне крупных населенных пунктов, поскольку они располагались, как правило, вблизи оживленных дорог и почтовых трактов, в них чаще устраивались ярмарки и базары. Естественно, в крупных селах складывались более благоприятные условия для развития товарно-денежных отношений – этого важного фактора, стимулировавшего рост крестьянской промышленности, а также для приобретения сырья и сбыта готовой продукции.

Конкретную характеристику торгово-промысловых и земледельческо-промысловых селений начнем со слободы Михайловки Шереметевых.

В слободе Михайловке Дмитриевского уезда уже в конце XVIII в. насчитывалось 1000 «хотя и деревянных. Но хорошо на образец городской отделанных» домов, школа, «обучающая российской грамоте и петь по нотам». Помимо крестьян в ней проживали также купцы. Слобода являлась перевалочным пунктом для пеньк, отправляемой из Курского края на Гжатскую пристань. Пенька вывозилась большими партиями («по несколько тысяч берковцев») [17, с. 40]. Отсюда вывозился также и хлеб, сначала гужом в Орел, а затем водным путем в Москву. Уже в то время в Михайловке существовали воскобойные, прядильные, красильные, кожевенные и маслобойные «заводы и фабрики» [17, с. 140].

Жители занимались лесным и рыбным промыслами, каменным, столярным, плотничным, живописным «художествами» и портняжным, сапожным, бочарным, кузнечным, скорняжным «мастерствами» [19].

В описании Михайловской вотчины, составленной для Шереметева приказчиком Михаилом Бушуевым, крестьянские промыслы дополнены такими рукоделиями, как вязание колпаков и варежек, вышивание полотенец, печение на продажу хлебобулочных изделий [5, л. 8 об.].

Широкое распространение среди михайловских крестьян также имела торговля. По сообщению М. Бушуева, торги в слободе случались еженедельно и на них съезжались не только окрестные крестьяне с разным мелочным и щепным товаром (колеса, сани и др.) и хлебом, но также «по паспорту купцы» из Курска, Фатежа, Рыльска, Льгова, Дмитриева, торговавшие «красным товаром» [5, л. 17 об.]. В «Ведомости о крестьянах, занимающихся торговлей и промыслами в 1858 г.» выделено 65 крестьян, получавших от 100 до 600 руб. годового дохода. Они торговали лошадьми и другим скотом, пенькой, хлебом, бакалейным, кожевенным и даже «красным» товаром, рыбой, шапками, сапогами, свечами, салом, солью,

конопляным маслом, бумажными изделиями. Помимо них, «многие крестьяне и крестьянки, занимающиеся разною торговою промышленностью... торгуют на месте, более же на ярмарках съестными припасами, горшечными и щепными изделиями, лыками, дехтем и прочим» [6, л. 1–4 об.]. Но более чем вероятно, что в слободе проживали намного более состоятельные крестьяне. Так, «капиталистый» крестьянин Плотников купил у дворянина Аленникова деревню Солдатовку с 65 крепостными. Об этом стало известно начальству, и Плотникову «было велено дать купчую не только на имя, но и в действительную собственность графскую» и «чтоб крестьян сей деревни не отягощал излишними в них в пользу свою поборами и работами» [7, л. 1–3]. Плотников выступил в данной ситуации в качестве крепостника, но другие крестьяне вкладывали накопленные капиталы в промышленное производство капиталистического типа.

Михайловка являлась одним из центров пенькотрепального и веревочного производства. В 1850-х гг. в ней насчитывалось до 15 трепален, вырабатывавших громадное количество готовой пеньки». На указанных предприятиях применялся наемный труд. Возникли также канатно-веревочные мастерские. В годы Крымской войны наступил настоящий бум в этом производстве: «У кого было 1–2 колеса, за 3 года увеличилось до 8–10, у кого было прежде 2–3 наемных рабочих, тот стал держать 10–12 человек» [14].

Накануне реформы 1861 года в Михайловке особенное широкое распространение получили «отхожие заработочные по подрядам промыслы» [11].

Столь же развитой в промышленном отношении считалась слобода Борисовка Хотмыжского (в дальнейшем Грайворонского) уезда. В начале XIX века наряду с земледелием в ней существовали и промыслы. В «Описании Борисовской вотчины за 1803 г.» упоминаются такие ремесла, как иконописное, «золотарное», портняжное, шапочное, кузнечное, гончарное, скорняжное, ткаческое и др. [3, л. 32 об.].

Многие борисовские крестьяне занимались торговлей. Некоторые из них построили лавки и сдавали их в аренду приезжим купцам. Четыре ежегодные борисовские ярмарки славились далеко за пределами Курской губернии. Одной только рыбы (белуга, осетр, сом) и икры курские и харьковские купцы привозили от 50 до 100 возов [3, л. 32 об.–35]. Приведем для наглядности сведения, касающиеся слободы Борисовки Грайворонского уезда. В Борисовке крестьянские промыслы имели давние традиции. Об их состоянии перед реформой 1861 г. в «дополнительных сведениях» к описанию 1858 г. сказано следующее: «Но хлебопашество не составляет исключительного промысла крестьян сего имения, которые, особенно же слобода Борисовка, отличаются способностью к производству разного рода ремесел, заводских промыслов и торговли, а именно: они занимаются деланием крестьянской обуви простой и частью

усовершенствованной, употребляемой торговым классом, шитьем разного рода одежды, особенно тулупов, столярным, плотничьим, печным, бондарным и кузнечным мастерством, живописью портретною и иконною на досках, и полотне, и стенкою, чем вошли в известность не только в здешнем краю, но и в других местах России, малярным ремеслом, деланием крестьянских экипажей и особенно колес и санных полозьев, выделкою овчин, дубленых простых и другого рода кожевенных товаров, гончарным и кирпичным изделиями, литьем сальных и сучением восковых свечей, тканьем... холстов... одеял, набойкою, покраскою холстов для крестьянского употребления, печением кренделей и белого хлеба для продажи, содержанием мельниц, коих состоит в сем имении 9 водяных и 116 ветряных,.. торговлею: на месте в слободе Борисовке... одни повседневно, а другие в базарные дни и ярмарки сукнами, шелковыми... материями, разного рода тканями, кожевенным товаром, бакалейными... чаем, сахаром, кофе, медом, воском, деревенским маслом,.. рыбою, разного рода крупчатой мукой, солью, свечами восковыми и сальными, мехами калмыцкими, черкасскими, сибирскими,.. изделиями столярными, портняжными, картузными, медью, железом, оловом, свинцом, скипидаром, смолой, дегтем, варом, льном, льняными и конопляными крестьянскими... холстами, лошадьми,.. хлебом и проч. Для производства торговли повседневной, базарной и ярмарочной в слободе Борисовке устроено 84 лавок и складочных амбаров, расположенных на базарной площади. Крестьяне занимаются извозом... на лошадях и волах, отправляясь в Крым, Одессу и другие... города и места...» [4, л. 126–129].

Приведенная цитата из источника столь красноречива и информативна, что не нуждается в особых и тем более пространных комментариях, поэтому ограничимся несколькими выводами. Во-первых, один лишь перечень промысловых занятий свидетельствует об их широком распространении среди жителей слободы. Во-вторых, практически все названные в источнике ремесленные изделия фигурируют в торговом ассортименте, а значит, местные ремесла уже прошли стадию домашней промышленности. В-третьих, жители Борисовки были не только производителями, но и потребителями как произведенной на месте, так и привозной продукции, в том числе и такой, которая потреблялась представителями богатых сословий. Это может свидетельствовать о достаточно высоком уровне материального благосостояния борисовских крестьян. В-четвертых, воспроизводство в крестьянских хозяйствах уже было в значительной мере опосредовано рынком, а их натурально-хозяйственная основа разрушалась.

Дополнительные штрихи к описанию Борисовки дает автор «Описания городов и других мест Курской губернии», относящееся к началу 1860-х гг.: «Слобода Борисовка населением превосходит все уездные города Курской губернии; по сведениям за 1861 г. в ней считается жителей 26664 души обоего пола, 1127 дворов, 4 церкви; в ней находятся:

почтовая станция, кирпичный завод, училище, богадельня... жители, кроме хлебопашества, занимаются торговыми оборотами, здесь бывают 4 ярмарки и по 2 раза в неделю базары». Примечательно резюме составителя описания: «Вообще же, слобода Борисовка, как одна из многолюднейших в губернии, имеет большое торговое и промышленное значение» [12].

Типично промысловый характер носила слобода Ольшанка Новооскольского уезда, владельцами которой являлись кн. Трубецкие. Земледелие местные крестьяне практически забросили. По свидетельству очевидца, священника Д. Левитского, «хлебопашеством и содержанием домашнего скота по наследству от предков» занималось всего около 5 % населения Ольшанки. Источником средств существования для подавляющего большинства крестьян являлись промыслы. Наиболее развитым было кожевенно-сапожное производство, охватывавшее почти 90 % дворов с проживавшим в них населением.

Свои незначительные наделы, составлявшие всего 0,8 дес. пашни на душу мужского пола, крестьяне обрабатывали «наемными руками жителей соседних русских селений» [18, с. 183]. Это давало крестьянам всего около одной трети необходимого для прокормления своих семей хлеба [18, с. 202]. Лишь некоторые крестьяне держали лошадей, у остальных были коровы и козы «для молока». Поэтому «у них нет одежды домашнего приготовления, не бывает своих мясных харчей или домашней птицы; все это приобретается им покупкою» [18, с. 184]. Из других отраслей сельского хозяйства у ольшанцев существовало «в самых малых размерах» пчеловодство и огородничество, являвшееся исключительно женским занятием. Последнее развивалось в торговом направлении. Д. Левитский отмечает, что «женщины, летом занимающиеся разведением лука, умеют хорошо выращивать его и имеют от продажи хорошую пользу» [18, с. 184]. В свободное от домашних дел время женщины и девушки: пололи бахчи или драли дубовую кору, применявшуюся в дубильном деле [18, с. 184].

Изготовлением кожевенно-сапожных изделий крестьяне занимались в течение всего года и даже в летний период, так как с июля сапоги отправлялись на продажу. Живо и очень выразительно изображает Ольшанку в страдную пору современник: «В летнее рабочее время Ольшанка представляло решительную противоположность с русскими селами: тогда как в последних жилье можно встретить только старого, да малого, в Ольшанке везде увидишь молодых рабочих людей и в домах целые артели, с стройными песнями работающие сапоги» [18, с. 184].

Занятия промыслами накладывали свой отпечаток на внешний облик слободы и образ жизни ольшанцев. Соседи называли Ольшанку городом, а ее жителей купцами. Дома здесь «отстроены просторные, красивой отделки, с окнами большого размера... покрытые камышом или соломой под гребенку». Внутренние помещения «содержатся в чистоте, украшаются многими иконами довольно искусной живописи». У «состоятельных» есть столы и стулья, но у «других» – лишь «скамьи и

один большой стол». «Состоятельные» также имели самовары, чайные и столовые приборы, серебряные стаканы и «чарочки». Ольшанские крестьяне, разъезжая по разным торговым местам, чрез обращение с людьми более образованными... делаются смелее в обращении, находчивее и вежливее в словах, делаются во многом опытнее и образованнее в понятиях и вкусе». Одежда у крестьян и крестьянок сшита из тонкого сукна, плиса и нанки. Женщины одевались «очень изящно»: носят шелковые платки, серебряные кресты, коралловые и янтарные монисты, серебряные цепочки [18, с. 209].

Однако вышеизложенное присуще преимущественно зажиточной верхушке Ольшанки. Основная масса ее жителей, как говорится, в поте лица добывала себе хлеб насущный. Сапожники работали в тяжелых антисанитарных условиях. Дубильный чан помещался в сенях или прямо в избе. Сверху его плотно прикрывали досками «и в таком виде он служит днем – местом для складки платья, ночью – кроватью для детей». Известь – необходимый компонент в дубильном деле – отравляла воздух «убийственными миазмами». Когда кожи вынимали из чана, то в избе стоял «обыкновенно такой смрад, что здоровый человек, непривыкший к этому, может положительно упасть в обморок» [16, с. 65; 18, с. 192–195].

Одним из самых развитых в торгово-промышленном отношении селений Курского края была слобода Михайловка (Великомихайловка) Новооскольского уезда. Уже в конце XVIII в. в ней насчитывалось 4390 душ мужского пола. Как и в перечисленных выше населенных пунктах, земледелие являлось второстепенным занятием крестьян. По данным Экономических примечаний Новооскольского уезда, в Михайловке, вместе с селом Богородицким, имелось всего 504 дес. пашни (эта величина представляется заниженной). Но, несомненно, гораздо большее значение для крестьянского хозяйства имело скотоводство. В распоряжении михайловских и богородицких крестьян было 23519 дес. пастбищно-сенокосных угодий [1, л. 32–36; 2, л. 6 об.]. Составитель описания Михайловки С. Смирнов, отмечал, что «имение ж всех вообще состоит из одной скотины и большей частью [они] находятся в степи» [2, л. 5 об.]. Среди михайловских крестьян получил широкое распространение отход в форме чумачества. Ежегодно отсюда отпускалось до 1000 фур чумаков, для чего требовалось значительное число воловых пар. Важную роль играли в хозяйстве и местные промыслы. Всего в слободе насчитывалось 615 ремесленников, в том числе 121 портной, 166 сапожников, 97 ткачей, 90 гончаров, 20 кузнецов, 20 «калашников», 20 мясников (косвенное свидетельство большого значения скотоводства в крестьянском хозяйстве), 4 столяра, 2 резчика, 30 пильщиков, 35 плотников, что составляло примерно 30 % от всех мужчин рабочего возраста [2, л. 5 об. – 6].

С течением времени ремесла приобретали в Михайловке все большее значение. О ситуации, сложившейся в 1850-х гг., бывший новооскольский предводитель дворянства Н. Решетов сообщает, что

михайловские крестьяне «в земле не нуждались, так как почти все были ремесленники, торговцы, хлебопашеством не занимались, сбывая свои произведения, преимущественно сапоги в огромном количестве в Турцию через Одессу и, исправно выплачивая помещице оброк, не более 9000 руб. в год, жили очень хорошо, а многие даже зажиточно» [22, с. 149–150]. Экономическая организация сапожного промысла в Михайловке, Ольшанке и других селениях была передовой для своего времени – простая кооперация, эволюционировавшая в направлении рассеянной мануфактуры [23].

Кроме того, Михайловка была центром и ряда других промыслов: нескольких деревообрабатывающих, сундучного, гончарного, скорняжного, ткацкого [23].

В 1850-х годах владелица Михайловки графиня Потемкина (урожденная Голицына) продала слободу государству при довольно драматических обстоятельствах [22].

Несомненно, экономически развитой была слобода Томаровка Белгородского уезда, в которой проживало более 10 тыс. душ обоего пола. Крестьяне занимались торговлей и различными промыслами, Томаровка считалась «важнейшим в губернии хлебным рынком» [12, с. 18–19].

Как показывает наше исследование, в рассматриваемый период в типично аграрной Курской губернии на базе развития товарно-денежных отношений и крестьянских промыслов появился целый ряд селений, носивших торгово-промысловый характер. По численности населения большинство из них превосходили почти все города губернии. Жители таких населенных пунктов по образу жизни и роду трудовой деятельности приближались к городскому населению и существенно отличались от типичных земледельческих крестьян.

В первой половине XIX в. в Курской губернии нарастал горообразование процесс. В течение нескольких десятилетий некоторые населенные пункты прошли путь, равный векам. Однако урбанизация могла бы достичь больших успехов, если бы вместо деградирующих Хотмыжска, Богатого, Нового Оскола и крошечных сел, ставших уездными центрами в конце XVIII в., в города были преобразованы охарактеризованные выше частновладельческие селения, в которых нарастали урбанистические тенденции. В этом выразилось тормозящее влияние крепостничества.

Источники и литература

1. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 1263. Оп. 1. Д. 614.
2. РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 6744.
3. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1088. Оп. 6. Д. 1164.

4. РГИА. Ф. 1088. Оп. 6. Д. 1296.
5. РГИА. Ф. 1088. Оп. 6. Д. 1601.
6. РГИА. Ф. 1088. Оп. 6. Д. 1700.
7. РГИА. Ф. 1088. Оп. 6. Д. 2118.
8. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. 68. Оп. 3. Д. 2190.
9. ГАКО. Ф. 68. Оп. 3. Д. 2191.
10. ГАКО. Ф. 68. Оп. 3. Д. 2404.
11. ГАКО. Ф. 68. Оп. 3. Д. 2418.
12. ГАКО. Ф. 1555. Оп. 5. Д. 11.
13. Военно-статистическое обозрение Российской империи Т. XIII. Ч.3. Курская губерния / Сост. Дуброво и Рельи. – СПб., 1850. – [2], 248 с.; 35 л. табл.
14. [Добротворский, Н. А.]. Промыслы и внеземледельческие занятия крестьян Центрального района. – Курск: Тип. губ. земства, 1885. – [2], II, 229 с.; 24 [Сборник статистических сведений по Курской губернии. Отдел общий / сост. под ред. И. А. Вернера. – Курск: тип. Курск. губ. земства, 1885. – Т. 1: Крестьянская грамотность и образование Центрального района Курской губернии / сост. Н. А. Благовещенский. – [Б. м. : б. и.]].
15. Курская губерния. Список населенных мест по сведениям 1862 г. СПб. – 1868. – 99 с.
16. Кустарные промыслы Курской губернии / Сост. Н. Добротворский. – Курск: Курск. губ. зем. стат. бюро, 1886. – Вып. 2. – [4], II, 255 с.
17. [Ларионов С.]. Описание Курского наместничества из древних и новых разных о нем известий вкратце собранное Сергеем Ларионовым, того наместничества Верхней расправы прокурором. – М.: вольн. тип. Пономарева, 1786. – [8], 188, [4] с.
18. Левитский Д. Описание выделки кож, шитья сапогов и торговли ими крестьян слободы Ольшанки Курской губернии Новооскольского уезда // Труды Императорского Вольного экономического общества. 1860. – Т. I. – С. 182 – 201.
19. Новый и полный географический словарь Российского государства или Лексикон. – М.: Университетская типография Н. Новикова, 1788. Ч. III. – 352 с.
20. Памятная книжка Курской губернии на 1893 г. / Сост. Т. И. Вержбицкий. – Курск: Курск. стат. комит., 1892. – [555] с.
21. Приложения к трудам редакционных комиссий для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Сведения о помещичьих имениях. Извлечения из описаний помещичьих имений в 100 душ и свыше. Т. 1. – СПб., 1860. – 364 с. разд. паг.: Курская губерния – С. 6 – 51
22. Решетов Н. Дела давно минувших дней // Русский архив. – 1885. Кн. 2. – № 5. – С. 149 – 144; № 6. – С. 300 – 304; № 7. – С. 428 – 444.

23. Рянский Л. М. Промысловые занятия помещичьих крестьян Курской губернии в 40-50-х гг. XIX в. // Проблемы аграрной истории Центрально-Черноземного района России в XIX – начале XX вв.: научные труды Курского гос. пед. института. Т.188. – Курск, 1978. – С. 25 – 44.

Г.А. Салтык,
доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры художественного образования и истории искусств
Курский государственный университет
В.М. Приходько,
ведущий специалист Администрация Курского района Курской области

ИСТОРИЯ КУРСКОГО РАЙОНА В ДОКУМЕНТАХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ АРХИВОВ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ (ГАКО И ГАОПИКО)

В фондах Государственного архива Курской области (далее – ГАКО) и Государственного архива общественно-политической истории Курской области (далее – ГАОПИКО) хранятся документы, позволившие нам воссоздать историю Курского района (с XVII в. до 1928 г. – Курского уезда)¹. Среди них в первую очередь отметим фонды местных органов государственного управления (досоветский период) – канцелярию Курского губернатора (Ф. 1) и Курское губернское правление (Ф. 33). Они содержат самую разнообразную информацию и, прежде всего, сведения об образовательном, имущественном и служебном цензе предводителей дворянства Курского уезда. С 1782 по 1917 г. ими были: И.П. Анненков (1782–1784 гг.), И.П. Шеховцов (1828–1831 гг.), Н.А. Пузанов (1837–

¹ Курский уезд – административно-территориальная единица Российской империи, а затем (после революции) РСФСР. В 1727 г. уезд вошел в состав Белгородской губернии. В 1779 г., после образования Курского наместничества, территория Курского уезда была разделена между Курским, Дмитриевским, Тимским, Фатежским и Щигровским уездами. Границы Курского уезда, определенные в 1779 г., существовали без значительных изменений до 1924 г. В период между 1918 и 1924 гг. многократно пересматривался состав и названия входивших в уезд волостей и сельсоветов. По постановлению Президиума ВЦИК от 12 мая 1924 г. в состав Курского уезда вошла территория Фатежского и частей Обоянского, Тимского, Щигровского уездов. В 1928 г. в связи с переходом государства с губернского на областное, окружное и районное деление Курский уезд был упразднен. На территории бывших Курского и Щигровского уездов был образован Курский округ, входивший в состав Центрально-Черноземной области. Его разделили на 14 районов, одним из которых был Курский район. В июле 1930 г., после упразднения округов, район перешел в непосредственное подчинение областному центру Центрально-Черноземной области (Воронеж). В ноябре того же года Курский район был ликвидирован.

В июне 1934 г. при образовании Курской области Курский район был восстановлен. Однако, уже 18 января 1935 г. при пересмотре административно-территориального деления он был упразднен, а его территория разделена между образованными Бесединским, Ленинским и Стрелецким районами. 1 февраля 1963 г. они были объединены в Курский район. 9 декабря 1970 г. на территории бывшего Ленинского района был образован Октябрьский район. 21 октября 2004 г. в ходе реформы Курский район получил статус муниципального.

1840 гг.), Д.В. Белевцов (1843–1849 гг.), П.Н. Анненков (1852–1855 гг.), (1860–1862 гг.), Н.П. Болычевцев (1862–1868 гг.), Н.П. Анненков (1884–1890 гг.), П.П. Волков (1890–1892 гг.), Н.И. Суковкин (1892–1903 гг.), Д.А. Артюхов (1903–1905 гг.), Н.А. Офросимов (1905–1917 гг.). Благодаря архивным документам нам удалось восстановить биографию Николая Петровича Болычевцева, дважды избиравшегося предводителем дворянства Курского уезда (в 1862 – 1865 гг. и в 1865 – 1868 гг.).

Он родился в 1824 г. в дворянской семье. Получил домашнее воспитание, а затем в 1837 г. вступил в Казанский драгунский полк. 30 января 1839 г. был произведен в прапорщики, 24 июля 1842 г. – в поручики, а 25 февраля 1844 г. по домашним обстоятельствам уволен от службы с чином штабс-капитана. Избирался депутатом дворянского собрания Дмитриевского уезда в 1849 и 1853 гг., заседателем Курского Совестного суда (1852 г.). 30 августа 1880 г. «за службу в должности уездного предводителя дворянства» был произведен в статские советники. В Курском уезде имел 500 десятин земли.

Н.П. Болычевцев был пожалован орденами Святого Владимира III и IV степени, Святого Станислава II степени, Святой Анны II степени, серебряным знаком «За труды» по мировым учреждениям и бронзовой медалью на Андреевской ленте в память о Русско-турецкой войне 1853–1856 гг. [3, л. 1–6].

В фонде Курского губернского правления (Ф. 33) нами были обнаружены послужные списки служащих уездного полицейского управления: старших и младших полицмейстеров, младших исправников, частных приставов. Так, в 1878 г. исправником Курского уезда был надворный советник Г.М. Топчиев, в 1884 г. – надворный советник К.Д. Золотарев, в 1888 г. – коллежский советник П.И. Казначичь, в 1891 г. – надворный советник С.И. Стокалич, в 1892 г. – надворный советник П.И. Романов, в 1905 г. – статский советник В.П. Пожидаев. О последнем из них известно следующее.

В.П. Пожидаев с 25 января 1865 г. работал в Щигровском полицейском управлении регистратором; с 1 ноября 1868 г. – в Курском губернском правлении. С 11 мая 1879 г. он был назначен приставом 20-го стана Суджанского уезда; с 18 июня 1885 г. – помощник Рыльского уездного исправника; с 31 декабря 1889 г. – помощником, а затем исправником Суджанского уезда. С 15 июля 1903 г. служил исправником Рыльского уезда, а с 25 августа 1904 г. – Курского уезда. В.П. Пожидаев был награжден орденом Святого Станислава III степени, Святой Анны II и III степени, Святого Владимира IV степени, Знака Красного Креста, темно-бронзовой медалью «За труды и перепись населения» в 1897 г. и серебряной медалью «В память царствующего императора Александра III» [4, л. 1–13].

В фондах ГАКО имеются сведения об участниках русско-японской войны – уроженцах Курского уезда, служивших на крейсере «Варяг» –

машинисте 1-й статьи И.И. Гребенщикове (был награжден «Знаком отличия военного ордена» (Георгиевский крест) и медалью «О бое при Чемульпо») и И.И. Верютине, награжденном «Знаком отличия военного ордена» (Георгиевский крест четырех степеней) [1, л. 106].

Информация о революционной деятельности жителей Курского уезда в начале XX в. сосредоточена в фонде Курского губернского жандармского управления (КГЖУ) [5, л. 20, 80]. Нами был обнаружен рапорт уездного исправника от 30 июня 1906 г., в котором речь шла о сходке в лесу между с. Виногробль и д. Водяной Колодезь, в котором, в частности, говорилось следующее: «Крестьяне, подстрекаемые неизвестными подозрительными людьми, устроили митинг, на котором решили снимать с полей экономических рабочих, устраивать беспорядки и громить экономии. Предложили начать это с воскресенья». Исправник просил губернатора принять «самые деятельные меры по предотвращению самоуправства». Было решено направить из слободы Стрелецкой конный отряд в числе 12 человек в распоряжение урядника Андреева [2].

В фондах ГАКО имеются документы, в которых имеется информация о подготовке и проведению праздника Георгиевских кавалеров Курского уезда, который состоялся в 1913 г. Нами также были обнаружены списки Георгиевских кавалеров по Рышковской, Рождественской, Казацкой, Стрелецкой, Дьяконовской, Колодненской, Муравлевской, Троицкой, Старковской, Спасской, Чермошнянской Каменевской, Долговской, Чаплыгинской и Ямской волостях (всего 200 человек) [2]. Кстати, в Курской губернии на 1913 г. числилось 1248 Георгиевских кавалеров.

Архивные документы, содержащие сведения по истории Курского уезда существенно дополняют Журналы заседаний Курского земского собрания, Памятные книги Курской губернии, Доклады губернской земской управы, Очерки деятельности земства и др. В них имеются сведения о развитии в исследуемом регионе коневодства, рыбоводства, кустарных промыслов. Ряд изданий содержит информацию о состоянии земской ветеринарии и лечебного дела в уезде. Примечательно, что в начале XX века одной из лучших в России считалась Курская земская психиатрическая больница (д. Сапогово). Решение о ее строительстве было принято Курским губернским земским собранием на экстренном заседании 8 мая 1893 г. На эти цели были выделены средства земства и получено 200 тыс. руб. правительственной субсидии. Спустя два года чрезвычайное земское собрание 22 мая 1895 г. постановило разместить психиатрическую колонию-больницу в имении Николая Максимовича Ребиндера «Сапогово» на участке площадью 240 десятин [17, с. 54–55].

Интерес представляют статистические сведения о состоянии школьного дела в Курском уезде в конце XIX века. Так, в начале 1882 г. в уезде насчитывалось 25 школ (сельских училищ). Из них 14 – нормальных (основных): 1-е Ямское мужское, Винниковское, Гостомыслинское,

Казацкое, Красниковское, Любичское, Муравлевское, Нижне-Гуторовское, Рождественское, Рышковское на Ключке, Спасское, Виногробльское, Стрелецкое, Старо-Черемошнянское; 11 – вспомогательных: Колоденское, Ямское 2-е мужское, Ямское женское, Дьяконовское, Марьинское, Гремяченское, Маковское, Ново-Чермошанское, Высоконское, Кувшиновское и Троицкое. В этот период было открыто еще 4 училища. Из 25 сельских училищ 8 имели собственные помещения. Число учащихся – 1479 человек (1267 мальчиков и 212 девочек).

Согласно ведомости о народном образовании за 1885–1886 гг., в Курском уезде уже насчитывалось 34 училища, 3 школы грамотности, 5 церковно-приходских школ, 7 церковно-приходских школ грамотности (всего 49 учебных заведений). В них работало 48 учителей и 40 законоучителей, обучалось 2516 мальчиков и 399 девочек (всего 2915 человек). На содержание школ выделялось из государственной казны – 1096 руб., земств – 14 574 руб. 50 коп., крестьянских обществ – 6063 руб. 40 коп., частных лиц – 765 руб. (всего 22 635 руб. 65 коп.) [12, с. 221–222].

Большой объем информации по истории Курского уезда отложился на страницах периодической печати – газет «Курские губернские ведомости», «Курская жизнь», «Курская беднота». Прежде всего, это сведения о социально-экономическом и политическом состоянии исследуемого региона в начале XX века.

Так, в газетах 1917 г. имеется информация о революционных событиях, происходивших на территории Курского уезда. Вот что писала газета «Курская жизнь» летом-осенью 1917 года: «...Крестьяне деревни Щетинка захватили у местной землевладелицы О.П. Грабовской лес в селе Каменеве и уже вывезли оттуда массовое количество наиболее солидных деревьев. Этот захват явно потворствует местный староста Абрамов, который в ответ на жалобы к нему сам начал рубить и свозить на себе грабовские дубы...»; «...В селе Панино отмечены аграрные беспорядки: отбираются частновладельческие земли, а также учиняются самосуды и расправы. На место беспорядков из Курска командированы войска» [14; 15].

Документы советского периода позволили восстановить историю социально-экономического и политического развития Курского района в период существования СССР. Так, информацию о сельскохозяйственных кооперативных объединениях удалось почерпнуть в Книге регистрации сельхозкооперативных товариществ за 1928–1929 гг., где имеются сведения о 117 кооперативах [6, л. 1–35]. Материалы фондов Р–4108 и Р–4829 содержат информацию о колхозном строительстве на территории Бесединского, Стрелецкого и Ленинского районов. Примечательно, что в 1963 г. их соединили в один – Курский район, в связи с чем произошло укрупнение колхозов – имени Дзержинского, Черняховского, Мичурина, Димитрова, Свердлова, Страны Советов, Карла Маркса, Куйбышева, 1 Мая, XX партсъезда, «Дружба», «Путь к коммунизму», «Большевик»,

«Заря», «Знамя коммунизма», Искра», «40 лет Октября», «Рассвет», «Путь Ленина», «Октябрь», «Заветы Ленина», «Новая жизнь», «Родина».

Так, решением общего собрания колхозников от 22 июля 1964 г. колхоз «Октябрь» Бесединского сельского совета объединен с колхозом имени Котовского (бывший колхоз имени Чапаева). На его территории располагались село Беседино и деревни Карасевка, Букреево, Воронцово, Дубовец, а с 1964 г. – Алябьево, Кувшинное, Кутепо. В 1964 г. здесь числилось 707 дворов, в которых проживало 1485 колхозников. Площадь колхоза составляла 7890 га. Центральная усадьба располагалась в деревне Карасевка, позже – в селе Беседино. В колхозе имелись ферма крупного рогатого скота, свиноферма, овцеферма и птицеферма, а также конюшня и пасека, 2 мельницы, 2 лесопилки, ремонтная мастерская, просорушка, волночесалка, клуб и детский сад. Председателями колхоза в разные годы были И.В. Воронцов (1960–1965 гг.), Е.И. Носов (1966–1968 гг.), И.В. Переверзев (1968–1979 гг.), В.Т. Чумаков (1979–1982 гг.), В.А. Пожидаев (1982–1988 гг.).

Большую помощь в составлении списка руководителей колхозов и совхозов Курского района оказали документы Государственного архива общественно-политической истории Курской области (Ф. П-1). Так, колхоз «Дружба» возглавляли А. Н. Апухтин (1962–1966 гг.), В.М. Кононов (1966–1979 гг.), Л.Н. Петрухин (1979–1982 гг.), В.Н. Кузьменко (1982–1988 гг.), П.М. Славков (1988–1990 гг.); колхоз имени Черняховского – А.С. Щедрин (1964–1988 гг.), В.Н. Бережной (1988–1990 гг.); колхоз «Новая жизнь» – С.А. Стариков, Ю.Г. Пятницкий (1967–1975 гг.), П.И. Захарченков (1975–1988 гг.), А.Д. Липченко (1988–1990 гг.), колхоза «Рассвет» – Е.С. Родионов (1957–1965 гг.), А.П. Воронцов (1966–1969 гг.), В.И. Зиновьев (1969–1973 гг.), колхоз имени Карла Маркса – А.С. Васютин (1963–1969 гг.), Л.В. Зарубин (1970 г.), В.Ф. Лиманский (1970–1973 гг.), В.Е. Вахничев (1973–1979 гг.), С.Л. Поправко (1980–1987 гг.), А.С. Тарабаров (1988–1990 гг.) и т.д. [7].

Примечательно, что в фондах ГАКО имеется небольшая брошюра, автором которой является председатель колхоза «Россия» К.Е. Борисенко, в которой она рассказывает о 29-летнем опыте работы в должности руководителя хозяйства [1]. Заслуги Клавдии Егоровны отмечены орденами Ленина, «Знак Почета», Октябрьской революции. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 декабря 1957 г. ей было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Большую помощь в составлении списка руководителей комсомольских и партийных органов Курского района оказали документы, хранящиеся в фондах райкомов ВЛКСМ и ВКП(б) (КПСС) Государственного архива общественно-политической истории Курской области (Ф. П-1, П-129, П-163, П-2162).

Так, первыми секретарями Бесединского РК ВЛКСМ были: Ю. Галецкий (1928–1929 гг.); П.В. Бахвалов (1935–1937 гг.); Лебедев

(1939 г.); Брынцев (1941 г.); М.Я. Чернышев (1947–1948 гг.); Н.Г. Егоров (1948 г.); И.В. Воронцов (1954 г.); В.Г. Макаров (1955 г.); Л.Ф. Конорев (1957–1959 гг.); В.И. Зайцев (1962 г.); первыми секретарями Стрелецкого РК ВЛКСМ – Козикин (1937 г.); В.Г. Стариков (1954 г.); Е.С. Матвеев (1955–1957 гг.); З.Т. Сазонова (1959 г.); А.А. Сапунов (1962 г.); первыми секретарями Курского РК ВЛКСМ – А.С. Евсеев (1968–1970 гг.); П.М. Убоженко (1970–1972 гг.); А.Е. Стадников (1973–1974 гг.); Л.Г. Вялых (1975–1978 гг.); В.Н. Алтунин (1978–1980 гг.); С.В. Давыдов (1982–1983 гг.); А. Галкин (1984–1986 гг.); В.И. Боев (1986–1989 гг.) [10].

В фонде имеются личные дела руководителей РК ВЛКСМ. Приведем биографические данные одного из них – А.С. Евсеева. Он родился 10 марта 1941 г. в г. Рубцовск Алтайского края в семье служащих. После окончания Брянского технологического института в 1963 г. работал в Клинцовском лесхозе Брянской области, а затем с 1965 г. по 1967 г. – в Ленинском лесничестве Курского лесхоза. В феврале 1967 г. был избран вторым, а спустя несколько месяцев – первым секретарем Курского райкома ВЛКСМ. В 1970–1972 гг. учился в ростовской Высшей партийной школе, после окончания которой был утвержден в должности заместителя председателя Курского райисполкома. С июня 1982 г. – председатель Курской районной плановой комиссии. В 1984 г. являлся заместителем председателя Курского райисполкома. Награды: орден «Знак Почета», медаль «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина» [9, л. 2–5].

Первыми секретарями Курского РК ВКП(б) были Делов (1928 г.), В.Ф. Сомов (с августа по октябрь 1934 г.), И.С. Ерохов (1934–1935 гг.); первыми секретарями Курского РК КПСС – В.Г. Градусов (1963–1970 гг.), Ф.М. Бровкин (1971–1978 гг.), Н.С. Нестеренко (1978–1988 гг.), П.П. Курносков (1988–1991 гг.). Эти же документы содержат личные дела руководителей района.

Один из них – Василий Георгиевич Градусов. Он родился 30 января 1923 г. в деревне Коростель Брейтовского района Ярославской области. В 1933 г. семья переехала в г. Ленинград. После окончания семилетней школы был курсантом Ленинградского летного клуба, затем в 1942 – 1943 гг. учился во Львовском военно-пехотном училище. Участник Великой Отечественной войны. В 1943 г. – командир стрелкового взвода, заместитель командира роты 107-го гвардейского стрелкового полка 55-й дивизии Северо-Западного и Центрального фронтов. В 1945–1947 гг. – помощник прокурора Дзержинского района г. Курска. В 1948 г. исполнял обязанности прокурора Дзержинского района г. Курска. В этом же году являлся первым секретарем райкома ВЛКСМ и заведующим военно-физкультурным отделом обкома ВЛКСМ Курской области.

Вскоре был избран первым секретарем Дзержинского райкома ВЛКСМ г. Курска. Был также заведующим военно-физкультурным

отделом Курского обкома ВЛКСМ г. Курска. В 1951 – 1953 гг. – секретарь Курского обкома ВЛКСМ по кадрам.

В 1953 – 1954 гг. – заместитель заведующего отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов Курского горкома КПСС г. Курска.

В 1954 – 1962 гг. – инспектор отдела партийных органов Курского обкома КПСС г. Курска. В 1962 г. В.Г. Градусов был избран первым секретарем Фатежского райкома КПСС Курской области. В 1962– 1965 гг. он являлся заместителем секретаря, а затем заведующим орготделом парткома Курского производственного колхозно-совхозного управления Курской области.

В 1965 г. – второй, а затем первый секретарь Курского райкома КПСС. Награжден орденом Красной Звезды, а также медалью «За трудовую доблесть» [8, л. 1–41].

Периодические издания 1930-х гг. содержат информацию о колхозно-совхозном строительстве в Бесединском и Стрелецком районах. К примеру, в 1936 г. газета «За большевистские колхозы» сообщала своим читателям следующее: «...Растут запросы колхозной деревни. Колхозники покупают не только обувь, одежду, но и велосипеды. В 1935 г. райпотребсоюз продал колхозникам и колхозницам Стрелецкого района 101 велосипед. Члены колхозов «Первая пятилетка» (с. Пименово) закупили 6 велосипедов, «26 бакинских комиссаров» (с. Лебяжье) – 9, имени Сталина (с. Лебяжье) – 4. Однако запросы еще не удовлетворены полностью. Один только колхоз «Власть Советов» (с. Пименово) сделал заявку на 15 велосипедов...» [13].

Газеты, издававшиеся в 1943–1945 гг., позволяют проследить героическую динамику ратного и особенно трудового подвига жителей Бесединского и Стрелецкого районов. Вот что писала газета «Курская правда» о работниках Курской МТС Стрелецкого района: «За короткое время мы собрали 23 трактора ХТЗ, 4 – У-2, 4 – СТЗ-Нати, 2 – ЧТЗ, 1 – дизель, 34 немецких трактора «Бульдог». Собрано 30 тракторных плугов, 15 рядовых сеялок, 8 культиваторов. Много борон и другого сельскохозяйственного инвентаря. Создано 15 ремонтных бригад, и они трудятся не покладая рук. Приступили к занятиям курсы по подготовке трактористов. К посевной более 100 юношей и девушек поведут стальных коней на поля и вместе с колхозниками будут завоевывать высокий военный урожай» [16].

Таким образом, многочисленные архивные документы, а также периодические издания содержат ценнейшую информацию по истории Курского района, его прошлого и настоящего.

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 7469.

2. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7515, 8411.
3. ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 4685.
4. ГАКО. Ф. 33. Оп. 3. Д. 1742.
5. ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 480.
6. ГАКО. Ф. Р-583. Оп. 1. Д. 1015.
7. Государственный архив общественно-политической истории Курской области (далее – ГАОПИКО). Ф. П-1. Оп. 62, 63, 66, 68.
8. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 70. Д. 96.
9. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 86. Д. 874.
10. ГАОПИКО. Ф. П-128; П-163; П-2162.
11. Борисенко К.Е. Колхоз высоких урожаев. – Курск: Кн. изд-во, 1956. – 28 с.
12. Журнал заседаний XII очередного Курского земского собрания с 18 по 23 октября 1886 г. и чрезвычайного заседания за 1 июля 1886 г. – Курск: Изд-во Курского губ. земства, 1887.
13. За большевистские колхозы. – 1936. – 23 мая.
14. Курская жизнь. – 1917. – 22 августа.
15. Курская жизнь. – 1917. – 17 октября.
16. Курская правда. – 1943. – 13 марта.
17. Очерк деятельности земства Курской губернии с 1865 по 1900 г. – Курск: Изд-во Курск. губ. земства, 1902.

А. В. Крохина,
*кандидат исторических наук, доцент, преподаватель
Курского железнодорожного техникума – филиала
ФГБОУ ВО «Петербургский государственный университет
путей сообщения Императора Александра I»*

А. Н. Манжосов,
*кандидат исторических наук, заместитель председателя
Курского городского Совета ветеранов войны, труда,
Вооруженных сил и правоохранительных органов*

КУРСКИЙ ТЕХНИКУМ ПАРОВОЗНОГО ХОЗЯЙСТВА В ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941-1942 гг.) (ПО МАТЕРИАЛАМ ВЕДОМСТВЕННЫХ АРХИВОВ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ)

В 1941–1943 гг., несмотря на все тяготы военных лет, руководство ВКП(б) и советского государства проявляло заботу о подготовке молодых специалистов железнодорожного транспорта. Свою роль в этом сыграл коллектив Курского техникума паровозного хозяйства (далее – КТПХ). В данной статье на основе ранее не опубликованных документов курских

архивов авторы исследуют деятельность преподавательского состава и обслуживающего персонала Курского техникума в 1941–1942 годах.

В июне 1941 г., когда гитлеровская Германия вероломно напала на Советский Союз, в Курском техникуме паровозного хозяйства царила размеренная жизнь. В этот период в коллективе работало 19 преподавателей, осуществлявших обучение как по общим, так и по специальным дисциплинам (паровозное хозяйство, теплотехника, технология металлов и др.) [4, л. 42–43]. В составе преподавательского коллектива работали отличные учителя математики Н. Ф. Беляев и П. Н. Иевлев, физики – И. Ф. Лопатьев, русского языка – О. Н. Синицына и другие специалисты.

Летом 1941 г. студенты младших курсов занимались уборкой учебных помещений техникума. 35 студентов, переведенных на IV курс, под руководством преподавателя Я. В. Петрова проходили с 8 мая 1941 г. производственную практику на Днепропетровском паровозоремонтном заводе [4, л. 77 об.]. Здесь их и застало известие о начале Великой Отечественной войны. С огромным трудом, в тамбурах переполненных вагонов и на тормозных площадках, молодые куряне возвратились в Курск.

С первых дней войны началась мобилизация преподавательского состава в ряды Красной Армии. Так, с 24 по 29 июня 1941 г. из техникума убыли: военрук-капитан И. Д. Чунихин, преподаватель технологии металлов С. Л. Харламов, преподаватель физики И. Ф. Лопатьев [4, л. 83 об. – 84]. 17 июля 1941 г. в ряды РККА по мобилизации убыли: начальник техникума А. И. Чуркин, преподаватель физкультуры И. И. Гладилин [4, л. 89–90]. Капитан И. Д. Чунихин погиб 28 апреля 1942 г., техник – интendant 2 ранга И. И. Гладилин – в июле 1942 г.

18 июля 1941 г. коллектив КТПХ возглавил И. И. Карачевцев, ранее работавший заведующим учебными мастерскими техникума [4, л. 90].

19 июля 1941 г. в техникуме началась подготовка к участию в отражении налётов вражеской авиации. Так, в двухдневный срок проводились занятия по светомаскировке в коридорах, учебных классах, комнатах общежития [4, л. 92 об.]. Вводился и курс военно-санитарного дела (преподаватель – Т. А. Свистун.) [4, л. 96].

1 августа 1941 г., на месяц раньше традиционного, начались учебные занятия для студентов IV курса. С 18 по 25 августа для прощания с родителями перед предстоящей эвакуацией с занятий были отпущены студенты А. А. Никитин, М. С. Переверзев, А. М. Петров, П. П. Литвинчев, которые проживали в дальних районах Курской области [4, л. 93].

В первых числах сентября 1941 г., согласно телеграмме Центрального управления учебными заведениями НКПС (далее – ЦУУЗ НКПС) началась подготовка к эвакуации техникума в Горький [4, л. 97]. Но уже в 20-х числах сентября 1941 г. местом эвакуации техникума был избран город Кызыл-Орда Казахской ССР.

25 сентября 1941 г. 19 сотрудников техникума были уволены: в их числе Н. И. Шишлов, Н. Ф. Беляев, Я. В. Петров, молотобоец И. Д. Анохин, инструктор А. Н. Мосин [4, л. 98].

29 сентября 1941 г. руководством техникума было определено, что в эвакуацию уедут 9 преподавателей и члены их семей (И. И. Карачевцев, Л. К. Мелентьев, А. С. Русин, Е. П. Зубченко, А. П. Майданюк и др.) [4, л. 98–99], более 90 студентов (из них – 31 – IV курса, 26 – со II и III курсов).

В ходе предстоящей эвакуации решением Курского горисполкома учебное здание, общежития КТПХ, хозяйственный инвентарь и оборудование ряда кабинетов передавались руководству школы № 4. Была сформирована комиссия из 7 человек (руководитель-комендант С. М. Сибилев), ответственных за состояние оставленного здания [4, л. 99].

В вагоны было погружено оборудование паровозного, автотормозного, физического кабинетов, станки учебных мастерских, книги из библиотеки на общую сумму 240 960 руб.

2 октября 1941 г. специальный эшелон с преподавателями и студентами техникума со станции Курск-город отправился в Кзыл-Орду. Он прибыл сюда 14 октября 1941 г. Преподавательский состав и студенты влились в состав местного железнодорожного техникума (начальник – Я. М. Баронин). 20 октября 1941 г. КТПХ перестал существовать как самостоятельное учебное заведение.

Как вспоминали бывшие выпускники Курского техникума паровозного хозяйства И. Н. Букреев, А. А. Лунёв, Н. П. Манжосов и другие, их обучение в Кзыл-Орде проходило в нелёгких условиях. Приходилось учиться во вторую смену, постоянно при этом недоедая. Были большие финансовые затруднения, так как стипендии выплачивали им нерегулярно. Обострились отношения преподавателей КТПХ и Кзыл-Ординского техникума из-за различия учебных программ.

Позже, 21 января 1942 г., согласно телеграмме ЦУУЗа НКПС № 4608, Курский техникум был восстановлен как самостоятельный. Тогда же был произведен набор 23 студентов на 1 курс [4, л. 1–1 об., 20].

В это трудное время студенты техникума самоотверженно осваивали будущую профессию, оказывали одновременно с учебой немалую помощь фронту. Они участвовали в строительстве 4 железнодорожных разъездов, в разгрузке вагонов с хлебом и рисом. По решению правительства Казахстана они возводили дамбы, защищавшие железнодорожное полотно во время разлива реки Сырдарья, принимали участие в строительстве ирригационного канала длиной в 25 км. Многие преподаватели и студенты КТПХ за эту работу были отмечены Почётными грамотами Верховного Совета Казахской ССР.

«Ты помнишь то профсоюзное собрание, на котором мы выставили просьбу-требование, – писал А. А. Лунёв в одном из писем, адресованных Н. П. Манжосову, – перед начальником техникума мы ходатайствовали:

1) учёбу закончить в январе-феврале 1942 года; 2) отменить плату за учебу во втором семестре; 3) отменить плату за общежитие; 4) дипломы после окончания выдать всем на руки. Помню, бурное было собрание. Но все наши требования были выполнены...»

9 февраля 1942 года по итогам сдачи государственных экзаменов 30 выпускников КТПХ получили дипломы техников-механиков паровозного хозяйства [4, л. 1 об.–2].

Комсоргу техникума с 1940 г. Н. М. Бобрышеву – диплом был выдан без экзаменов в связи с его призывом в ряды Красной Армии ещё в декабре 1941 г. [5, л. 1, 6, л. 4]. Все выпускники КТПХ были направлены на прифронтовые: Юго-Восточную (И. Н. Букреев, Н. Т. Ласков, Н. П. Манжосов, А. А. Никитин, А. Д. Шумаков, К. В. Федотов и др.), на Московско-Донбасскую (М. З. Алексеев, С. Н. Золотарёв и др.) и на стратегические дороги тыла: им. Кагановича (Н. Я. Зайченко, И. Ф. Чернышов, П. Е. Яньшин и др.) и Горьковскую (А. А. Лунёв, Н. Д. Савенков, М. К. Иванов, Н. Ф. Федорков). Более месяца они ждали отъезда, но у руководства техникума в наличии не было 7,5 тысяч руб., необходимых для выплаты билетов до мест распределения выпускников.

Большинство выпускников КТПХ в апреле-мае 1942 г. были призваны в ряды РККА. 15 из них погибли на фронтах Великой Отечественной войны (М. З. Алексеев, Н. В. Бесходарный, Н. М. Бобрышов, Л. В. Васильев, И. Г. Гиря, М. С. Домашев, Н. Я. Еремеев, М. К. Иванов, М. В. Лиляков, П. П. Литвиничев, И. В. Лихов, А. А. Мацак, Н. Ф. Федорков, К. В. Федотов, А. Д. Шумаков). Их имена высечены на гранитных плитах памятного знака, сооруженного в честь выпускников, преподавателей и студентов Курского железнодорожного техникума, погибших в годы Великой Отечественной войны, который был открыт в техникуме 6 мая 2006 г.

В течение весны-лета 1942 г. проводилось обучение студентов второго и третьего курсов. В июле 1942 г. по результатам летних экзаменов на 4 курс было переведено 8, а на 3 курс – 12 человек. [4, л. 18–19].

Но с 19 августа по 15 сентября 1942 г. в ряды РККА было призвано семь студентов (А. Н. Безносилов, А. И. Выборнов, Ф. И. Корыстов, Н. Е. Кравцов, М. В. Здоровцев, И. Ф. Звягинцев, Д. Е. Прядко) [5, л. 21]. Ещё 7 студентов 3-го курса (Ю. Н. Тесленко, В. Шаманин, П. Г. Фоменко, Г. В. Кунавин, В. Н. Собакин и др.) в сентябре 1942 г. также покинули учебное заведение в связи с призывом в Красную Армию. [5, л. 18, 21]. В 1943–1944 гг. на фронтах Великой Отечественной войны погибли М. В. Здоровцев, И. Ф. Звягинцев, Д. Е. Прядко, А. Ф. Огнещиков, Ю. Н. Тесленко. Они сражались отважно. Так, 22 июня 1943 года гвардии сержант 13-го гвардейского воздушно-десантного полка 1-й гвардейской ВДД, бывший заместитель комсорга техникума М. В. Здоровцев, был награжден медалью «За боевые заслуги» [1, 150 об.].

В связи с призывом в армию большинства студентов КТПХ среди обучаемых остался один Н. С. Апатьев. Для него занятия с 30 ноября 1942 г. проводились по индивидуальной программе (30 часов – механика, 50 часов – паровоз, 50 часов – паровозное хозяйство, 20 часов – водоснабжение, а всего 170 учебных часов) [4, л. 26 об. – 27].

31 декабря 1942 г. в «соответствии с результатами выпускных испытаний» и решением квалификационной комиссии Н. С. Апатьеву был выдан диплом техника-механика [4, л. 34]. После окончания техникума он получил направление на работу в военно-эксплуатационное отделение № 132 (паровозное депо Шубар-Кудук) Оренбургской железной дороги. В декабре 1943 г. он вернулся в Курск, работал техником паровозного депо Московско-Курской железной дороги. [3, л. 22 об.].

Таким образом, в 1941–1942 гг. коллектив КТПХ работал творчески, выполнял заказ Родины по подготовке высококлассных специалистов-железнодорожников.

Источники и литература

1. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 33. Оп. 717 037. Д. 78.
2. Государственный архив общественно-политической истории Курской области (ГАОПИКО). Ф. П-94. Оп. 1. Д. 24.
3. Объединенный архив Московской железной дороги г. Курск (далее – ОА МЖД). Ф. 3. Оп. 1-Л. Д. 4.
4. ОА МЖД. Ф. 24. Оп. 1-Л. Д. 10.
5. ОА МЖД. Ф. 24. Оп. 1-ЛДУ. Д. 66.

Н. Г. Кононов,

*кандидат исторических наук,
заслуженный работник культуры РСФСР*

КУРСКАЯ КОНДИТЕРСКАЯ ФАБРИКА № 1

Курская кондитерская фабрика № 1 была организована по постановлению СНК ещё в 1936 г. вместо небольшого винного завода по ул. Золотой. Выпуск продукции ограничивался несколькими сортами конфет. За пять предвоенных лет фабрика была оснащена новым оборудованием, при ней действовала экспериментальная лаборатория, в которой подготавливались новые образцы продукции, проводился контроль качества изделий [9, с. 390].

Указать подчинённость фабрики за довоенный период не представляется возможным, так как архивные и документальные материалы не сохранились.

Очевидно одно, что в период временной немецкой оккупации фабрике был нанесён существенный урон. Она была основательно разрушена.

Восстановление фабрики началось с 10 июля 1944 г. на основании приказа Наркомата пищевой промышленности РСФСР за № 106 от 26 апреля 1944 г.

С момента восстановления фабрики в 1944 г. она подчинялась Российскому Главному управлению кондитерской промышленности (Росглавкондитер) Народного Комиссариата РСФСР (директор фабрики Ф. И. Дорофеев, а потом – Д. С. Санин (время их назначения на должность не указано)).

В начале работы фабрики не были определены структурные подразделения. Они возникли позже. На основании письма Государственной Штатной Комиссии при СНК СССР за № 6-45412 от 16 июля 1945 г. был утверждён штат Курской кондитерской фабрики в количестве 14 человек и их заработная плата. В штат фабрики входили: директор, главный инженер, главный бухгалтер, счетовод-кассир, бухгалтер, экономист, заведующий снабжением, кладовщик, машинистка, сторож-пожарный, уборщица-курьер, сторожа-пожарные (3 человека).

15 октября 1945 г. в штат фабрики были введены: химик-лаборант, механик цеха, технолог кондитерского цеха [8, л. 1–4].

Одновременно с восстановлением фабрики началась выработка продукции во временно приспособленных помещениях.

6 октября 1944 г. при Главном управлении кондитерской промышленности состоялось дегустационное совещание, которое оценило выпуск конфет Курской государственной кондитерской фабрикой. Совещание высказало мнение о необходимости качественного улучшения выпуска конфет. В частности, было отмечено, что конфеты «Союзные» велики по размеру, особенно по высоте. Конфеты имели повышенную влажность, сильно чувствовалась нежареная мука. Отдушка ванилина не чувствовалась.

Неудовлетворительно были оценены конфеты «Шоколадные» и «Крем-брюле». Отмечено, что молочная помадка приготовлена без молока с применением животного масла. Масло использовано плохого качества, вкус конфет неудовлетворительный.

Было предложено производственно-техническому отделу подобрать несколько сортов конфет, выработка которых возможна на фабрике при наличии сырья и рецептуры данных сортов, и выслать их на Курскую кондитерскую фабрику [2, л. 6].

В 1944 г. фабрике планировалось произвести 45 т. конфет, произведено же было 26,2 т. конфет, или 59 % к плану.

Валовая продукция в неизменных ценах 1926/27 гг. составила 52,6 тыс. рублей при плане в 90 тыс. рублей. Несмотря на невыполнение

планового задания, всё же фабрикой была получена прибыль в количестве 79,7 тыс. рублей.

В 1944 г. среднегодовая численность рабочих фабрики определялась в 8 человек производственного персонала, в т. ч. 3 рабочих, 1 ИТР, 2 служащих, 1 МОП и 1 ученик. Все работали на повременной оплате труда, сдельщиков не было. На 01.01.1945 г. на фабрике работало всего 35 человек, в т. ч. 27 женщин. Производственный персонал насчитывал 27 человек, в т. ч. рабочих – 14 человек.

Производительность труда составила 118 % к плановому заданию.

Выделенные на восстановление фабрики 79,4 тыс. рублей капвложений были освоены на 100 % [3, л. 193, 195; 286, 304].

По просьбе НКПП РСФСР для подготовки плана по производству кондитерской продукции на 1945 г. руководство фабрики направило 4 ноября 1944 г. Наркомату заявку на потребное количество сырья и материалов как в годовом, так и в квартальном разрезе. Было предложено на 1945 г. запланировать для Курской кондитерской фабрики поставку следующего количества сырья и материалов: шоколадного сахара – 60 т., фруктовой помадки – 30 т., какао-крема 60 т, фруктового сахара 20 т., для производства печенья – 147 т. муки, сахара, молока и т. п.

Руководство фабрики намечало по кондитерскому цеху в 1945 г. выпустить мягких конфет 285 т из расчёта ежедневного выпуска одной тонны не более 3-5 разнообразных мягких и шоколадных конфет при наличии потребного количества сырья и материалов.

Фабрика подготовила цех для выпечки печенья пропускной способностью 500 кг в сутки.

Исходя из наличия достаточного количества на месте плодов и ягод, руководство фабрики планировало выработку разнообразного варенья в количестве 75 т.

В заявке отмечалось, что фабрика имеет все возможности для выработки 74 т. яблочного мармелада.

В заявке определялась поставка предполагаемого количества дров, угля, горючего, различного стройматериала, а также одежды и обуви [2, л. 4, 7–10].

Для восстановления фабрики на 1945 г. планировалось выделить 150 тыс. рублей капиталовложений, чтобы дополнительно к 27 т. мощностей нарастить ещё 27 т. [2, 79].

В соответствии с приказом НКПП РСФСР за № 369 от 28 июня 1945 г. «Об увеличении выработки и расширении ассортимента кондитерских изделий по «Росглавкондитер» для Курской кондитерской фабрики было предписано:

1. Закончить проектно-сметную документацию по её восстановлению не позднее 25 августа 1945 г.

2. Разработать и утвердить график восстановления фабрики с расчётом ввода в эксплуатацию 1-ой очереди в III квартале 1945 г. на выработку 4-х т кондитерских изделий.

3. Расширить ассортимент выпускаемой продукции в 1945 г. до 6 сортов по группе конфет.

4. В 1945 г. подготовить кадры рабочих по основным профессиям: бригадиров – 3, подручных и др. технологических специальностей – 10 человек, слесарно-механических специальностей – 8, завёртщиц – 10 человек.

5. Довести в IV квартале 1945 г. выпуск завёрнутых мягких конфет неглазированных – до 15 %.

6. Для контроля за качеством выпускаемой продукции восстановить должность одного бракёра на каждую смену с непосредственным подчинением директору фабрики.

7. Выделить фабрике в III квартале 1945 г. две автомашины.

8. Для обучения завёртщиц начальнику «Росглавкондитер» П. Н. Павлову выделить фабрике 300 кг бумаги [2, 98].

Как выполнялось данное постановление, материалов в архивном фонде не обнаружено. Нет материалов и о деятельности трудового коллектива по реализации поставленной на 1945 г. производственной программы. Имеются только статистические сведения по итогам работы фабрики (см. таблицу № 1).

Таблица № 1

Итоги работы Курской кондитерской фабрики за 1945 г. [6, л. 275]

Виды продукции	Единиц измерен.	План		Фактич.		В %%	
		Кол-во	В н/ц	Кол-во	В н/ц	По кол.	По н/ц
Конфеты	тонны	300	600	245,5	470,9	81,8	78,5
Джем	гкл	-	-	7,2	16,5	-	-
Морс		-	-	4544	127,2	-	-
Итого	тыс. руб.		600		614,6		102,4

Таблица № 1 свидетельствует нам о том, что на 1945 г. фабрике планировалось выработать 300 т конфет, выработано же было 245,5 т, или 81,8 % к плановому заданию. Конфет мягких было выпущено 198,9 т, карамели – 46,6 т. Фабрика производила шоколадный сахар, фруктовый сахар, помадку «Киевскую», подушечки высшего сорта и обычные, леденцы, «Рокс», какао-крем, «Таганка», «Радий». План по производству конфет не был выполнен из-за уменьшения наряда на сахар.

Наряду с производством конфет фабрика вырабатывала не планируемую ей продукцию – джем и морс. Благодаря этому фабрика перевыполнила плановое задание по производству валовой продукции в неизменных ценах 1926/27 гг. на 102,4 %. Настолько же был перевыполнен план по росту производительности труда. В расчёте на одного производственного рабочего среднегодовая выработка планировалась в количестве 19825 рублей, фактически же она составила 19825 рублей.

Себестоимость выработанной продукции при плане в 1520,2 тыс. рублей составила 1503,3 тыс. рублей, или 98,3 % к плану. Прибыль же (накопления) при плане в 385 тыс. рублей получена в количестве 486,6 тыс. рублей, или 126,4 % к плану.

Выделенные на 1945 г. фабрике капиталовложения в сумме 220 тыс. рублей были освоены только на сумму в 188,2 тыс. рублей (85,5 % к плану).

Руководство фабрики не сумело выполнить и плановое задание по подготовке кадров. Планировалось подготовить 26 человек, был же подготовлен 21 человек [4, л. 144; 67; 275].

Для работы фабрики нужны были дрова, торф или уголь. В 1945 г. планировалось заготовить 114 т угля. Поскольку угля не оказалось, была сделана ставка на заготовку дров и торфа. При плане заготовки дров в количестве 193 кубометров (кбм) вместе с ветками было заготовлено и завезено 243 кбм, торфа – соответственно 48 и 240 т [5, л. 70].

В 1945 г. фабрика из квартала в квартал наращивала производство своей продукции. Например, в I квартале она выработала продукции на 66,8 тыс. рублей, во II – на 156,8 тыс., в III – на 174,8 тыс., в IV квартале – на 188,9 тыс. рублей, а всего – на 587 тыс. рублей [7, 213]. (См. в отчёте выше – на 614,6 тыс. рублей).

На 1 января 1946 г. средний процент выполнения установленной нормы выработки составил по фабрике 105 %. Но за средними показателями скрывалось далеко не благополучное положение с выполнением установленной нормы выработки. Анализ соответствующих показателей выявил, что 46 % всех сдельщиков установленных норм не выполнили, а выполняющие нормы выработки до 120 % составляли только 40 %, а от 120 % и выше – только 14 %.

Основная причина такого явно неблагоприятного положения заключалась в том, что, по сути дела, вопросам повышения производительности труда не уделялось должного внимания. Практика проведения производственных совещаний не имела места, обмен опытом работы лучших производственников не практиковался. Обучение кадров не проводилось. Так, например, введение техминимума, которое могло бы закрепить и оформить практические навыки и опыт, полученные работниками непосредственно на производстве, на фабрике не практиковалось.

Нельзя не указать на то обстоятельство, что на фабрике не было руководителя по работе с кадрами.

На фабрике наблюдалась большая текучесть кадров. За 9 месяцев 1945 г. было принято 124 человека, а уволено 117 человек, в т. ч. за хищение – 12 человек, за прогулы – 5. Дела на прогульщиков были переданы в суд.

Несмотря на такую текучесть кадров, на фабрике было немало людей, которые не только выполняли, но и значительно перевыполняли установленные нормы выработки. Так, мастер бригады Уткин выполнял норму на 136 %, подкатчица Панина – на 130 %, помощник бригадира Горбулин – на 108 %, подогревщица Мезенова – на 131 % и др. Благодаря их усилиям фабрика в основном успешно выполнила производственный план, установленный ей на 1945 г.

В 1945 г. на фабрике уделялось определённое внимание развёртыванию социалистического соревнования. В 1945 г. соцсоревнованием было охвачено 30 человек, из них насчитывалось 3 стахановца и 4 ударника. Конечно, это не так много. Но в 1944 г. таковых вообще не было.

Недостатки в организации соцсоревнования были следующими: отсутствие индивидуальных соцобязательств при бригадной сдельщине, несвоевременное поступление сырья, вспомогательных материалов, недоброкачественное топливо. Так, планировалось фабрике поставить 248,6 т сахара, а поставили 207,9 т, патоки – соответственно 37,4 и 20,5 т.

К 1 мая 1945 г. фабрика перешла на двухсменную работу [6, л. 295, 304, 381–382].

В 1945 г. на фабрике всё ещё оставалась слабой транспортная база. На 01.01.1946 г. числилось всего 3 автомобиля, из которых один – не был на ходу, другой – требовал капитального ремонта [6, л. 401].

Можно рассмотреть результаты работы кондитерской фабрики в 1944 и 1945 гг. в сравнении с довоенным 1940 годом.

Таблица № 2

Итоги работы Курской кондитерской фабрики за 1944 и 1945 гг.
в сравнении с 1940 г. [1, л. 76; 285; 206,286]

Показатели	Единица измерения	Отчёт за 1940 г.	Отчёт за 1944 г.	Отчёт за 1945г.
Валовая продукция в н/ц	тыс. руб.	3080	53	587
Валовая продукция в натуре	тонн	2324	27	237
Численность персонала (всего)	человек	360	8	58
в т. ч. рабочих	человек	257	3	31
ИТР	человек	28	1	4

Служащих	человек	26	2	5
МОП	человек	20	1	4
ППСО	человек	нет свед.	нет свед.	нет свед.
Учеников	человек	5	1	3
Вспомогательный персонал	человек	24	нет	11
Фонд зарплаты (всего)	тыс. руб.	1022,4	26,2	201,6
в т. ч. рабочих	тыс. руб.	642,7	6,0	70,7
Средняя зарплата на 1 раб.	рублей	2500	2000	2281
Среднегодовая выработка на 1 рабочего	рублей	11984	17667	18940
Капиталовложения	тыс. руб.	нет свед.	79,4	168,2

Из таблицы № 2 мы узнаём, что за полтора года работы фабрика значительно увеличила выработку валовой продукции в н/ц 1926/1927 г. Так, за полугодие 1944 г. она произвела её на 53 тыс. рублей, за 1945 г. – на 587 тыс. рублей, или в 11 раз больше. Но по сравнению с 1940 г. это составляло всего 19 %.

В натуральном выражении выработанная в 1945 г. фабрикой продукция составляла по отношению к 1940 г. всего 10,2 %. При этом среднегодовая численность производственного персонала была в 6,2 раза меньше предвоенной численности, а производственных рабочих – в 8,3 раза меньше.

К концу 1945 г. на фабрике работало 104 человека, в т. ч. производственных рабочих – 55 человек, ИТР – 5, служащих – 6, МОП – 4, учеников – 3 и прочие – 31 человек. Из 104 работников фабрики женщины составляли 69 человек, или 66,3 % к общей численности работавших [2, л. 66].

Производительность же труда (среднегодовая выработка на 1 рабочего) уже в 1944 г. была выше уровня 1940 г., а в 1945 г. она превзошла уровень производительности труда 1940 г. на 158 %. Это по существу был трудовой подвиг коллектива Курской кондитерской фабрики, который в условиях полной разрухи стремился дать населению области как можно больше кондитерских изделий и других сладостей.

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-294. Оп. 1. Д. 1; Д. 12; Д. 14. Таблица составлена автором. Примечание: См. Курск. Краеведческий словарь-справочник. Курск, 1997. На с. 390 без ссылок на источник сказано, что накануне войны фабрика выпускала до 5 тыс. т конфет.

2. ГАКО. Оп. 1. Д. 10.

3. ГАКО. Оп. 1. Д. 10; Д. 12. Примечание: См. там же. Л. 287 сказано, что в 1944 г. капиталовложения составили 27 тыс. руб.

4. ГАКО. Оп. 1. Д. 10; Д. 11; Д. 12. Примечание: см. там же. Л. 304 капиталовложения освоены на 168,2 тыс. рублей.

5. ГАКО. Оп. 1. Д. 11.

6. ГАКО. Оп. 1. Д. 12.

7. ГАКО. Оп. 1. Д. 14.

8. ГАКО. Оп. 1. Д. 47.

9. Курск. Краеведческий словарь-справочник. – Курск: ГУИП Курск», 1997. – 496 с.

С. С. Выхорь,
кандидат исторических наук,
начальник ФКОУ ВО «Воронежский институт
Федеральной службы исполнения наказаний»

ЭКЗОТИЧЕСКИЕ НАГРАДЫ МОРЯКОВ РОССИЙСКОГО ИМПЕРАТОРСКОГО ФЛОТА

Благодаря отечественным архивам можно узнать много интересных фактов русской военной истории. Общеизвестно, что во второй половине XIX – начале XX вв. Российский Императорский флот занимал одно из ведущих мест в мире. Тем более, вторая половина XIX – начало XX вв. вошли в отечественную историю как время максимального расцвета Российской Империи, расширения ее границ, в чем не последнюю роль сыграл русский флот. Многие регионы мира, где вручали награды российским морякам, представляют сферу политических интересов Российской Федерации и в наше время. Экипажи кораблей русского флота участвовали в ближних и дальних походах, установлении дипломатических контактов с другими государствами, спасении иностранных судов, терпящих бедствие на море, и все это приводило к награждению знаками отличия различных государств. По количеству награждений иностранными орденами и медалями русских моряков, можно проследить маршруты ближних и дальних походов кораблей и эскадр, которые охватывают весь земной шар. Интересно также отношение самих военнослужащих флота к иностранным наградам, т.е. одни зарубежные ордена считались в их среде престижными, другие экзотическими, а некоторые вызвали ироничное отношение и даже не носились на парадном мундире. К этому необходимо добавить, что у официальной власти существовало отдельное мнение по поводу престижности иностранных наград моряков и уместности их ношения. Все иностранные награды могли носиться на мундире только по личному разрешению императора, что также свидетельствовало об отношении

высшей власти Российской Империи к тем или иным государствам и позволяет судить об особенностях отечественной внешней политики.

Именно в данный период состоялся ряд награждений экзотическими орденами российских военных моряков, которые можно установить на основе материалов фондов Российского государственного архива Военно-Морского Флота (г. Санкт-Петербург).

Бразильская наградная система в интересующее автора время включала: орден Христа, орден Розы, орден Южного Креста, медаль «За уругвайскую кампанию» и «Военную медаль» [4, с. 47].

Одной из главных наград Бразилии был бразильский орден Христа. Награду учредили в 1821 г. Она имела давнюю историю. С некоторой натяжкой можно сказать, что своим появлением орден Христа обязан тамплиерам. Святой престол считал этот орден своим, Лиссабон — своим. Чем это кончилось? Разделом. В 1827 г. папа Римский принял решение лично подтвердить бразильскую ветвь ордена Христа.

Вручать бразильский орден Христа стал бразильский монарх. С 1843 г. бразильский монарх Педро II стал Великим магистром ордена Христа.

Сама награда была упразднена республиканским бразильским правительством в 1889 г. в силу ее явного отношения к истории правящей семьи бразильских монархов.

Однако до ликвидации бразильского ордена Христа его кавалерскую степень в 1873 г. получил флагманский доктор Балтийского флота коллежский советник В. С. Кудрин [5, с. 11]. Наверное, он стал чуть ли не единственным российским обладателем редкой награды.

Награждение русских моряков только орденом Христа, из всей развитой бразильской наградной системы во второй половине XIX — начале XX вв., можно объяснить значительной географической удаленностью Бразилии от Российской Империи.

Весьма редкими наградами можно назвать ордена Сиамского королевства. В сиамскую наградную систему во второй половине XIX — начале XX вв. входили: орден Белого Слона, орден Сиамской короны, орден Чула Чом Клао, и орден «Заслуг Ратана Варахборн» [3, с. 306].

Орден Белого Слона учредил король Монгкут Рама IV в 1861 г. Награда выдавалась мужчинам и женщинам независимо от подданства. Орден включал пять степеней.

Затем к ордену Белого Слона добавили две медали — золотую и серебряную, которые специалисты ассоциируют с шестой и седьмой степенями ордена Белого Слона [4, с. 308].

Естественно, был установлен только один случай пожалования военному моряку Российской Империи подобной экзотической награды.

В 1899 г. орден Белого Слона 3-й степени был пожалован капитану 1-го ранга М. Б. Черкасу [1, л. 27].

Еще одной важной наградой королевства был наибогороднейший орден Сиамской короны, который учредил 29 декабря 1869 г. король Сиам Рама V Чулалонгкорн для награждения членов королевской семьи, государственных служащих, других подданных и иностранцев за заслуги перед Королевством Сиам. Первоначально награда имела 5 степеней и 2 медали. [4, с. 194].

Установлен только один случай пожалования данного ордена. В 1899г. орден Сиамской короны дали штаб-офицеру флота В.Ф. Рудневу [7, с. 6], ставшему в последствии командиром крейсера «Варяг». В 1907 г. в знак уважения к храбрости русских моряков контр-адмиралу Рудневу Всеволоду Фёдоровичу императором Японии Мутсухито был пожалован японский орден Восходящего солнца. Император России Николай II не дал разрешение Рудневу В. Ф. на его ношение.

Награждение военных моряков Российской империи сиамскими орденами объясняется тем, что русское правительство в то время приняло участие в судьбе Сиам. Хотя российское правительство и выступило на стороне Французской республики за раздел Сиам на английскую и французскую зоны влияния, но не позволило превратить азиатское государство в колонию.

Порты Сиамского королевства в исследуемый исторический период часто служили местом стоянки кораблей русского флота, отсюда и награждение орденами Белого Слона и Сиамской короны.

Случались в то время у российских моряков и награждения бухарскими орденами. Конечно, морские офицеры ценили подобные знаки отличия даже ниже орденов Персидского шахства.

Самой главной бухарской наградой был бухарский орден Золотой Звезды или орден Благородной Бухары. Полное название награды – «орден Восходящей звезды Бухары». Награду учредил в 1881 г. эмир Музаффар ад-Дин. В момент учреждения ордена Благородной Бухары государство уже находилось под протекторатом Российской Империи. Статут ордена предусматривал награждение иностранных подданных [4, с. 201].

Первым кавалером ордена Благородной Бухары стал российский император Александр II. Пришлось царю отдариться от бухарского эмира орденом Святой Анны 1-й степени.

Обычно орден Золотой Звезды давали представителям русской администрации, но в России до 1893 г. его ношение на служебном мундире запрещалось. Исключением служила официальная встреча с бухарским эмиром или его чиновниками. Такие правила показывают отношение к бухарским наградам со стороны российских властей. Орден Золотой Звезды имел восемь степеней.

Собственно, случаи награждения представителей военно-морского министерства России орденом Золотой Звезды носили фрагментарный характер.

В 1898 г. младший ординатор Николаевского морского госпиталя коллежский асессор М. К. Геппенер получил бухарский орден Золотой Звезды 3-й степени [2, л. 77].

Затем в 1901 г. бухарский орден Золотой Звезды 3-й степени дали командиру парохода «Астрабад» штаб-офицеру флота Г. В. Миткевичу [2, л. 88].

Естественно, у российских военных моряков второй половине XIX – начале XX вв. ношение бухарских орденов на парадном мундире было не принято из-за их непрестижности для награждения.

В общем награждения бухарскими наградами, как уже говорилось выше, были нечасты и вряд ли многие военные моряки Российской империи могли обладать подобными знаками отличия.

Награждали офицеров русского флота и африканскими орденами. Одним из таких государств была Абиссиния (современная Эфиопия). В исследуемый исторический период наградная система Эфиопии включала: орден Печати Соломона и орден Звезды Эфиопии.

В 1874 г. правитель Абиссинии Негус Йоханнес IV учредил орден Печати Соломона [4, с. 310].

Сам орден Печати Соломона стал символом утверждения на престоле Абиссинии династии негусов. Негус Йоханнес IV был храбрым полководцем и дельным администратором, много сделавшим для независимости от европейских стран молодого африканского государства.

Новой наградой африканского государства награждались члены эфиопской императорской фамилии, иностранные правители и люди, оказавшие услуги Абиссинии.

Автору известен только один случай награждения военного моряка Российской Империи подобной экзотической наградой. В 1895 г. орден Печати Соломона 1-й степени дали одесскому градоначальнику генерал-лейтенанту по адмиралтейству П. А. Зеленому [6, с. 6].

Иностранные ордена в Российском Императорском флоте, в интересующее автора время, отражали многие нюансы международной политики. Прежде всего, военно-морская мощь государства в исследуемый исторический период занимала доминирующее место в обозначении мирового господства. Нельзя не остановиться и на таком немаловажном моменте как влияние наличия иностранных орденов и медалей у военных моряков Российской империи на их дальнейшую карьеру. Прежде всего, иностранные знаки отличия подтверждали годы успешных кругосветных и дальних походов.

Например, Британская империя считала для своего королевского флота главным показателем могущества – его присутствие во всех уголках земного шара. Если исходить из основного принципа британской внешней политики второй половины XIX – начале XX вв., то такая экзотическая награда у моряка русского флота как эфиопский орден Печати Соломона, обозначает неоспоримый показатель могущества военно-морских сил

русской державы. Это характерно и для сегодняшнего дня, о чём свидетельствуют события, происходящие в мире.

Источники и литература

1. Российский государственный архив Военно-Морского Флота (далее – РГА ВМФ). Ф. 226. Оп. 1. Д. 1265.
2. РГА ВМФ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 1271.
3. Безруков М.П., Туровский А.Е. Награды мира. – Тула: Изд. Гриф и К, 2013. – 404 с.
4. Гусев И.Е. Ордена, медали и наградные знаки от Петра I до современности. – М.: Изд. АСТ, 2015. – 159 с.
5. Официальная часть // Морской сборник. – 1873. – № 10.
6. Официальная часть // Морской сборник. – 1895. – № 10.
7. Официальная часть // Морской сборник. – 1899. – № 8.

Н. Н. Петрыкин,
*преподаватель кафедры
обеспечения безопасности на объектах транспорта
ФГКОУ ВО «Белгородский юридический институт Министерства
внутренних дел Российской Федерации имени И. Д. Путилина»*

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ЖАНДАРМСКИХ ПОЛИЦЕЙСКИХ ОТДЕЛЕНИЙ НА СЕТИ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВНЫХ ФОНДОВ РОССИИ)

Курская губерния стала одной из первых, на землях которой развернулось бурное строительство железных дорог. Обусловлено это было географическим положением, быстрым развитием Донецкого бассейна. Первое пассажирское и товарное движение поездов по железной дороге от Курска до Москвы было открыто в сентябре 1868 г. [11, с. 135], 150 лет назад. К концу XIX века на территории Курской губернии переплелись линии 5 железных дорог, общей протяженностью 1287 верст [16, с. 22].

Дорога от Орла до Курска строилась с мая 1866 г. по сентябрь 1868 г. [10]. Архивные материалы свидетельствуют о том, что спустя год после начала первого железнодорожного строительства на территории Курской губернии (9 февраля 1867 г.) было высочайше утверждено направление Курско-Киевской железной дороги [1, л. 2, 3], движение по которой от ст. Курск до ст. Ворожба было открыто 14 ноября 1868 г. [12].

6 июля 1869 года было открыто движение через Белгород по линии Курск-Харьков [20].

В 1882 г. была открыта первая в губернии узкоколейная ветвь, соединившая станцию Обоянь со станцией Марьино на линии Курск-Белгород [19].

Через четверть века была построена линия Курск-Воронеж, строительство которой завершилось к 1893 г. [12]. В этом же году было открыто движение от Суджи до Коренево, через год от Коренево до Рыльска [18]. Еще через два года (12 апреля 1896 г.) был утвержден план постройки Мармыжи-Ливенской железной дороги, введена она была в эксплуатацию в 1898 г. [3, л. 1].

В 1895 году было открыто движение по участку Теткино-Крупец на линии Ворожба-Середина Будды. В 1897 г. было открыто движение от Льгова до Брянска [18].

В 1897 г. были открыты станции Новый Оскол и Старый Оскол в составе линии Елец-Валуйки Юго-Восточных железных дорог.

В 1909 г. был одобрен проект однопутной линии от ст. Льгов до ст. Харьков через Готню и Борисовку. Дорога стала называться Северо-Донецкой [5, л. 4], в эксплуатацию она была введена в 1911 г. [17].

Правопорядок на объектах железнодорожного транспорта обеспечивали Жандармские полицейские управления железных дорог (далее ЖПУ ж.д.) с входившими в их состав жандармскими полицейскими отделениями, участки обслуживания которых формировались по линейному принципу и носили экстерриториальный характер.

Становление жандармских полицейских подразделений на сети железных дорог Курской губернии тесным образом было связано с развитием самой сети железных дорог. При этом, границы обслуживания жандармских полицейских подразделений железных дорог не совпадали с административными границами Курской губернии. В этой связи, с учетом экстерриториальности ЖПУ ж.д., проблемой является вычленение участков обслуживания того или иного жандармского полицейского подразделения, проходившего по территории Курской губернии. Знание границ деятельности жандармских полицейских подразделений позволит рассмотреть специфику их функционирования, увидеть каналы взаимодействия с ведомствами на местном уровне. К сожалению, данный аспект уходит из поля зрения исследователей, когда деятельность жандармских полицейских подразделений железных дорог рассматривается обособленно и вне контекста взаимодействия с губернскими и уездными властями.

Ценнейшие сведения, способные приблизить исследователя к решению поставленной задачи, мы находим в Архивном фонде Российской Федерации, в частности — Российском государственном историческом архиве (РГИА), Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) и Государственном архиве Курской области (ГАКО).

В результате изучения исторических источников установлено, что к закату Российской империи по территории Курской губернии проходили

участки обслуживания, как минимум, 10 отделений, входивших в состав 5 жандармских полицейских управлений железных дорог. Ввиду развития сети железных дорог, жандармские полицейские подразделения укрупнялись, делились, меняли свое наименование.

Линия от Курска до ст. Поныри московского направления Московско-Курской железной дороги до 1896 г. включительно относилась к ведению Орловского ЖПУ ж.д., с 1897 г. перешла в ведение Московского ЖПУ ж.д. [6, л. 8, 8 об.] при этом наименование Курского жандармского полицейского отделения, расположенного в г. Курске, входившего в состав сначала Орловского, затем Московского ЖПУ ж.д., не менялось.

Линия с Киева через Курск до Воронежа с ветвями на Брянск, Глухов, Рыльск и Суджу относилась к Московско-Киево-Воронежской железной дороге и находилась в ведении Орловского ЖПУ ж.д. до 1896 г. включительно, с 1897 г. перешла в ведение Московско-Киевского ЖПУ ж.д. На указанных направлениях железнодорожных линий, проходивших через Курскую губернию, осуществляли свою деятельность следующие жандармские полицейские отделения:

Рышковское жандармское полицейское отделение железных дорог (штаб-квартира в г. Курске) [7, л. 7], как минимум, с 1907 г. по 1910 г. [8, л. 307] обслуживало участок от ст. Коренево через Курск до ст. Охочеевка [2, л. 1]. Ранее правопорядок на данном участке обеспечивался Коренево-Курским отделением с дислокацией в г. Курске (с 1894), Конотопско-Курским отделением с дислокацией в г. Курске (с 1887 по 1893), и Киевским отделением с дислокацией в г. Киеве (до 1896 г.).

Брянское жандармское полицейское отделение железных дорог, дислоцировалось в уездном городе Брянск Орловской губернии [7, л. 13]. Ранее правопорядок на данном участке обеспечивался Коренево-Курским отделением с дислокацией в г. Курске (с 1894) [13, с. 98].

Глуховское жандармское полицейское отделение железных дорог дислоцировалось в уездном городе Глухове Черниговской губернии [7, л. 20], ранее правопорядок на участке его обслуживания обеспечивался Конотопско-Курским отделением с дислокацией в г. Курске (с 1887 по 1893), и Киевским отделением с дислокацией в г. Киеве (до 1896).

Мармыжское жандармское полицейское отделение железных дорог, дислоцировалось в губернском городе Воронеже [7, л. 11], притом, что станция Мармыжи находилась в Щигровском уезде Курской губернии. Ранее правопорядок на участке его обслуживания обеспечивался Ливно-Воронежским жандармским полицейским отделением железных дорог (с 1897) и Курско-Воронежским (с 1894 до 1897).

К Харьковскому жандармскому полицейскому управлению железных дорог относились отделения, участки обслуживания которых

проходили по территории Курской губернии по линиям от Харькова через Белгород до Курска:

Белгородское жандармское полицейское отделение железных дорог дислоцировалось в уездном городе Белгороде Курской губернии [7, л. 14]. Обслуживало участок от Белгорода до Курска, ранее 1896 г. относившийся к ведению Харьковского жандармского полицейского отделения [14, с. 114].

Харьковское жандармское полицейское отделение Харьковского ЖПУ ж.д. после 1896 г. стало обслуживать участок железной дороги от Харькова до Белгорода [14, с. 114].

С 1896 г. в состав Харьково-Царицынского ЖПУ ж.д. на линии Юго-Восточных железных дорог, проходившей по территории Курской губернии, между Ельцом и Валуйками расположились участки обслуживания двух жандармских полицейских отделений: Старооскольского с дислокацией в г. Старый Оскол и участком обслуживания в северном направлении [9, с. 15] и Валуйское с дислокацией в г. Валуйки Воронежской губернии [7, л. 10] и участок обслуживания от ст. Старый Оскол через Новый Оскол в южном направлении [15, с. 108].

В Российском государственном историческом архиве удалось обнаружить сведения, относящиеся к 1909 г., согласно которым к северу от Льгова через Готню до Харькова протянулась линия Северо-Донецкой железной дороги, участок которой обслуживало Основское жандармское полицейское отделение с дислокацией в г. Харькове и входившее в состав Кременчугское ЖПУ ж.д. [4, л. 2].

Таким образом, на основе архивных материалов можно сделать вывод о том, что на территории Курской губернии процесс становления жандармских полицейских подразделений железных дорог происходил одновременно с развитием железнодорожной сети, не был единовременным и носил поступательный характер. Архивные фонды позволяют уточнять количество жандармских полицейских подразделений по состоянию на конкретный исторический период, определять их структуру. Полученные сведения могут быть использованы при изучении деятельности правоохранительных органов на территории Курской губернии, особенностей охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности, в том числе и на объектах железнодорожного транспорта, позволят уточнить реальную штатную численность полицейских жандармских подразделений, в которой также отражалась специфика деятельности железнодорожных жандармов в регионе.

Источники и литература

1. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 350. Оп. 28. Д. 1.

2. РГИА. Ф. 350. Оп. 28. Д. 2.
3. РГИА. Ф. 350. Оп. 11. Д. 1.
4. РГИА Ф. 350. Оп. 11. Д. 3.
5. РГИА. Ф. 350. Оп. 11. Д. 4.
6. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. 1642. Оп. 56. Д. 2.
7. ГАКО. Ф. 1642. Оп. 56. Д. 2.
8. ГАКО. Ф. 46. Оп. 60. Д. 20.
9. Белгородское отделение - вчера и сегодня: регулярное движение поездов от Курска через Белгород до Харькова было открыто 6 июля 1869 года / Н. Шереметьевский // Белгородские известия. – 2008. – 28 окт.
10. Железнодорожный транспорт в Курской области // Википедия URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Железнодорожный_транспорт_в_Курской_области (дата обращения: 27.02.2018).
11. Из истории строительства железной дороги Москва-Курск // Вопросы истории и краеведения. Материалы II межрегиональных историко-краеведческих чтений, посвященных памяти кандидата исторических наук Л.А. Медведской. - Курск, 1999. С. 133–135.
12. Курско-Киевская железная дорога // Википедия URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Курско-Киевская_железная_дорога (дата обращения: 27.02.2018).
13. Общий состав управлений и чинов отдельного корпуса жандармов. Исправлен по 15-е июля 1894 г. – СПб: Типография Штаба Отд. Корп. Жанд., 1894. –341, X с.
14. Общий состав управлений и чинов отдельного корпуса жандармов. Исправлен по 18-е января 1896 г. – СПб: Типография Штаба Отд. Корп. Жанд., 1896. –355, X с.
15. Общий состав управлений и чинов отдельного корпуса жандармов. Исправлен по 16-е октября 1896 г. – СПб: Типография Штаба Отд. Корп. Жанд., 1896. – 329, X с.
16. По воле императора. Стараниями курян / В. Степанов // VIP. – 2008. – № 4. – С. 22–23.
17. Северо-Донецкая железная дорога // Википедия URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Северо-Донецкая_железная_дорога (дата обращения: 27.02.2018).
18. ЭСБЕ/Московско-Киево-Воронежская железная дорога // Викитека URL: https://ru.wikisource.org/wiki/ЭСБЕ/Московско-Киево-Воронежская_железная_дорога (дата обращения: 26.02.2018).
19. ЭСБЕ/Обоянская железная дорога // Викитека URL: https://ru.wikisource.org/wiki/ЭСБЕ/Обоянская_железная_дорога (дата обращения: 27.02.2018).
20. Южная железная дорога // Википедия URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Южная_железная_дорога (дата обращения: 26.02.2018)

В. В. Раков,
*кандидат исторических наук,
заместитель директора по НИР
ОКУ «Госархив Курской области»*

ОБРАЗОВАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КУРСКОГО ГУБЕРНСКОГО АРХИВНОГО БЮРО (1922 – 1928 гг.)

Празднование 100-летия государственной архивной службы России даёт исследователям дополнительный стимул ещё раз обратиться к архивным документам, позволяющим достаточно детально реконструировать процесс создания государственной архивной службы в регионах, выявить как общие закономерности, так и особенности фактической реализации Декрета СНК «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР» от 1 июня 1918 г. и последующих нормативно-правовых документов в области архивного дела.

Декрет декларировал образование Единого Государственного Архивного фонда, состоящего из архивов правительственных учреждений, возлагал управление этим Фондом на Главное Управление Архивным делом, создаваемого в структуре Народного Комиссариата по Просвещению. Кроме того, документ устанавливал временные принципы взаимоотношений Главного Управления Архивным делом с правительственными учреждениями в отношении документов, не утратившими значение для их повседневной деятельности. К слову сказать, никакой частной собственности на архивы, этот Декрет не отменял.

Не содержал Декрет и категорически обязывающего требования полной централизации архивного дела. Пункт 7 Декрета буквально гласил: «В целях лучшего научного использования, а также для удобства хранения и экономии расходов, отдельные части Государственного Архивного Фонда **по возможности** [выделено мной – В.Р.] должны быть соединены по принципу централизации архивного дела».

В силу своего юридического статуса – «Декрета», как специфического вида закона, носящего временный характер и впоследствии, как правило, входящего в состав определённого закона в качестве его части – документ не содержал механизма реализации установленных положений и требовал дополнительный нормативных актов, о чём и было указано в Декрете: «Положение о Главном Архивном Управлении и подведомственных ему областных управлениях будет издано дополнительно» [7, с. 332].

Таким образом, первоочередной задачей создания Единого Государственного Архивного Фонда стала фактическая передача ему архивов государственных учреждений, ставших бесхозными, в силу их

юридической ликвидации, а также дел правительственных учреждений, законченных

Начало созданию сети местных архивных учреждений было положено Постановлением СНК РСФСР от 31 марта 1919 г. об утверждении «Положения о губернских архивных фондах» [8, с. 541–543]. В соответствии с этим документом все архивы и делопроизводства, находящиеся в губернских городах и уездах, относящиеся к ведению, составляли по каждой губернии особый единый губернский архивный фонд.

Во главе губернского архивного фонда состоял заведующий, назначаемый Главным управлением архивным делом. При заведующем губернным архивным фондом находится совет, состоявший из заведующих отделами, представителей от местных ученых и педагогических обществ, библиотек и музеев, и отдела народного образования при губернском Совете рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. В ведение совета входило рассмотрение и обсуждение общих вопросов губернского архивного строительства и важнейших частных мер по сохранению и упорядочению архивных фондов. Ввиду активных боевых действий на территории Курской губернии летом-осенью 1919 г. формирование Совета затянулось.

В зависимости от размеров архивных фондов и текущей работы над ними устанавливались следующие штаты: заведующий, один или два архивариуса, один или два помощника архивариуса, один делопроизводитель и один или два сотрудника, три младших служащих.

Новая реорганизация органов управления архивным делом произошла в 1921 г. Губархив как самостоятельное юридическое лицо был ликвидирован и передан в состав губернского отдела народного образования (ГубОНО) на правах отдела. Но в связи с большой загруженностью отдела непосредственными вопросами становления системы народного просвещения, коллегия Губоно 5 ноября 1921 г. приняла решение о выводе губархива из своего состава, оставив при этом его в качестве подведомственного учреждения. Для губархива был установлен штат в составе 7 человек: заведующий губархивом (он же – уполномоченный Главного управления архивными делами), научный секретарь, инструктор и 4 сторожа для охраны помещений, где хранились документы, расположенных в разных частях города. [1, л. 4]

Губернский архивный отдел (Губархив) при Курском губисполкоме был создан на основании Декрета ВЦИК от 30 января 1922 г. «Положение о Центральном Архиве Российской Социалистической Федеративной Советской Республики». В Положении, в частности, говорилось: «...1. Все архивные учреждения Республики образуют в совокупности Центральный Архив Р.С.Ф.С.Р. (Центрархив), состоящий в ведении Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета.

2. Все архивные материалы, как находящиеся в актохранилищах Центрархива, так и не находящиеся в таковых, но состоящие на учете Центрархива, образуют Единый Государственный Архивный Фонд.

<...> 13. Губернские (областные) Отделы Центрархива Р.С.Ф.С.Р. являются Отделами Губернских (областных) Исполнительных Комитетов, подчиняясь директивам Центрархива по вопросам архивного дела.

14. Назначение и увольнение заведующих Губернскими Отделами Центрархива Р.С.Ф.С.Р. производится Губернскими (областными) Исполнительными Комитетами по соглашению с заведующим Центрархивом Р.С.Ф.С.Р.

15. Губернские Отделы Центрархива Р.С.Ф.С.Р., являясь учреждениями общегосударственного значения, на все нужды своей деятельности снабжаются денежными средствами за счет ассигнований по смете Центрархива» [6, л. 49].

10 марта 1922 г. Президиум Курского губисполкома принял документ следующего содержания: «<...> Согласно постановления ВЦИК от 30 января с.г. 1) образовать при Курском губисполкоме, на правах отдела такового, Курский губернский отдел «Губархив», 2) на должность заведующего указанным отделом назначить ученого археолога и археографа т. М.В. Василькова, 3) просить Центрархив об утверждении Василькова в указанной должности и 4) предложить Василькову к 21 сего марта сделать Президиуму ГИК доклад о положении губархива» [9, с. 14].

Вероятно, доклад М.В. Василькова произвёл на служащих губисполкома должное впечатление, потому, что 10 апреля 1922 г. Курский губисполком издал соответствующий приказ «О мерах по охране архивов от расхищения», который обязывал все советские учреждения, организации и предприятия передать губархиву документы, законченные делопроизводством к 25 октября 1917 г., и принять меры к предотвращению порчи и расхищения документов [10, с. 124–125].

О масштабах и характере работы свидетельствует следующий фрагмент отчета о деятельности Курского губернского Архбюро с 1 октября 1921 г. по 1 апреля 1922 г.: «Во исполнение Декрета СНК от 1 июля 1918 г. о реорганизации и централизации архивного дела деятельность Губархива была направлена на охрану «беспризорных архивов», упразднённых во время войны и революции, правительственных учреждений, объединению их в единый архивный фонд, систематизации архивных материалов и выделении дел и документов, подлежащих хранению. Зарегистрировано два частных архива: князей Барятинских в с. Ивановское Львовского уезда и Ребиндера в с. Шебекино Белгородского уезда» [2, л. 1].

На этот момент часть ведомственных архивов находилось в угрожающем состоянии. Это, прежде всего, архивы Духовной консистории (в здании размещены красноармейцы, дела свалены в сырых и полуразрушенных помещениях), Губернского правления (находился в

полуразрушенном здании, пострадавшем от пожара), Губернской земской управы (дела выброшены из помещения ЧК для размещения там конюшни, а затем беспорядочно свалены в сарай). Метрические дела до 1863 г. были переданы в полное распоряжение отдела записей актов гражданского состояния без выделения этих дел из общего архива Духовной консистории.

Штат Губархива в 1922 г. составлял четыре сотрудника [7, л. 1 об.]. К 1924 г. штатный состав Курского Губернского Архбюро составлял 10 единиц: заведующий (Васильков М.В.), секретарь (Павлович С.И.), три инструктора (Воскресенская П.А., Квачевская В.И., Харламова К.И.), три архивариуса Руднева С.С., Лобода М.Ю., Залеская М.М.) и два сторожа (Поляков Н., Россинский И.) [3, л. 6, 11].

В третьей четверти 1921 г. – начале 1922 г. разборочная комиссия не функционировала по причине отсутствия тёплого помещения для работы. Сотрудники Губархива лишь проделали некоторую работу по подготовке документов, подлежащих рассмотрению разборочной комиссии.

Для централизации архивов в масштабе губернии требовалось здание, приспособленное к хранению документов. Этим требованиям вполне отвечало здание бывшей Духовной консистории с прилегающим к нему зданием её бывшего архива. Это здание в 1920 г. было действительно представлено в распоряжение Губархива и до некоторой степени было переоборудовано для хранения документов, но в конце того же года жилищно-земельный отдел Губисполкома передал это здание железнодорожному трибуналу, а затем – Чрезвычайной комиссии. После этого Губархив на длительное время был лишён всякого собственного помещения, оставив архивы в непригодных, зачастую полуразрушенных помещениях, что привело к их массовой порче и расхищению. Даже канцелярия Губархива была вынуждена ютиться в канцелярии Губмузея.

О масштабах невосполнимых потерь свидетельствует следующий вопиющий факт: красноармейцы пулемётной команды, размещённые в здании Духовной консистории, похитили и продали на базарах до 50% архива, главным образом – метрические книги [2, л. 2–2 об.]. Часть документов погибла или серьёзно пострадала во время пожаров, случившихся в зданиях, где хранились документы Губернского правления и Духовной консистории.

Но потери документов были связаны не только с хищениями и плохими условиями хранения, но и с издержками спасательных работ. Так, например, при перевозке архивов учреждений пострадали часть фондов Контрольной палаты и Отдела косвенных налогов [3, л. 5 об.].

Лишь в ноябре 1923 г. Губархбюро была отведена одна из церквей Знаменского монастыря – Воскресенская церковь. Здание было полуразрушено. Поскольку местный бюджет не предусматривал выделение средств на ремонт приспособленного помещения, то удалось

лишь подготовить помещение для использования его как склада, т.к. средств для установки стеллажей не было [3, л. 1]. В январе-феврале 1924 г., после остекления окон, сюда были привезены архивы прокурора окружного суда, часть архива самого окружного суда, контрольной палаты и др. Чтобы вывести эти документы на аренду транспорта и погрузочно-разгрузочные работы требовалось 750 руб., недостающую часть которых (308 руб.) заплатил из личных средств сотрудник Архбюро Назаров. Часть средств в сумме 1058 руб. было истрачено на ремонт подвального помещения для отведения его под канцелярию. В силу сложившихся обстоятельств зав. Архбюро М.В. Васильков предложил сдать в утиль «архивный брак», употребив вырученные деньги на оборудование для архива и оплату задолженности [3, л. 2–3].

В соответствии с положением о губернских архивных бюро от 20 ноября 1922 г. губернский архивный отдел был переименован в губернское архивное бюро. По состоянию на январь 1924 г. в непосредственном ведении Курского Губархбюро состояло: одно оборудованное хранилище и четыре склада с архивными материалами упразднённых учреждений [4, л. 21].

Огромной проблемой для архивного строительства в регионе стали постоянные изменения административно-территориального характера, неизбежно влекшие за собой структурные изменения архивной службы, перераспределения мест концентрации, обработки и хранения документов, реорганизации организаций и учреждений, пересмотра вопросов финансирования и т.д. Переход от губернского, уездного и волостного деления к областному и районному в Курской губернии проводился несколькими этапами, начиная с 1924 г. На территории Воронежской, Курской, Тамбовской и Орловской губерний предполагалось создать одну Центрально-Черноземную область (ЦЧО). Это постановление преследовало цель приблизить волость к размерам будущего района, сократить число административных единиц и удешевить систему государственного аппарата.

Первым шагом в осуществлении районирования на территории Курской губернии явилось постановление президиума ВЦИК от 12 мая 1924 г. об административно-территориальном делении Курской губернии. По этому постановлению были упразднены Фатежский, Дмитриевский, Путивльский, Суджанский, Обоянский, Корочанский, Новооскольский и Тимской уезды. Вместо Грайворонского уезда был создан Борисовский с центром в сл. Борисовке [11, № 46, ст. 440].

В октябре 1925 г. закончила свою работу комиссия по уточнению границ РСФСР, БССР и УССР. Согласно постановлению президиума ВЦИК СССР от 16 октября 1925 г. от Курской губернии отошли к Украине: вся территория бывшего Путивльского уезда, за исключением Крупецкой волости, Крениченская волость бывшего Суджанского уезда, южные части Грайворонской волости Грайворонского уезда и Муромской

волости Белгородского уезда. Передача этих территорий была закончена к июлю 1926 г.

Согласно Распоряжению губисполкома от 13 октября 1926 г. на должность зав. губернским архивным бюро был назначен А.А. Комаров, получивший тяжёлое наследство: «<...> Дело архивного строительства в губернии находилось в плачевном состоянии» [11, л. 39].

Новый заведующий Архбюро активно включился в работу, уделив основное внимание разборке и систематизации архивных материалов, положив начало каталогизации архивных фондов и созданию картотеки. Им был разработан и представлен губисполкому широкомасштабный производственный план на 1926/1927 гг. Но, как указывалось Губпланом, в нём отсутствовали увязки очередных задач с наличием материальных и финансовых возможностей.

Практически в это же время был принят ещё один документ, реализация которого требовала ещё больших материальных, финансовых затрат и привлечения дополнительных кадров. Коллегия Центрархива 21 октября 1926 г. утвердила «Положение об уездном архиве», согласно которому на последние возлагалась задача «<...> хранения и надлежащего использования материалов Единого Государственного архивного Фонда, находящихся на территории уезда, за изъятием тех из них, кои состоят в непосредственном ведении Губернского Архивного Бюро». Уездные архивы создавались при уездных исполнительных комитетах, но, как указано в Положении, «в области архивно-технической» подчинялись Губернскому Архивному Бюро [5, л. 21].

В 1926 г. началась организация уездных архивных бюро. Были созданы: Щигровское (1 октября 1926 г.), Белгородское (22 декабря 1926 г.), Львовское (28 декабря 1926 г.), Рыльское (1 января 1927 г.), Курское (5 января 1927 г.), Грайворонское (10 января 1927 г.), Старооскольское (27 января 1927 г.) уездные архивные бюро. [4, лл. 31, 127; 6, л. 14.]

Реалии времени были достаточно сложны и суровы. Губернские архивные органы, находившиеся, по-сути, в перманентном организационном и финансовом кризисе, получили дополнительные проблемы, суть которых достаточно объективно была отражена в протоколе заседания культурно-социальной секции Губплана от 15 марта 1927 г.: «На основании изучения производственного плана Губархбюро и личного ознакомления сотрудника культурно-социальной секции тов. Некрасова с архивными органами и учреждениями в городе Курске, необходимо отметить следующие моменты, характеризующие общее состояние архдела в губернии:

а) тяжелое положение архивных органов, особенно в уездах, выражающееся в недостаточности штатов, помещений, слабой оборудованности архивохранилищ;

б) недостаточность денежных ассигнований, и т.п., ограничивающая объём работы Губернского Архивного Бюро;

в) наличие большого количества необработанных архивных материалов;

г) неполная концентрация архивных материалов в архивохранилищах;

д) неполная обработка и описание имеющихся архивных фондов, что не даёт возможности их всестороннего использования в политическом, научном и справочно-практическом отношениях;

е) неполный учёт имеющихся на местах архивных фондов;

ж) недостаточное внимание учреждений и организаций к вопросам архивного строительства как в губгороде, так, особенно, в уездах и волостях;

з) слабая постановка архивной части в учреждениях» [5, лл. 39–40].

В 1928 – 1929 гг. страна перешла на областное, окружное и районное административное деление. 6 апреля 1928 г. ВЦИК принял положение о краевых, окружных и районных съездах Советов и их исполкомах. 16 июня 1928 г. ВЦИК и СНК РСФСР принимают постановление о составе округов, районов и их центров по Центрально-Черноземной области (ЦЧО). Центром ЦЧО был утвержден г. Воронеж. [12, № 70, ст. 503; № 96, ст. 116, 117; № 99, ст. 630]

В связи с переходом страны на новое административно-территориальное деление в 1928 г. губернское архивное бюро было ликвидировано и с 1 июля 1928 г. создано Курское, а с 20 июля – Львовское окружные архивные бюро. Начинаясь новый этап социалистического строительства, и архивная система оказалась перед новыми вызовами.

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-2968. Оп. 1. Д. 16.

2. ГАКО. Ф. Р-2968. Оп. 1. Д. 17.

3. ГАКО. Ф. Р-2968. Оп. 1. Д. 24.

4. ГАКО. Ф. Р-2968. Оп. 1. Д. 52.

5. ГАКО. Ф. Р-2968. Оп. 1. Д. 73.

6. ГАКО. Ф. Р-2968. Оп. 1. Д. 100.

7. Декрет СНК РСФСР «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР» // Россия: Хроника основных событий IX–XX вв. – М.: РОССПЭН, 2000. – 896 с.

8. Декреты Советской власти. Т. 4. – М.: Издательство политической литературы, 1968. – 731 с.

9. Десять лет архивного строительства в Курской губернии (Краткий исторический очерк с приложением списков фондов Исторического архива

и архива Октябрьской революции и характеристик фондов. – Курск, [1928]. [118 с.].

10. Из истории культурного строительства в Курской области. 1917-1928 гг.: Документы и материалы. – Курск: [Б. и.], 1979. – 260 с.

11. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. – 1924.

12. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. – 1928.

МАТЕРИАЛЫ СЕКЦИОННОГО ЗАСЕДАНИЯ

В. В. Акимченков,

*аспирант кафедры новейшей отечественной истории
Института истории и политики ФГБОУ ВО «Московский
педагогический государственный университет»*

Е. В. Молочко,

*кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры
культурологи, философии и социально-гуманитарных наук
Медицинской академии им. С. И. Георгиевского
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный
университет им. В. И. Вернадского»*

СОЗДАНИЕ КРЫМСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ВАРНИТСО: НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРЫМОВЕДЕНИЯ 20–30-х гг. XX ВЕКА

Изучение экономических процессов на территории Крымской АССР в 20–30-е гг. XX в. всегда занимало особое место в крымоведческих исследованиях. На сегодняшний день попытки осмысления перспектив развития экономики полуострова в первые десятилетия советской власти получили общие очертания в отечественной историографии [6]. Однако история ряда государственных, партийных и общественных союзов, занимавшихся изучением вопросов экономики на территории Крымской АССР, остается преданной забвению. Деятельность Крымского отделения Всесоюзной ассоциации работников науки и техники для содействия социалистическому строительству в СССР (далее – ВАРНИТСО), являвшейся добровольной общественной организацией, стала предметом самостоятельного исследования [5].

Источниковой базой для изучения заявленной темы служат материалы ф. 4394 («Всесоюзная ассоциация работников науки и техники для содействия социалистическому строительству в СССР») Российского государственного архива экономики (далее – РГАЭ). Выявленные нами протоколы съездов и собраний, анкеты и краткие жизнеописания (*curriculum vitae*) членов организации позволили реконструировать процесс создания и функционирования Крымского отделения ВАРНИТСО, уточнить биографические данные представителей научной и технической интеллигенции Крыма.

Со второй половины 20-х гг. XX в. в экономической жизни Крымской АССР мероприятия НЭПа дали ощутимые результаты. Частные предприятия полуострова стали вырабатывать более четверти всей производимой промышленной продукции автономии. Мелкая и кустарная промышленность заняла доминирующее положение, городские рынки

позапно насыщались товарами. Крымвнешторг сумел сформировать эффективную внешнюю торговую модель с группой европейских стран, экспортируя им крымские вина, фрукты и отдельные группы сырья, при этом импортируя в Советский Союз недостающее оборудование и промышленные товары. В свою очередь Симферопольская товарная биржа по ряду показателей заняла первое место в РСФСР. На внутреннем рынке автономии потребительская кооперация стала играть ключевую роль. К концу 20-х гг. XX в. судьба НЭПа была предрешена, а правительство взяло курс на усиление плановых начал в экономике. В 1928 г. были вновь предприняты чрезвычайные меры, продиктованные кризисом хлебозаготовки. Наступила новая эпоха в истории страны, привнесшая коренные изменения в политическое, культурное и экономическое развитие.

К концу 20-х гг. XX в. начался повальный процесс разгрома краеведческого движения, активизировавшегося в начале десятилетия, обличение и уничтожение общественных групп и союзов, действовавших на добровольных началах в Крыму еще с досоветского периода. Подобные изменения требовали новых подходов в работе с общественными организациями и объединениями. В 1927 г. возникла идея объединить группу наиболее деятельных и инициативных представителей научной и технической интеллигенции на единой идейной платформе, имеющую актуальную повестку дня. Инициатива вылилась в оформление к октябрю 1927 г. ВАРНИТСО, об официальном открытии которой было объявлено в ходе ее Первой Всесоюзной конференции, проходившей в Москве 23–26 апреля 1928 г. [7]

Ключевая роль в создании Крымского отделения ВАРНИТСО отводится группе преподавателей Крымского государственного педагогического института (Г. П. Вейсберг, Г. А. Максимович, П. А. Двойченко, В. С. Шевчук, В. Г. Лунев), представителям аппарата экономического управления при СНК Крымской АССР: Плановому бюро (В. Б. Лукьянов), Управлению строительного контроля (П. П. Дюкоммен, П. Я. Макаровский), а также членам Крымского отделения Всесоюзного межсекционного бюро инженеров и техников (А. М. Комиссаров) [4, л. 30].

К 7 июня 1928 г. была оформлена управленческая структура Крымского отделения, прошла кооптация первых членов организации. Председателем был избран инженер путей сообщения, сотрудник Управления строительного контроля Крымской АССР Петр Павлович Дюкоммен (1881–?) [3, л. 4]. В Президиум вошли: Г. А. Максимович (председатель), Г. П. Вейсберг (зам. председателя), П. А. Двойченко, П. П. Дюкоммен и П. Я. Макаровский. Также было принято решение о целесообразности структурного подчинения керченской и феодосийской ячеек Крымскому отделению [4, л. 30]. Наиболее красочно период конца 20-х гг. XX в. в истории организации охарактеризован инженером Управления строительного контроля Крымской АССР Петром

Яковлевичем Макаровским (1884–?): «Иstekшая неделя – живая и интересная – подвела итоги полугодовому процессу внутренней дифференциации среди части крымской интеллигенции (технической и агрономической) – выявлена группировка на 1/VII-28 – вскрыла существующую между ними скрытую борьбу, поставила каждого инж-тех-работника перед необходимостью определить свое отношение к той или иной группировке, затруднила дальнейшего балансирования между группировками и в значительной степени ускорила процесс дифференциации на будущее время» [4, л. 28].

В 30-е гг. XX в. ВАРНИТСО превратилась для советской власти в механизм социальной мобилизации крымской интеллигенции. К 1934 г. количество членов местной организации возросло до 78 человек [2, л. 6]. В их число вошли наиболее авторитетные представители местной научной и технической интеллигенции. Однако репрессивная политика 30-х гг. не обошла и ВАРНИТСО. Часть членов Крымского отделения была арестована под надуманным предлогом (П. А. Двойченко, Д. Д. Павленко и др.), но впоследствии освобождена, другая часть получила длительные тюремные сроки (П. П. Дюкоммен, Н. К. Мухитдинов, В. Е. Перчихин и др.). Организация, выполнив возлагаемую на нее роль по формированию у советской интеллигенции восприятия новых норм советской политической культуры, оказалась излишней общественной надстройкой. Деятельность отделения начала 30-х гг. XX в. задокументирована в стенографическом отчете заседания центрального бюро ВАРНИТСО, где с обзором о его работе выступил представитель от Крыма В. С. Шевчук: «Крымская орг.[анизация] сущ.[ествует] несколько лет и пережила ряд этапов. Если говорить о положении вещей в настоящее время, то его нельзя назвать благополучным. Это отчасти объясняется первородным грехом организации. Во-первых, к ней недостаточно серьезно отнеслись партийные организации. Во-вторых, в нее пытались проникнуть некоторые вредительские элементы, взять ее в свои руки и использовать для прикрытия своего истинного лица, что и получилось <...>.

Председателем организации был инж.[енер] [П. П.] Дюкоммен, впоследствии арестованный, ответ.[ственным] секретарем был проф. [Г. А.] Максимович и внутри руководства мы имели трения, которые сами руководители пытались обобщить и объяснить антагонизмом, который существовал между научными и инженерно-техническими работниками. Отрицательную роль сыграло и присутствие в организации некоторых лиц, которые являлись одиозными, напр.[имер], инж.[енер] [П. Я.] Макаровский, которого местная инженерная среда просто ненавидела, считала человеком перекусившимся, делающим карьеру и т. д. Этого мнения придерживается и известная часть научных работников и партийцев <...>. Это отразилось также и на конференции, происходившей в прошлом году. Группа членов, опиравшаяся на Макаровского и Хомякова, пыталась сконцентрировать новый Президиум

из состава лиц, которые в дальнейшем почти поголовно оказались арестованными. Правда, им не удалось это сделать, но их попытка была характерна <...>.

Кроме того, имел место самовольный уход председателя Дюкоммена. В результате всего этого мы имеем ряд арестов членов ВАРНИТСО. Был арестован один, который во всем признался. И возник вопрос – индивидуальный он вредитель, или организованный. Затем мы узнали, что арестован бывший председатель. В последнее время мы имели арест двух членов Президиума – Лейбина и [П. Н.] Берменева. Еще имеем арест [В. Г.] Лунева.

Такая ситуация создала чрезвычайно тяжелую атмосферу. Нельзя работать, когда начинается извлечение людей в последовательном порядке, потому что не знаешь, что делать и, прежде чем сделаешь шаг, приходится много думать и быть чрезвычайно осторожным. <...> [1, л. 10–11].

Сложившееся положение самым негативным образом сказалось на последующем функционировании отделения. В данном случае прибегнем к отчету центрального бюро ВАРНИТСО, в котором констатируется, что «<...> до конца 1930 г. отделение работало довольно активно, но с начала 1931 г. работа постепенно начала замирать. Осенью 1931 г. туда приезжал [заместитель ответственного секретаря ВАРНИТСО] т. [М. А.] Ваксберг и, по его докладу об итогах обследования ЦБ [центральное бюро ВАРНИТСО] признавало работу отделения неудовл.[етворительной] и нуждающейся в немедленной перестройке. При этом ЦБ констатировало, что в 1932 г. работа отделения фактически замерла.

После посещения отделения т. Ваксбергом работа несколько оживилась, но с сер.[едины] 1933 г., с мобилизацией ответ.[ственного] секр.[етаря] т. Бориспольской и ее отъездом, вновь начала снижаться. <...>.

В последнем своем письме ответ.[ственный] секр.[етарь] отд.[еления] т. [В. В.] Бобин сообщил о своей продолжительной болезни, лишившей его возможности вести работу ВАРНИТСО, и загруженностью других. <...> [1, л. 86 об.].

К началу 1937 г. работа Крымского отделения окончательно угасла. Точное время исчезновения неизвестно, в материалах ВАРНИТСО из фондов РГАЭ приводится лишь конечная дата имеющихся документов – 20 марта 1937 г. Более того, авторство большинства документов этого периода можно установить только косвенно, подписи под большинством отрезаны – автографы «врагов народа» подлежали уничтожению! (возможно, есть и другое объяснение этому факту).

Дальнейшее изучение заявленной темы с опорой на новую, фундаментальную, источниковую базу фондов РГАЭ позволит более глубоко осмыслить процессы, протекавшие в общественной и экономической жизни Крымской АССР в конце 20-х–30-е гг. XX в., а

также выявить тенденции данного процесса, характерные для жизни всего Советского Союза.

Источники и литература

1. Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 4394. Оп. 1. Д. 159.
2. РГАЭ. Ф. 4394. Оп. 1. Д. 165.
3. РГАЭ. Ф. 4394. Оп. 1. Д. 167.
4. РГАЭ. Ф. 4394. Оп. 1. Д. 306.
5. Акимченков В. В. К истории создания ВАРНИТСО: взгляды и мнения крымской интеллигенции // Черноморские чтения: труды III Международной научной исторической конференции, г. Симферополь, 5 апреля 2016 г. / Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского. – Симферополь: Антиква, 2017. – С. 7–11.
6. Непомнящий А. А., Козаченко И. В. Съезды по изучению производственных сил Крыма: экономическое крымоведение на рубеже 20–30-х гг. XX века // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Серия: «Исторические науки». – Симферополь, 2015. – Т. 1(67), № 4. – С. 34–39.
7. Стенографический отчет 1-ой Всесоюзной конференции ВАРНИТСО. 23–26 апреля 1928 г. // Бюллетень ВАРНИТСО. – М., 1928. – № 2. – С. 1–217.

О. Н. Аргунов,
*старший научный сотрудник
отдела научно-исследовательской работы
и информационного обеспечения
ОКУ «Госархив Курской области»*

ИНОСТРАННЫЕ ПОДДАННЫЕ В КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ 1920-х гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВНОГО ФОНДА «КУРСКИЙ ГУБЕРНСКИЙ ОТДЕЛ УПРАВЛЕНИЯ»)

Курская губерния в начале 1920-х гг. представляла из себя типичный провинциальный регион европейской части России, по территории которого прокатились сначала революционные события 1917 г., а затем Гражданская война. Обыденными явлениями в этот период стали разруха, экономический упадок, следствием чего были падение уровня жизни населения, массовый голод и др. Вместе с тем, в начале 1920-х гг. в губернии проживало большое число иностранных подданных, которые, несмотря на тяжелые условия жизни, продолжали здесь жить. Это было связано с несколькими обстоятельствами.

Во-первых, за годы Первой мировой войны в Курскую губернию было интернировано несколько десятков тысяч военнопленных (точное их число так и не было установлено). Они не содержались в лагерях, а преимущественно направлялись на сельскохозяйственные работы в экономии, где они могли практически беспрепятственно передвигаться и вести достаточно свободный для пленных образ жизни. Многие из пленных солдат (в большей степени это были австрийцы, чехи и венгры) обзаводились на курской земле семьями и оставались здесь на постоянное местожительство.

Во-вторых, также вследствие Первой мировой войны в губернию хлынул поток беженцев из западных областей Российской империи, часть из которых впоследствии не захотели возвращаться во вновь созданные государства (к примеру, Польшу, страны Прибалтики).

В-третьих, многие иностранные подданные, проживавшие на территории губернии в начале 1920-х гг. прибыли по различным причинам (вынужденная миграция, экономические интересы, посещение родственников и пр.) на курскую землю еще до начала Первой мировой и Гражданской войн, а после их завершения не захотели покидать уже «обжитых» мест.

Итак, исходя из этого общую массу иностранных подданных, проживавших на территории Курской губернии в начале 1920-х гг. можно разделить на несколько групп, сформированных по территориальному признаку. Во-первых, это выходцы из стран Европы, которых в свою очередь можно разделить на следующие подгруппы: выходцы из Западной и Центральной Европы (Германия, Франция, Испания, Швейцария, Бельгия, Австрия и др.), выходцы из Восточной Европы (преимущественно из стран, чьи территории до Первой мировой войны входили в состав Российской империи (Польша, Литва, Латвия, Эстония, Чехия) и выходцы из стран Южной Европы (Сербия, Греция и др.).

Во-вторых, это выходцы из стран Востока: Дальнего (Китай, Корея) и Ближнего (Персия, Турция).

Выявленные сведения говорят о том, что Курская губерния притягивала к себе значительное число иностранцев, что было, на наш взгляд, преимущественно обусловлено ее относительно стабильным экономическим положением. Да, послевоенная разруха имела место, но тот же голод 1921 г., опустошивший губернии Поволжья, затронул курский регион менее серьезно.

Рассмотрим основные группы иностранных подданных более подробно, чтобы определить причины их приезда в губернию, где предпочитали селиться и чем заниматься. Начнем с уроженцев Западной и Центральной Европы.

Помимо того, что многие представители стран Западной и Центральной Европы, в особенности бывшие подданные германской короны, попали в Курск и губернию как военнопленные (часть как

возвращенцы, осевшие в губернии). Так, например, Василий Евгеньевич Кенинг, родившийся в России, но воевавший в армии кайзера, был пленен, в плену находился в Саратове, откуда «своим ходом» решил возвращаться в Германию, но осел в Курске в начале 1920-х гг. [3, л. 58 об.–59]),

Многие иностранцы, в особенности швейцарцы и бельгийцы, вели в губернии свое дело еще до войны. Однако с приходом советской власти и последующим введением НЭПа ситуация не сильно поменялась: многие из них продолжали вести свой «бизнес». Ярким тому примером является семья Мартенс, проживавшая в городе Курске еще в довоенное время, и которой принадлежал собственный завод. Братья Георг Карлович и Отто Карлович 52-х и 42-х лет соответственно даже в начале 1920-х гг. продолжали владеть в городе собственными домами, располагавшимися по улице Золотой, 30 и улице Семеновской, 34 [1, л. 65 об., 68 об.].

Стоит отметить одну особенность, которая сразу бросается в глаза при изучении материалов архивного фонда «Курский губернский отдел управления»: австрийские подданные женились на русских женщинах гораздо чаще, чем немецкие, что, в большинстве своем, как это уже отмечалось выше, вынуждало их остаться в России. Приведем несколько примеров: Исак Лейсевич Бреннер, австрийский подданный, бывший военнопленный, женившийся на русской Лидии Давыдовне; Владислав Антонович Фелис, также австрийский подданный, женившийся на Евдокии Мироновне [1, л. 279 об., 333 об.].

Среди уроженцев Западной и Центральной Европы отдельно следует выделить различных специалистов, которые еще в довоенный период приехали в Россию и остались здесь жить. Именно так сложилась судьба швейцарского инженера Густава-Адольфа Фердинандовича Клетти, который прибыл в империю в командировку еще в 1896 г. Он был широко известен в городе Курске, во многом потому, что ему принадлежал один из первых в губернии частных мотоциклов [3, л. 36 об.–37]. Не менее интересной представляется судьба итальянского подданного Людвиг Иосифовича Путена, родившегося в Венеции, который состоял мастером бетонных работ на 12-м участке пути Московско-Киево-Воронежской железной дороги. Он был автором мозаичных полов на станции Щигры и в доме кондукторских бригад на станции Кшень. Его контракт с железной дорогой закончился еще в 1908 г., но Людвиг Иосифович остался проживать в Курске и дальше [4, л. 123–124, 154–155].

В Курской губернии находились и иностранные подданные, попавшие сюда в ходе эвакуации. Например, австрийский подданный Владислав Максимилианович Кисс, уроженец города Луцка, оказавшийся в Курске в самом начале войны, в связи с эвакуацией города, а после ее завершения остался здесь на постоянное место жительства [5, л. 142 об.].

Таким образом, мы можем констатировать, что причины, по которым иностранные подданные западноевропейских и центральноевропейских

государств оказались в Курской губернии в начале 1920-х гг., достаточно разнообразны.

Говоря о приезжих из стран Южной и Восточной Европы следует отметить, что причины их приезда в Курскую губернию в большинстве своем являлись теми же: экономические интересы, бегство от войны и пр. В этом отношении стоит отметить тот факт, что большая их часть была из стран, чьи территории до Первой мировой войны входили в состав Российской империи (Польша, Литва, Латвия, Эстония). Чаще всего это были или семьи беженцев, которым удалось закрепиться в губернии, или смешанные семьи, где женами в большинстве своем выступали русские женщины. Некоторые оставались в Курской губернии еще и потому, что имели постоянную работу. Например, поляк Иваницкий Вацлав Вацлавович смог устроиться инженером на Теткинский сахарный завод в Рыльском уезде, где трудился на постоянной основе [4, л. 239].

Вместе с тем, часть беженцев не хотела покидать Курскую губернию, так как места, где они проживали до войны, были полностью уничтожены. По этой причине в губернии осталась проживать семья Смиттнек Анны Никифоровны, латвийской гражданки, чье село было уничтожено в ходе боев [3, л. 420].

Что же касается иностранцев из стран Южной Европы (Сербия, Греция), то практически все они попали в Курскую губернию еще до Первой мировой войны и успели хорошо закрепиться на курской земле. Так, к примеру, было с семьей греческого подданного Николая Дмитриевича Ангелопуло, который оказался в губернии еще в конце XIX в. За это время его семья успела ассимилироваться в Курске, а его дети устроиться на работу [1, л. 210 об.].

Отдельно стоит выделить сербов, проживавших на территории Курской губернии в исследуемый отрезок времени. Как и семья Ангелопуло большая их часть приехала еще до Первой мировой войны. В ходе анализа архивных документов было выявлено, что сербы предпочитали жить компактными группами. В Курске существовали две своеобразные «общины»: одна располагалась по улице Шоссейной (ныне ул. Интернациональной) в слободе Ямской, а вторая по улице Пастуховской (ныне ул. Белинского). Всего в этот период в Курской губернии проживало, по нашим подсчетам, около 160-и сербов.

Следующей большой группой иностранных подданных, проживавших на территории Курской губернии, были выходцы их стран Азии. На представителях стран Ближнего Востока (Турция и Персия) мы останавливаться подробно не будем, в связи с тем, что еще в начале 1920-х гг. их представительство было очень значительным, но большая часть из них не была зарегистрирована на территории губернии.

Далее рассмотрим, как жили в Курской губернии подданные стран Дальнего Востока.

Часть азиатов, прибывших в губернию из стран Дальнего Востока, являлась обыкновенными разнорабочими, искавшими лучшей доли вдалеке от Родины. Многие не могли говорить по-русски или же понимали русский язык с трудом. Исходя из обнаруженных документов, большая их часть попала в губернию в годы Первой мировой войны, а после ее окончания не захотели покидать обжитых мест. Дальневосточные азиаты предпочитали селиться в городах, где существовала оживленная круглогодичная торговля (Курск, Белгород, Рыльск), выбирая себе дома, располагавшиеся как можно ближе или к рынкам, или к железнодорожным вокзалам. Например, корейский подданный Сон Куми Сан (33 года, выходец из города Танчена) проживал в Курске в доме № 16 по улице Луговой, примыкавшей к главному рынку города [1, л. 55 об.]. Некоторые корейцы, особенно те, которые были уроженцами одних мест, старались селиться рядом, как и в случае с сербами. Так, уроженцы города Саури Он Дзин Пак и Им Хва Дют проживали по одному адресу в городе Курске по улице Покровской, дом № 26, которая также выходила к рынку [1, л. 239 об., 295 об.].

Еще один корейский подданный Тянь Гон Ин (24 года, родом из Сеула) проживал по улице Красная Линия в доме № 11, которая также примыкала к рынку [1, л. 95 об.]. Более того, этот человек настолько ассимилировался, что после женитьбы взял фамилию жены и поменял имя на русское, став Владимиром Павловичем Аспидовым [1, л. 95 об.].

Некоторые прибывали в город Курск и другие города губернии путем централизованного распределения рабочей силы, которое существовало в рамках действовавшего Союза китайских рабочих в России. Именно так, в конце 1920 г. в Курск попал китайский чернорабочий Доу Чунь Ван, поселившийся недалеко от рынка по улице Первышевской дом № 11 [4, л. 91–93 об.].

Что касается китайских подданных, то в большинстве своем они были из северных районов Китая, находившихся до войны под протекцией Российской империи. Они, как и корейцы, трудились в качестве разнорабочих и старались селиться ближе к рынкам и вокзалам. Например, уроженец Пекина Ян Цин Шан, происходивший из семьи торговцев, проживал в пригородной Ямской слободе по улице Вокзальной в доме № 5, работая подсобником на железной дороге [5, л. 155 об.]. Однако были и азиаты, занятые на сельскохозяйственных работах, как например, Лю Ха Тим (рабочий из Харбина), проживавший в слободе Стрелецкой по улице Борзеновской дом № 48, работая при хозяйстве [5, л. 202 об.–203].

Подытоживая все приведенные выше сведения, хотелось бы отметить несколько моментов. Во-первых, иностранные подданные предпочитали жить в губернском центре или наиболее крупных уездных городах. Исключение составляют семьи беженцев, попавших сюда в годы Первой мировой войны. Во-вторых, основная масса иностранцев, проживавших в губернии в 1920-е гг., попала на ее территорию еще в

довоенный период, что говорит о терпимости со стороны местного населения к иностранцам, которая практически не изменилась и в начале 1920-х гг.

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-323. Оп. 3. Д. 5.
2. ГАКО. Ф. Р-323. Оп. 3. Д. 6.
3. ГАКО. Ф. Р-323. Оп. 3. Д. 13.
4. ГАКО. Ф. Р-323. Оп. 3. Д. 14.
5. ГАКО. Ф. Р-323. Оп. 3. Д. 17.

И. П. Бабин,
краевед, кандидат технических наук
М. М. Озеров,
краевед,
ведущий инженер Ростовского филиала ПАО «Ростелеком»

ИСТОРИЯ ОСНОВАНИЯ СЛОБОДЫ МЕДВЕНКИ

До недавнего времени (если не брать в расчет совершенно фантастические сведения, приводимые в статьях медвенских краеведов) считалось, что слобода была основана в первой четверти XVIII века.

Честь первооткрывателя архивных документов, уточняющих дату основания слободы, принадлежит историку Фёдору Иосифовичу Лаппо (1904–1986), посвятившему большую часть своей жизни изучению истории Курского края. Найденный им документ, относящийся к истории возникновения слободы Медвенки, к сожалению, нигде не был опубликован, но его копия, подтверждающая приоритет Ф. И. Лаппо, хранится в его личном фонде в Государственном архиве Курской области [1, д. 167, л. 1–4].

Этот документ – «Переписная книга дворцовых волостей Белгородской губернии 1765 г.». Оригинал его хранится в Москве в фондах Российского государственного архива древних актов. Ввиду большой исторической ценности для истории слободы Медвенки приведем его полностью, без сокращений: «В слободе Медвеном Колодезе по второй ревизии состояло 402 души мужеска полу, по поданным к нынешней третичной ревизии скасках на лицо 470 душ мужеска полу. А окроме оных, положенных в подушной оклад, кроющихся, беглых всякого звания людей и прописных в той слободе не имеетца. В доимке подушных денег и дворцовых доходов не имеется, а рекрутцких, драгунских и подъемных

лошадей и протчих поборов в той слободе, по-черкаскому обыкновению, и поныне не бывало.

Прошлаго ж 1714-го году декабря 8-го дня дано по указу ис Киевской губернской канцелярии под слободу Медвеной Колодезь ис Обоянской стрелецкой порозжей земли в урочищех на Медвеном Колодезе и за рекою Пслон тысяча четвертей, ис которой земли за рекою Пслон отдан в кортому¹ вперед на дватцет лет слободы Медвеного Колодезя бывшей в должности управителя атаман Иван Гречкин обоянской помещице титулярного советника Семена Бавыкина жене ево Анне за петьдесят рублей, в 759-м году мая 25-го дня, число четвертей сколько значит за рекою Пслон в урочищех Березовой и Мокрой верхней в писцовой города Обояни книге все без остатку со всеми угодьи, а черкасы слободы Медвеного Колодезя с 714-го году тою за рекою Пслон землею за спором и недопущением от обоянских стрельцов владения и по ныне не имели, а деньги куда употреблено не известно.

В той же слободе Медвеном Колодезе: церковь во имя Успения Пресвятыя Богородицы, бес приделов, деревянная, старая, близь Большой проезжающей Белгородской дороги, как едучи от Москвы по правую сторону, в ней иконостас и вся церковная утварь старая. Против ее колокольня рубленая, за ней колоколов три, вокруг церкви ограда плетневая.

Управительской двор, против церкви с правой стороны, от церкви и от московской дороги недолече. Под ним земли длиннику тринадцеть сажень без семи вершков. В нем строение: как взошед во двор с левой стороны от Москвы, близь варот, светлица с комнатою плостовая дубоваго лесу, сени рубленые; против светлицы изба черная, в сенцах чулан пластоваго ж лесу. То строение крито саломою, ветхое. В которой светлице, производятца и управительские дела, а под тем строением земли длиннику пять сажень дву аршин с половиною. С левой стороны избушка, под ней земли длиннику адин сажень адин аршин пять вершков, поперечнику адин сажень адин аршин шесть вершков, крита саломою без сеней. Против варот, позад черной избы, конюшня пластоваго лесу, ветхая. Под тою конюшнею земли длиннику адин сажень и адин аршин шесть вершков с половиною, поперечнику адин сажень и адин аршин с половиною. Крито саломою. Весь двор агарожен плетнем.

В той же слободе Медвеном Колодезе на Большой Московской дороге, едучи от Москвы на левой руке, за дорогою поселены черкасы, дворов до тритцети и более з давних лет, как значит по указу 714-го году еще в бытность осадчего Сумского слободского полку козака Василья Курскаго. А в писцовой обоянской городской книге писца Аврама Мантурова, прошлого 7199-го году, между протчим, написано: той порозжей стрелецкой земли от города Обояни и от реки Трубежа, Московскою дорогою до Медвеного Колодезя на левой руке, да за рекою

¹ Кортома – аренда (авт.)

Пслом тысяча четвертей, а на правой руке – обоянских казаков, токмо споров и прошения и по ныне от тех обоянских козаков, на которой поселены оные черкасы, о вышепоказанном поселении не было. Да во оных же обоянских писцовых книгах 7199-го да 163-го годов Аврама Мантурова да писца ж Бохтеяра Мякинина, между ж протчим же, написано: стрелецкая порозжая земля от Медвеного Колодезя и в гору по Медвеному Колодезю до курской межи, а от межи до Хатмишской вышней дороги налеве и Большой московской дороге стрелецкая порозжая земля, а направе обоянцов Агапа Картамышева с товарищи, а числа четвертей не написано. И оная земля тех Картамышевых во владении состоит распахана Медвеного Колодезя, в сей слободе черкас еще с поселения слобод, прошлого 1714-го году, а прошения и челобитья от разных однодворцов Картамышевых и по ныне никакова о той земле на черкас не было, и нынешне не имеетца» [9, ед. хр. 1577, л. 40–41].

В этом месте нам кажется целесообразным отвлечься от основного вопроса и рассказать о том, как шло заселение Обоянского уезда.

Земли, на которых в настоящее время располагается Медвенка, первоначально, ещё в 1651 году, были отмежеваны обоянским стрельцам и казакам, жившим в пригородных слободах [3, ед. хр. 328, л. 207–208].

В уцелевшей до наших дней Писцовой и межевой книге г. Обояни и Обоянского уезда 1691 г. писцов стольника А. Б. Мантурова и подьячего Г. Жеребцова упоминается, что под пахотные земли и сенные покосы обоянским стрельцам была отведена узкая полоса земли, шириной 1-1,5 км, лежащая с левой стороны дороги, ведущей из Обояни в Курск, от устья речки Трубеж до речки Медвеной Колодезь. Старая дорога из Обояни в Курск на подъезде к Медвеному Колодезю шла левее (примерно на 2 км) современной трассы. Единственным ориентиром в те времена была речка Медвеной Колодезь и озерцо на нем (нынешний большой пруд на территории поселка Медвенка). Стрелецкая земля лежала левее этого озерца [7, ед. хр. 326, л. 18–21 об.].

За Медвеным Колодезем располагались земли Подгородного стана Курского уезда.

Земли с правой стороны дороги, между дорогой и рекой Полной, были отмежеваны под пашни и сенные покосы жителям Казачьей слободы Обояни [7, ед. хр. 326, л. 10 об. – 12 об.].

Как свидетельствуют записи в Писцовой и межевой книге, земли стрельцам и казакам отмежевывались из расчета, что в Обояни будут служить 200 стрельцов и столько же казаков, но этого не случилось. По статистическим сведениям, за 1710 год на службе в Обояни числилось всего 19 стрельцов и 77 казаков [6, ед. хр. 75, л. 140-140 об.]. Из-за этого образовался излишек никем не используемой земли, называемой в то время «порозжей». По существующим в то время законам такая земля «отписывалась на государя», т. е. переходила в собственность царствующего семейства и управлялась Дворцовым приказом.

Основание слободы Медвенки по времени совпало с административно-территориальными реформами Петра I. В рамках этой реформы на юге России была образована огромная по территории Киевская губерния, просуществовавшая с 1708 по 1719 гг. Предположительно в 1712 г. в составе Киевской губернии была образована Обоянская провинция, просуществовавшая девять неполных лет (по 1720 г.). В состав провинции, помимо Обояни, входили Путивль, Яблонов, Суджа, Мирополье, Недригайлов со своими уездами и город Каменный [2, с. 79–85].

Черкасы, основавшие слободу Медвенку, были из последней волны массового переселения их с правобережной части Киевского воеводства Речи Посполитой, связанной с объявлением Петром I манифеста от 11 сентября 1711 г. с призывом ко всему «народу малороссийскому» переселяться в Россию.

Переселению предшествовала большая работа, проделываемая обычно «осадчим», по составлению списков желающих переселиться. Велась обширная переписка с различными начальствующими лицами по согласованию переселения, его срокам и местом поселения. Согласовывались условия дальнейшей жизни переселенцев, их социальный статус, обязанности и привилегии. После того, когда все вопросы были согласованы и переселенцы прибывали на территорию Российской империи, они должны были совершить обряд крестного целования на верность русскому царю. После этого они становились полноправными гражданами России, обязанными соблюдать существующие в ней законы.

Первое письменное упоминание о Медвенке обнаружено нами в Ревизских сказках 1719 г. о «подданных черкасах», живущих на помещичьих, архиерейских, монастырских и дворцовых землях Саженского и Коренского станов Белгородского уезда.

В этом документе слобода Медвенка упоминается как новопостроенная слобода Алексеевка: «1719 году августа в 11 день по присланному царского величества указу из Санкт Питербурха, каков прислан в концелярию Обоянской провинции новопостроенной слободы Алексеевки, что построена вновь в Медвеном Колодези, и приписана к государевым дворцовым волостям, атаман Дарофей Романов сказал: во оной слободе Алексеевке между черкас из великороссийских людей ни кто жительства не имеет. А черкасы в той слободе построясь произвольно, по своей черкасской обыкности, живут дворами, двесте дворов. И ис тех черкас житель Яков Васильев сын Шматок построил вновь одну мельницу. И та мельница не в оброке. Да за черкасы шеснатцать винниц, а сколько в тех винницах козанов, то явствует по книгам под именами. А пасек и рыбных ловель и других всяких оброчных статей и заводов и протчего в той слободе нет. А с той слободы и с козанов податей никаких они к государевым дворцовым волостям еще не плачевали, для того, что та

слобода поселена невдавне. А оною слободу накликав изсажевал Ахтырського полку козак Василей Курський. И ныне та слобода под ведением оного Курского» [4, ед. хр. 24, л. 168]. В этом же документе приведены переписные подворные листы новопостроенной черкасской слободы Алексеевки на Медвеном Колодезе, приписанной к государевым дворцовым волостям, из которых следует, что в 1719 г. в слободе насчитывалось 198 дворов, в которых проживало 667 человек мужского пола. В слободе насчитывалось 15 винниц¹ с 20 казанами [4, ед. хр. 24, л. 201–214].

В следующем по хронологии документе 1720 г.: «Именных подворных росписях украинского населения Обоянского уезда, живущего на землях русских помещиков (подданных черкас)», слобода также именуется как «слобода Алексеевка, что на Медвином Колодези». Согласно документу, в слободе насчитывалось 240 дворов, в которых проживало 894 человека мужского пола [5, ед. хр. 2348, л. 73–87].

В документе, озаглавленном «Подлинная выписка по сказкам подданных черкас города Обояни и Обоянского уезда Белогородской провинции Киевской губернии доли управителя Ивана Кононова, взятые в черкасских слободах у прикащиков и атаманов 1720 г.», содержатся дополнительные сведения о слободе Алексеевке, что на Медвеном Колодезе: «Оная слабода под ведением слабодки Писаревки сенатора и камор калегии президента князя Дмитрея Михайловича Галицына, у прикащика ево Василя Куртова². Церкви святага Николая Чюдотворца поп Яков – 1, церкви Успенья Пресвятыя Богородицы поп Антоний – 1 (у него детей – 3), той же церкви поп Федор – 1» [5, ед. хр. 284, л. 232]. И там же о том, что «... по скаске обоянца Давыдова, вышепомянутые черкасы, кроме слабоды Медвенова, живут на помещиковых купленных землях и пашут на помещиков и на себя. А слободы Медвенова черкасы пашенные³, а на какой земле живут, про то он не знает» [5, ед. хр. 284, л. 233–233 об.]. В другом источнике («Сказках и перечневых книгах выписки церковнослужителей г. Обояни и Обоянского уезда») того же 1720 г. уточняются сведения о священнослужителях Медвенских храмов: «В той слободе⁴ церковь Успение Пресвятыя Богородицы. У той церкви поп Антон, черкашенин, 30 лет. У него дети: Иван, 8; Григорей, 7; Яков, 3 лет. У той же церкви предельной поп Федор Иванов, 35 лет, черкасаго роду. Церковь во имя Николая. У той церкви поп Яков, черкасаго роду, 25 лет» [5, ед. хр. 2348, л. 74].

Весьма ценные сведения, уточняющие уже известные факты из истории слободы Медвенки, содержатся в документах дела «О завладении

¹ В начале этого же документа указана другая цифра: «16 винниц» (авт.).

² Полагаем, что при перенесении фамилии из документа в документ писцом была допущена ошибка: неправильно прочитана и записана фамилия приказчика. Считаем, что здесь речь идет о неоднократно упоминаемом осадчем Василии Курском (авт.).

³ Т. е. не служащие в слободских казацких полках (авт.).

⁴ Алексеевке (авт.).

земли во дворцовой слободе Медвеной Колодезь» 1767 г. Суть этого дела состояла в том, что в Обоянскую воеводскую канцелярию обратились однодворцы деревни Гридасово Василий Анисимович и Конон Иванович Картамышевы с жалобой на жителей слободы Медвеного Колодезя о том, что они якобы завладели их, Картамышевых, землей, которая была дана их предкам на сенные покосы из «порозжих» земель, смежных с землями обоянских стрельцов. Истцы ссылались на записи, содержащиеся в писцовой и межевой книге воеводы стольника Авраама Богдановича Мантурова и подьячего Григорья Жеребцова от 25 января 1692 г. Жители же слободы в подтверждение своего права на эти земли привели следующие аргументы: «... у них, Медвеной слободы жителей, во владении та земля состоит еще с прошлого 1714-го году по указу Киевской губернской канцелярии и оных Картамышевых с того, 1714-го году, как слобода селена, о той земле никакого челобитья и прошения не происходило...» [8, ед. хр. 383, л. 1–3]. По рассмотрению этого дела земли были оставлены во владении жителей слободы.

На основании приведенных выше выписок из архивных документов смеем предположить, что в 1714 г. в Киевскую губернскую канцелярию была направлена челобитная от группы черкас числом около 100 человек мужского пола, возглавляемой осадчим – казаком Сумского (по сведениям другого документа Ахтырского) слободского полка Василием Курским. В своей челобитной малороссияне просили позволить им переселиться с территорий, ранее принадлежавших Речи Посполитой, подданными которой они были до недавнего времени, в пределы Обоянской провинции, входившей в состав недавно созданной Киевской губернии.

Нам точно неизвестно, было ли место поселения выбрано самими переселенцами, или оно было указано им решением киевского губернатора князя Дмитрия Михайловича Голицына без учета мнения переселенцев. Несомненно, что в определении места поселения участие принимал В. И. Кафтырев, состоявший тогда ландратом Обоянской провинции.

Доподлинно известно только, что в декабре¹ 1714 г. в ответ на свою челобитную они получили указ с разрешением селиться в пределах Обоянской провинции в верховьях речки Медвеной Колодезь, близ проходящей из Курска в Обоянь дороги, с левой её стороны, если ехать из Курска в Обоянь, на порожних землях, отмежеванных ранее обоянским казакам и с правой стороны дороги, на порожних землях, отмежеванных ранее обоянским стрельцам.

Как это следует из документов, переселившимся в слободу малороссиянам, помимо перечисленных выше, были отмежеваны и другие порожние земли. Например, принадлежавшие ранее обоянским стрельцам, но также ими не освоенные земли за рекою Пслом, в урочищах Верх Березовый и Мокрый, но этой землей «за спором и недопущением от обоянских стрельцов» жители слободы Медвенки не пользовались.

¹ По свидетельству одного источника 8 декабря, другого – 1 декабря (авт.).

В 1759 г. атаманом Иваном Гречкиным эти земли за Пслом были сданы в аренду на 20 лет обоянской помещице, жене титулярного советника Семена Бавыкина «жене ево Анне» [9, ед. хр. 1577, л. 40–41]. Позже на этих землях была основана деревня Бавыкино.

Что касается даты основания слободы Медвенки, то, по нашему мнению, несмотря на приведенное выше упоминание о том, что слобода была «поселена в 1714 году», правильно было бы считать, что слобода была основана в 1715 г. При этом мы исходили из следующей логики:

первое – разрешение на поселение черкас было дано канцелярией Киевской губернии 1–8 декабря 1714 г., при пересчёте на новый стиль – 12–19 декабря;

второе – переселение в те времена обычно происходило в зимнюю пору или весной, по последнему снегу;

третье – переселенцам необходимо было какое-то время для того, чтобы собраться в дорогу. Да и сама дорога, в несколько сот километров, тоже занимала много времени.

Учитывая всё это, можно предположить, что переселенцы вряд ли бы успели перебраться на новое место жительства ранее января месяца 1715 г.

Новопоселенная слобода Алексеевка на Медвеном Колодезе по всем документам упоминается как относящаяся к государевым дворцовым волостям, однако, документов, свидетельствующих о передаче земель, отмежёванных под размещение слободы, Главной дворцовой канцелярии, разыскать не удалось. По каким-то не известным нам причинам новой слободой первое время управлял киевский губернатор князь Д. М. Голицын. Об этом свидетельствует запись в одном из документов о том, что слобода Алексеевка (Медвенка) находилась «...под ведением слабодки Писаревки сенатора и камор калегии президента князя Дмитрея Михайловича Галицына...».

Переселенцам, получившим новый статус дворцовых крестьян, всем поровну, были отмежеваны земли для размещения дворов, огородных мест и гумён. Целиком, на всю общину, были отмежеваны пахотные земли, сенные покосы, выгоны, строевой и дровяной лес, места рыбных ловель. Были определены обязанности новых жителей уезда по содержанию и ремонту дорог, мостов, гатей, переправ и др.

Малороссийским переселенцам на определённое время был дарован ряд привилегий: личная свобода, безоборочное владение землями, мельницами, рыбными ловлями и беспошлинное занятие разными промыслами и ремеслами, в том числе беспошлинные торговля, винокурение, занятие корчемством (содержание шинков и корчм), освобождение от взимания платы за мосты и переправы и др. Эти привилегии с экономической точки зрения ставили черкас-переселенцев в гораздо более выгодное положение, чем служилое русское население южных уездов.

Первые годы после своего основания слобода носила двойное название: Алексеевка и слобода Медвеного Колодезя. Названа слобода Алексеевкой, предположительно, была в честь младшего сына князя Дмитрия Голицына – Алексея Дмитриевича (хотя не исключены и другие варианты: в память о царе Алексее Михайловиче, или в честь царевича Алексея Петровича). В более поздних документах это селение упоминается уже как слобода Медвенский Колодезь, Медвеной Колодезь, Медвенское и Медвенка.

Новая слобода была населена малороссийскими переселенцами, принадлежавшими в бытность свою в Речи Посполитой к крестьянскому сословию и мещанам. Поселившись в слободе на землях, принадлежавших государю, они обрели новый статус, превратившись в дворцовых крестьян.

На какое-то время жителям слободы удалось сохранить собственную самобытность, например, самоуправление. В слободе избирались атаманы, исполнявшие административно-полицейские функции, большая часть из которых в скором времени была передана управляющим, назначаемым Главной дворцовой канцелярией.

Слобода росла, но её застройка с запада была ограничена дорогой, а с востока оврагом. К 1719 г. начала застраиваться и та часть земель, лежащих по правую сторону дороги, если ехать из Курска в Обоянь, которая ранее была отмежевана обоянским стрельцам. Речка Медвеной Колодезь по её течению выше моста была запружена и на запруде поставлена водяная мельница. В слободе к этому времени было уже две деревянных церкви: во имя святителя Николая Чудотворца и во имя Успенья Пресвятой Богородицы. Судьба Никольского храма слободы Медвенки нам, к сожалению, неизвестна. Он либо сгорел, либо разрушился от старости и более не возобновлялся. Смеем предположить, что располагаться он мог на месте современного кладбища посёлка Медвенки. Память о некогда существовавшем в слободе Никольском храме осталась в традиции проведения одной из ежегодных ярмарок в Николин день, отмечаемый 9/22 мая.

В Именных подворных росписях малороссийского населения Обоянского уезда, живущего в слободе Алексеевке в 1720 г. упоминаются следующие фамилии: Алейник, Логинов, Дубицин, Котляр, Даминской, Багаченко, Туренко, Патрыченко, Масков, Гончар, Гребенниченко, Живолупенко, Опрышка, Бесногов, Бирюк, Денека, Ревенко, Ткач, Заика, Лапатка, Мескач, Котарь, Гончаренко, Коломыченко, Саранчук, Журин, Камлык, Пихтенко, Кравченко, Щалаков, Лях, Сарбор, Левченко, Коваль, Злыденко, Дехтеренко, Балаченко, Княшка, Мороз, Иелев, Будников, Еловой, Молчан, Морозов, Тинянской, Шульга, Панченко, Колпак, Непейвода, Нога, Колтун, Непростый, Горбуленко, Суленко, Гречка, Сторош, Суглоб, Рыбалка, Колесниченко, Папуга, Резник, Кравец, Нешпаренко, Серой, Погорелой, Мерочник, Келенбет, Сухомлин, Макаренко, Токарь, Шматок и другие [5, ед. хр. 2348, л. 1–97].

К сожалению, нам не удалось обнаружить документа, в котором бы упоминалось, из каких мест упомянутые жители переселились в слободу.

В 1753 г. большая часть дворцовых крестьян была освобождена от барщинных и натуральных повинностей и переведена на денежный оброк по 80 коп. с души мужского пола. В 1758–62 гг. дворцовые крестьяне платили по 1 руб. 30 коп. с души мужского пола, а с 1783 – 3 руб.

В начале 80-х гг. XVIII века, рядом со слободой Медвенка, на левом берегу речки Медвенки, возникает «новопоселенная деревня Медвеной Колодезь». На этом месте сейчас расположены улицы Пролетарская и Парковая посёлка Медвенки. Новопоселённая деревня была основана на землях, ранее принадлежавших однодворцам села Рождественское Подгороднего стана Курского уезда.

Деревня с таким названием просуществовала недолго. Вскоре её стали называть селцом Новопоселённая Слободка. Ещё позже слободка была разбита на отдельные селца, принадлежавшие русским помещикам и населённые их крепостными крестьянами: Успенское, Тимофеевка, Давыдовка и Петровка. Эти названия, вскоре после отмены крепостного права, постепенно исчезают, а селца, за исключением деревни Петровки, сливаются со слободой Медвенкой.

С середины XIX века слобода Медвенка становится волостным центром Обоянского уезда.

С описываемых событий, когда вместе с осадчим Василием Курским пришли на медвенскую землю первые черкаские поселенцы, прошло более 300 лет. Некогда небольшая дворцовая черкаская слобода Медвенка превратилась за эти годы в процветающий районный административный центр Курской области. С чем мы её от всей души поздравляем!

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-30. Оп. 1. Д. 167.

2. Озеров М. М., Бабин И. П. Петровские административно-территориальные реформы в Обоянском крае // Обоянь и обоянцы в отечественной и зарубежной истории и культуре: Сб. материалов межрегион. науч. конф. (г. Обоянь, 21 апреля 2012 г.) / ред. сост. А.И. Раздорский. – Обоянь, 2013. – С. 79–85.

3. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 210. Оп. 12. Ед. хр. 328.

4. РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Ед. хр. 24.

5. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Ед. хр. 2348.

6. РГАДА. Ф. 396 . Оп. 3. Ед. хр. 6.

7. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 326.

8. РГАДА. Ф. 1239. Оп. 1. Ед. хр. 383.

9. РГАДА. Ф. 1239. Оп. 2. Ед. хр. 1577.

С. В. Безрядин,
*кандидат исторических наук, сотрудник
Воронежского института правительственной связи
(филиала) ФГКВОУ ВО «Академия Федеральной службы
охраны Российской Федерации»*

МОРСКИЕ ВРАЧИ В СРАЖЕНИЯХ РОССИЙСКОГО ИМПЕРАТОРСКОГО ФЛОТА

Архивные фонды Российского государственного архива Военно-Морского Флота (г. Санкт-Петербург) помогли установить участие врачей русского флота в боевых действиях на море.

Представители корпуса судовых врачей Российского Императорского флота по долгу службы принимали участие в многочисленных войнах на море. Они оставили об этом подробные свидетельства. Большой интерес представляет статья судового врача Франковского, служившего на героическом пароходе «Веста», отличившемся в русско-турецкую войну 1877–1878 гг. 11 июля 1877 г. вооруженный пароход «Веста» под командованием капитан-лейтенанта Н.М. Баранова в районе Констанцы вступил в бой с турецким броненосцем «Фетхи-Буленд», имевшим мощную броню и сильную артиллерию. Пять часов продолжался неравный поединок. Искусно маневрируя под огнем врага, русское судно било по палубе неприятельского корабля, где броня была слабее. Несмотря на повреждения и начавшийся пожар, «Веста» продолжала бой. Вскоре удачным попаданием русские артиллеристы вывели из строя башню броненосца. Затем на турецком корабле произошел взрыв. Турки были вынуждены прекратить преследование [3, с. 57]. На данный подвиг журнал «Морской сборник» откликнулся публикацией списка наиболее отличившихся в ходе боя парохода «Веста» нижних чинов флота [4, с. 63]. Вот перечень унтер-офицеров и матросов из состава экипажа парохода, получивших знак отличия георгиевского ордена: боцман Алексей Власов, боцманматы Давид Рубин, Максим Ефимов, Иван Клименко, матросы Михаил Шведков, Егор Тупицын, Влас Коршунов, Михаил Савин, Данил Якушевич и Капитон Черемисов. Затем в ноябре 1877 г. в журнале последовала ещё одна заметка, касающаяся героических моряков с парохода «Веста»: «...Сверх наград уже пожалованных команде парохода «Веста», Его Величество изволил разрешить всем офицерам и нижним чинам пожизненные пенсии; наемным машинистам и кочегарам – единовременную выдачу двойных окладов жалования, а волонтерам и наёмной прислуге – единовременные денежные выдачи. Семействам подполковника Чернова, лейтенанта Перелетина 5-го и прапорщика Яковлева – пенсию в размере, какой следовал бы самим убитым; сверх того, всем нижним чинам, волонтерам и наёмным машинистам, кочегарам и прислуге пожалованы знаки отличия военного ордена» [1, с. 1].

К императорским наградам следует добавить и поздравления Управляющего Морским министерством: «...Сердечно поздравляю офицеров и храбрую команду с Царской милостью». Впоследствии в честь подвига моряков «Весты» в Севастополе на Северной стороне воздвигнут памятник.

Судовой врач парохода «Веста» Франковский дает подробные сведения по составу экипажа корабля и полученным в ходе боя моряками ранениям: «Состав экипажа был следующий: матросов флотских экипажей – 108; офицеров – 13; гардемарин – 2; волонтеров на правах офицеров – 5; волонтеров на правах нижних чинов (машинная команда, прислуга кают-компаний и др.) – 19. Медицинский персонал, кроме меня, состоял из фельдшера и санитаров» [8, с. 111–112].

Однако события русско-японской войны 1904–1905 гг. нашли отражение только в августовском номере журнала «Морской врач» за 1905 г. в отчете судового врача В. Булатова с крейсера «Алмаз» о бое в Корейском проливе 14 мая 1905 г. Необходимо упомянуть и донесения флагманского врача 1-ой Тихоокеанской эскадры статского советника А.А. Бунге, написавшего о последних днях своего соединения кораблей, погибшего на рейде Порт-Артура. В январском номере журнала «Морской врач» в 1906 г. вышел отчет старшего судового врача Г.А. Макарова об участии в Цусимском бою на броненосце «Орел».

В целом же издание старалось в период войны придерживаться профессиональной направленности без какой-либо идеологии или хроники боевых действий.

Большую активность в научных исследованиях военно-морских врачей вызвала Первая мировая война. Еще накануне боевых действий в 1913 г. судовой врач доктор медицины, известный специалист по рациону питания морских команд, К.Н. Зиновьев представил для научной общественности авторский реферат «Употребление аэропланов для эвакуации раненых» [2, с. 212]. Самый плодовитый переводчик трудов зарубежных ученых, о чем речь пойдет ниже, младший судовой врач Н.И. Августовский в начале Первой мировой войны переводит с английского языка инструкцию о правилах по отношению к госпитальным судам на море. Наивный судовой врач не мог предположить, что скоро будет объявлена неограниченная морская война, в которой отменяют неприкосновенность госпитальных кораблей. В связи с боевыми действиями в 1915 г. младший судовой врач А.И. Антоновский публикует результаты своих опытов по созданию антисептической сыворотки. Старший судовой врач доктор медицины, изучавший раньше рекреационные ресурсы и писавший о вреде для нижних чинов ежедневной чарки, Е.К. Яблонский пытается разработать в том же году специальные приборы для пострадавших от действия отравляющих газов, судовой врач Я.К. Бабилов издает материалы о нервных расстройствах в ходе военных действий, а младший судовой врач Каспийской флотилии

Л.А. Юшкевич исследует эпидемию тифа в Персии, чтобы помочь воюющим на Кавказском фронте частям русской армии.

Только в ходе Первой мировой войны врачи флота решительно высказали собственную позицию по международным вопросам, связанную с незаконным потоплением госпитального судна «Вперед» на Черном море 25 июня 1916 г.: «...Враг еще раз открыто подтвердил перед миром, что принципы Красного Креста для него не существуют, что его единственное правило: отвергая законы войны, не признавать никаких соглашений, установленных цивилизованным миром, никаких гуманных норм, ограждающих мирных и безоружных граждан, что он наносит удары и несет смерть и делу человеческого милосердия, охраняемого христианским символом спасения и мира – Крестом» [7, с. 422].

Кстати, для демонстрации зверств немецких моряков военная пропаганда постоянно использовала иностранную прессу: «...Потопление госпитального судна «Portugal» вызвало чувство глубокого негодования во всех румынских кругах. «Journal des Balkans» говорит: «Турки и германцы только что совершили акт величайшей гнусности, потопив «Portugal», на котором явственно был изображен «Красный Крест». Как объясняют они это преступление, которому нет равных? Хладнокровно погубив сестер милосердия и раненых, они могут дать лишь одно объяснение: видя свое дело проигранным, они потеряли рассудок и ныне одержимы манией убийства. Современная эпоха произнесёт свой приговор и никогда германцам не удастся смыть кровь, которою они, подобно леди Макбет, запятнали свои руки» [5, с. 205]. Здесь же для большего пропагандистского эффекта приводится короткая телеграмма Николая II: «Глубоко возмущён. Непременно обнародовать повсюду о гибели госпитального судна «Португал»» [5, с. 207].

Данный случай потопления немецкой субмариной госпитального судна Черноморского флота «Португал» стал центральной темой журнала в разделе «Морская хроника» в мае 1916 г. [4, с. 72].

Именно случай с потоплением госпитального судна «Вперед» вызвал наибольший международный резонанс. Достаточно привести мнение, высказанное в журнале «Морской сборник»: «...В ответ на протест российского общества Красного Креста, посланный обществом Красного Креста всех стран по поводу потопления вражеской подводной лодкой нашего госпитального судна «Вперед», получены следующие сообщения.

Международный комитет Красного Креста в Женеве телеграфирует: «Выражаем вам глубокое сочувствие по случаю потопления «Вперед»». Центральный комитет германского Красного Креста телеграфирует: «Не имея возможности высказаться в данный момент об ответственности, германский Красный Крест спешит уверить русский Красный Крест в открытии тщательного расследования потопления судна «Вперед», от которого и будет зависеть ответ на телеграфный протест 1-го июля» [6, с. 145].

Можно сказать, что корабельная служба судовых врачей была проверкой накопленных знаний в полевых условиях. Одновременно она давала новый обширный аналитический материал для деятельности медицинской части русского флота. Существенным экзаменом для судовых врачей и богатым источником пополнения медицинских знаний стали многочисленные войны, которые вела Российская империя.

Источники и литература

1. Военные известия // Морской сборник. – Морская хроника. – 1877. – № 10. – С. 1 – 4.
2. Зиновьев К.Н. Употребление аэропланов для эвакуации раненых // Морской врач. – 1913. – № 4. – С. 212 – 217.
3. Краснознаменный Черноморский флот. – М.: Воениздат. – 1987. – 210 с.
4. Ливенцев Д.В. Военная пропаганда на русском флоте во второй половине XIX в. – Воронеж: Изд. НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2012. – 80 с.
5. Морская хроника // Морской сборник. Неофициальный отдел. – 1916. – № 5. – С. 205 – 207.
6. Морская хроника // Морской сборник. Неофициальный отдел. – 1916. – № 8. – С. 145 – 148.
7. Потопление госпитального судна «Вперед» // Морской врач. – 1916. – № 8. – С. 422 – 427.
8. Франковский. Описание боя, в медицинском отношении, парохода «Веста» // Морской врач. – 1879. – Вып. 19. – С. 111 – 117.

О. М. Беляева,

*кандидат исторических наук,
заведующий отделом научно-публикаторской и выставочной работы
Санкт-Петербургского ГКУ «Центральный государственный архив
историко-политических документов Санкт-Петербурга»*

БАЗЫ ГРУДНОГО МОЛОКА: К ВОПРОСУ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОТДЕЛА МАТЕРИНСТВА И МЛАДЕНЧЕСТВА В ЛЕНИНГРАДЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х ГОДОВ

Отдел охраны материнства и младенчества (далее – ОММ) начал функционировать с 1 января 1918 г. После создания Народного комиссариата здравоохранения отдел материнства и младенчества, а также существовавший до этого в составе Народного комиссариата просвещения школьный отдел, были объединены в Отдел охраны здоровья детей и подростков. В 1932 г. ВЦИК и СНК РСФСР принимают специальное Постановление о развитии ясельного обслуживания детей в городах и

промышленных центрах, МТС, совхозах, колхозах. Созданная к этому времени единая система охраны материнства и младенчества была вновь разделена на управление родовспоможением и ясельное управление. На первое возлагалось руководство женскими консультациями и родильными домами, на второе – руководство яслями, детскими консультациями, молочными кухнями, а также подготовка кадров и разработка типовых проектов строительства зданий для яслей [2, с. 13–72].

В фондах ЦГАИПД СПб отложились интересные документы, характеризующие работу ОММ в Ленинграде в первой половине 1930-х годов. Предметное рассмотрение документов позволяет проанализировать некоторые важные направления работы ОММ в городе в этот период, показать, как под его руководством функционировали сливные пункты грудного молока, какое значение имели в повседневной жизни горожан, и как вышестоящие органы власти регулировали их деятельность.

Первые сливные пункты грудного молока или базы, как их тогда еще называли, были организованы при ОММ в Ленинграде в 1932 г. Основная цель данного проекта заключалась в снижении детской смертности среди детей первого года жизни путем замены искусственных смесей грудным молоком.

Польза материнского молока широко освещалась в местной печати. В журнале «Гигиена и здоровье» отмечалось, что «грудное молоко имеет особые свойства, которые не только способствуют правильному развитию ребенка, но и передают ему стойкость к поносам, невосприимчивость к остроинфекционным заболеваниям» [3, с. 6]. Повседневная практика показывала, что дети, находившиеся на искусственном вскармливании, чаще страдали рахитом, малокровием, диатезом, среди них был выше процент детской смертности.

Донором грудного молока могла стать каждая кормящая женщина. После обследования специалистами женщине достаточно было получить справку от врача, удостоверявшую, что она, как и ее грудной ребенок, абсолютно здорова и действительно имеет «излишки» грудного молока. Как правило, женщин-доноров «вербовали» в родильных домах и женских консультациях «при выявлении у них избыточного количества грудного молока» [1, л. 72]. Есть также свидетельства о том, что для поиска доноров грудного молока привлекались местные СМИ [6].

Для повышения мотивации женщин-доноров было установлено материальное стимулирование. Так, в Ленинграде женщина-донор получала 8 рублей за литр сцеженного грудного молока [1, л. 72]. В целом месячный доход женщины-донора был сопоставим с заработной платой рабочих кадров того времени и варьировался в пределах 180–200 руб. Но были доноры, чей доход доходил до 240 руб. Иными словами, став донором грудного молока, женщина могла рассчитывать на получение гарантированного дохода, уровень которого во многом зависел от индивидуальных особенностей ее лактационных процессов.

Некоторые женщины мотивировали свое решение быть донорами бескорыстным желанием «помочь больным детям» [1, л. 72]. Однако на практике часто именно стремление получать собственный доход вынуждало женщин становиться донорами грудного молока. Случалось так, что кормящая женщина, боясь лишиться статуса «донор», прекращала кормить грудью собственного ребенка и уже с двух месяцев вводила ему ранний прикорм в виде каш, а все имевшееся у нее грудное молоко сдавала на сливном пункте. И, напротив, были женщины, которые, уже перестав кормить своего ребенка, старались искусственно поддерживать лактацию, чтобы сохранить за собой право оставаться донором [1, л. 72–73]. Среди женщин-доноров были как работницы, служащие, так и студентки, домохозяйки. Поэтому неудивительно, что для некоторых женщин донорство порой являлось «единственным видом заработка» [1, л. 72].

Приветствуя материальное стимулирование за сдачу грудного молока, женщины-доноры городского сливного пункта № 1, например, взяли на себя обязательство повысить нормы сдачи к 18 годовщине Октября [1, л. 73]. Однако такое, казалось бы, благородное намерение в духе передовиков производства не встретило поддержки партийного руководства и было расценено как «вульгарная пропаганда», «снижающая достоинство человека», с которой нужно «бороться» [1, л. 75].

Есть примеры, когда сами организаторы сливных пунктов открыто предлагали кормящим женщинам «заработать» на донорстве грудным молоком. Статья райздрави А. Важдасовой, напечатанная в июльском номере газеты «Ударник» за 1935 г., стала своего рода программным обращением ко всем кормящим матерям Кировского края (был образован в 1934 г. на части территории Вятской губернии). В статье прямо говорилось о том, что «развить функцию грудной железы и извлечь из этого для себя материальную выгоду может каждая здоровая женщина» [4]. А. Важдасова подчеркивала, что, «по имеющимся наблюдениям, 500–700–1000 грамм избытка грудного молока могут давать женщины средней молочности». Став донором сливного пункта при Котельническом доме матери и ребенка, женщина могла рассчитывать на получение 5 руб. за литр грудного молока «с выдачей премии <...> за каждые 10 литров молока 1 кг сахару, за каждые 20 литров дополнительно 1 кг сливочного масла». Благодаря донорству, как заключала райздрави А. Важдасова, «материальное положение многих женщин может быть значительно улучшено» [4].

Возможно, именно ставка на открытие нового сливного пункта в сжатые сроки и своевременное привлечение доноров подтолкнула автора статьи уделить так много внимания материальной стороне вопроса. Однако столь подробное описание особенностей женской лактации и открытый призыв «заработать» на донорстве обернулись неприятностями как для организаторов сливного пункта, так и для редактора газеты «Ударник».

Разгромную рецензию на статью А. Важдасовой написал сам заведующий отделом печати и издательств ЦК ВКП (б) Б. М. Таль.

Публикацию статьи в «Ударнике» Б. М. Таль расценил как «возмутительный факт», за который, по его мнению, следовало бы «снять редактора газеты с должности», а Кировскому крайкому предложить «усилить руководство районной печатью и контроль над ней» [1, л. 82–84].

Докладная записка Б. М. Талья была направлена в ЦК ВКП (б) секретарям – Л. М. Кагановичу, А. А. Жданову, Н. И. Ежову. Партийный аппарат, очевидно, поддержал требования отдела печати, так как уже в сентябре 1935 г. редактор «Ударника» И. В. Шалгин с объявлением строгого выговора был снят с занимаемой должности и его место занял Д. Ф. Кожевников [3, л. 81]. Кировский крайком, по поручению свыше, должен был заняться расследованием по этому делу и привлечь к ответственности организаторов сливного пункта [1, л. 81].

Как видим, хотя центральные и региональные власти в целом поддерживали функционирование и развитие социально значимых проектов, какими по существу являлись сливные пункты грудного молока, порой идеологические вопросы, выходя на передний план, заслоняли собой решение социальных вопросов, связанных, в данном случае, с детским здравоохранением.

Сбор грудного молока должен был осуществляться в специально оборудованных для этого помещениях с соблюдением всех санитарно-гигиенических норм. Сливные пункты грудного молока Ленинграда, охарактеризованные в статье Т. Барановской, чем-то напоминали работу лабораторий: сбор грудного молока производился в специально отведенных кабинетах, где «педантично соблюдается чистота». Каждая женщина-донор надевает специальный чистый халат и только после «тщательной мойки рук», под наблюдением сестры, женщина сцеживает молоко через стерильную воронку в стерильную бутылочку. Затем бутылочка закупоривается, еще раз стерилизуется и хранится на льду [3, с. 6].

В действительности далеко не во всех сливных пунктах Ленинграда соблюдались идеальная чистота и порядок. В ходе проверки, состоявшейся в ноябре 1935 г., было установлено следующее: «обстановка сливных пунктов совершенно неудовлетворительна. Маленькие комнатухи <...>, плохая мебель, совершенно непригодная для сцеживания молока. Бедность, антисанитария, бескультурье <...> выдаются грязные, рваные халаты <...> матери (перед сцеживанием – уточнение мое – О. Б.) пьют молоко из одного стакана». Кроме того, вопреки предписаниям инструкции, «некоторые сливные пункты преступно экономят средства и не выдают двух стаканов молока матери перед сцеживанием» [1, л. 73]. В целом руководство ОММ работой сливных пунктов было расценено как «неудовлетворительное», о чем заведующая отделом школ ЛК ВКП (б) Д. А. Лазуркина докладывала первому секретарю ЛОК и ЛГК ВКП (б) А. А. Жданову.

С целью устранить все имевшиеся недостатки в работе сливных пунктов Городской отдел здравоохранения получил от вышестоящих органов власти ряд указаний, которые необходимо было выполнить в десятидневный срок. Все базы грудного молока следовало обеспечить мягким инвентарем и мебелью. Надлежало позаботиться о том, чтобы все женщины-доноры получали установленные инструкцией нормы коровьего молока перед сцеживанием. В целях повышения покупательской способности населения рекомендовалось снизить оплату донорам и соответственно стоимость продажи молока за литр. Также Горздраву было рекомендовано более ответственно относиться к приему женщин в доноры [1, л. 75].

Грудное молоко, собранное на сливных пунктах Ленинграда, распределялось по домам малюток и больницам, что составляло $\frac{3}{4}$ от общего количества. Остальная часть молока строго по рецептам врача распространялась среди населения города [1, л. 72]. Получить молоко можно было на молочных кухнях, находившихся почти в каждом районе города.

Как сообщала газета «Правда», член английского парламента Джонс Фолинсон осенью 1934 года побывал в Ленинграде и среди прочих культурно-просветительских учреждений города посетил пункт № 13 охраны материнства и младенчества. Будучи весьма впечатлен организацией работы этого учреждения, Джонс Фолинсон оставил восторженный отзыв: «Молочная кухня на улице Скороходова 11/22 представилась мне как превосходно организованное, превосходно работающее учреждение. Из подобного рода учреждений я не видел ничего лучшего во всей Европе» [5]. По всей видимости, высокопоставленному лицу из Англии представили образцовое учреждение, которое, впрочем, пользовалось авторитетом и среди посещавших его работниц и домохозяек [5]. На других молочных кухнях местные жительницы города нередко сталкивались с разными проблемами, пытаясь получить полагающееся их детям молоко. По отзывам, которые поступали от них в редакцию «Правды», в Петроградском районе на Малом проспекте на пункте № 14, например, каждый день были «невероятные очереди», «стоять за молоком приходилось подчас на морозе, <...> с молоком всегда неурядицы: то так много его привезут, что выливать можно, то так мало, что часть детей вовсе без молока остается» [5].

Грудное молоко было дорогостоящим продуктом. Стоимость одного литра составляла 8 рублей. Затраты на приобретение грудного молока для одного младенца могли доходить до 120 рублей ежемесячно, то есть составляли примерно половину заработка рабочего. На бесплатное получение грудного молока могли рассчитывать только те женщины с грудным ребенком, чей доход на иждивенца был ниже 50 руб. [1, л. 73].

По ценам 1935 г. стоимость одного литра грудного молока в Ленинграде была сопоставима с рыночной ценой за 1 кг мяса. Так, например, на колхозных рынках, Кузнечном или Мальцевском, килограмм свинины стоил 12–13 руб., говядины – 9–10 руб., килограмм баранины можно было купить за 8–9 руб. [7].

Первоначально в Ленинграде насчитывалось всего 7 сливных пунктов. Общее количество грудного молока, собираемого на них, не превышало 2–3 десятка литров [1, л. 78]. Такое количество не могло обеспечить всех нуждающихся в нем малышей города. Для расширения сети сливных пунктов летом 1934 года Управление ОММ городского здравоохранения Ленинграда организовало конкурс на звание «Лучшего сливного пункта грудного молока» [1, л. 78]. Конкурс стал своего рода рекламной акцией, которая была призвана, с одной стороны, привлечь как можно больше женщин-добровольцев стать донорами грудного молока, а, с другой, была направлена на поддержание энтузиазма среди женщин-доноров на уже существовавших сливных пунктах.

О проведении самого конкурса, как и о его итогах, мало что известно. Однако сохранилось несколько интересных документов, которые дают возможность узнать о работе сливных пунктов непосредственно из уст самих женщин-доноров и позволяют в мельчайших деталях проиллюстрировать их деятельность.

Представленные на конкурс стенгазеты стали своеобразной визитной карточкой сливных пунктов. Стенгазета сливного пункта № 20 была оформлена довольно скромно и содержала только самую общую информацию. Она выполнена на холсте из плотного картона, а все необходимые комментарии сделаны черным и красным фломастерами. Центральное место стенгазеты, безусловно, заняли несколько фотоснимков, запечатлевших коллективный процесс сбора грудного молока. Эти фотографии позволяют разглядеть обстановку сливного пункта, убранство помещений, внешний вид женщин-доноров и медицинского персонала, и даже настроение всех тех, кто волею случая оказался в тот момент в фокусе фотообъектива.

Среди документов обнаружили также отпечатанные на печатной машинке стихи, которые, очевидно, были сложены специально в рамках проводившегося конкурса и явились результатом коллективной творческой самодеятельности. Стихи дают нам возможность понять, как сами женщины-доноры отзывались о своей работе на сливном пункте. Приведем некоторые выдержки из стихотворения:

В порядке улучшения
Работы О. Эм. Эм.
Дошли до разрешения
Различных мы проблем.
Упорством освоения

Достигли же того,
Что есть уж в обращении
Грудное молоко.

<...>

Для молока отдачи
Приходят на удой,
Иль, говоря иначе,
Идут на Пункт Сливной.

<...>

Для тех, кто не доношен,
По конституции слаб,
Иль болен, иль подброшен,
Есть наш Молокоснаб.
Обставлен он богато,
Ну, чуть ли не колхоз,
С прорешками халаты
Есть для грудных желез...

Как видим, в тексте стихотворения очень ярко, эмоционально, а местами и шутливо, охарактеризована специфика работы сливного пункта, обозначены конкретные цели и задачи общего женского дела по сбору грудного молока, указаны условия и способы реализации грудного молока, положительно оценена роль сливных пунктов в разрешении целого ряда проблем детского здравоохранения.

Благодаря конкурсу количество сливных пунктов стремительно возросло с 7 до 27 баз. Создание такой разветвленной сети сливных пунктов позволило, наконец, обеспечить нуждающихся детей города грудным молоком в полном объеме. Теперь на 27 базах грудного молока ежедневно собиралось до 150 литров молока, что являлось «рекордным количеством в мире» [1, л. 78]. Высокие показатели общего количества грудного молока позволили Ленинграду выйти на первое место среди других городов СССР. Городской отдел здравоохранения Ленинграда давал самую высокую оценку деятельности сливных пунктов грудного молока как «начинанию», имевшему «большое значение в деле разрешения проблемы искусственного вскармливания во всем СОЮЗЕ» [1, л. 78].

Вскоре из-за отсутствия финансирования сливные пункты Ленинграда оказались под угрозой закрытия. Если раньше базы грудного молока содержались за счет специальных средств, поступавших от молочных кухонь, то с введением единой цены на молоко спецсредства поступать перестали [1, л. 78]. Для продолжения работы сливных пунктов

необходимо было перевести все имеющиеся базы на бюджетные средства. Теперь судьба сливных пунктов всецело зависела от помощи города и государства.

С целью получения дотации начальник управления ОММ Ленгорздрава осенью 1935 г. специально ездила в Москву, однако Народный комиссариат здравоохранения в выделении дотации на содержание сливных пунктов отказал [1, л. 78].

Организация сливных пунктов грудного молока в Ленинграде, инициированная ОММ, оказалась социально значимым проектом. С одной стороны, донорское грудное молоко широко использовалось для решения проблем детского здравоохранения, обеспечивая питанием нуждавшихся в нем грудных детей, заменяя смеси натуральным продуктом. С другой стороны, создание сливных пунктов грудного молока предоставляло своеобразную форму занятости кормящим женщинам с выплатой гарантированного гонорара, бывшего для некоторых из них единственным видом дохода и, следовательно, источником существования. Однако в связи с отсутствием финансирования и сложной социально-экономической ситуацией в стране функционирование сливных пунктов грудного молока было значительно затруднено и, в конечном счете, они оказались на грани закрытия.

Источники и литература

1. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1002.
2. Авдеев А. Младенческая смертность и история охраны материнства и детства в России и СССР // Историческая демография: Сб. статей / Под ред. Денисенко М.Б., Троицкой И.А. – М., МАКС Пресс, 2008. – Вып. 14. – С. 13–72.
3. Барановская Т. Материнское молоко // Гигиена и здоровье. – 1932. – №12. – С. 6.
4. Важдаева А. Воспитание детей – почетная задача // Ударник. – 1935. – 8 июля.
5. Головин Д. Молочная кухня для детей // Правда. – 1935. – 9 февраля.
6. Объявление об организации сливного пункта при Котельническом доме матери и ребенка // Ударник. – 1935. – 8 июля.
7. Снижение цен на колхозных рынках // Смена. – 1935. – 2 октября.

С. В. Богданов,
*доктор исторических наук,
профессор кафедры административного права и процесса
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный
исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»)*

**МОТИВАЦИЯ АКТИВНОГО КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМА НА
ТЕРРИТОРИИ ЮЖНЫХ И ЮГО-ВОСТОЧНЫХ РАЙОНОВ
КУРСКОЙ ОБЛАСТИ, 1941-1943 гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВНО-
СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЛ УКГБ СССР ПО
БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Последнее десятилетие развития российской историографии Великой Отечественной войны характеризуется значительным ростом интереса к вопросам коллаборационизма. Проблематика данных работ различна и по кругу рассматриваемых вопросов, и по географическому охвату. Не остались без внимания проблемы перехода отдельных советских граждан на сторону нацистской Германии в период временной оккупации Курской области.

Среди курских специалистов, которые с середины 1990-х гг. начали активно разрабатывать данные «белые пятна» отечественной истории можно назвать С. А. Никифорова, А. В. Шевелева, В. В. Коровина, А. Р. Бормотову [11, 16, 9, 8].

Однако данные исследования преимущественно базировались на материалах собственно города Курска, отдельных архивных материалах 4-го Управления НКВД по Курской области. После выделения в 1954 г. Белгородской области из состава Курской области все уголовные дела по обвинению советских граждан, сотрудничавших с немецкими оккупационными властями, оказались подведомственными Управлению КГБ СССР по Белгородской области. Реконструировать причины измены Родине, на которую пошли отдельные советские граждане в период временной оккупации германскими войсками Курской области, представляется возможным только при знакомстве с материалами соответствующих архивно-уголовных дел.

Настоящая статья основывается на материалах рассекреченных архивно-уголовных дел бывших активных пособников немецких оккупантов и их союзников, расследованных следователями государственной безопасности в отношении лиц, перешедших на сторону нацистской Германии в период оккупации юго-восточных районов Курской области.

Так, в докладной записке УНКГБ и УНКВД по г. Москве и Московской области № 1/344, подготовленной на имя заместителя наркома внутренних дел СССР В. С. Абакумова о положении в г. Москве в связи с началом войны 24 июня 1941 г., были представлены различные настроения

советских людей по поводу нападения фашистской Германии на Советский Союз.

Наряду с преобладающими патриотическими настроениями в широких народных массах органы государственной безопасности фиксировали и определенные негативные, а также пораженческие настроения среди отдельных советских граждан [12, с. 70].

Это был своеобразный микросрез советского общества, в котором в предвоенное десятилетие были не только те, кто с одобрением относились к сталинскому курсу строительства социализма в одной отдельно взятой стране, но и те, кто оказались жертвами скоропалительного свертывания нэпа, раскулачивания в ходе коллективизации, лишенными избирательных прав, депортированными и пр. [15, 10, 13, 14]

Как показали последующие события, данные социальные слои, отдельные советские граждане и составили питательную среду для активного сотрудничества с немецкими оккупационными властями.

При анализе явления коллаборационизма на территории СССР в 1941–1944 гг. следует четко от форм вынужденного, а в некоторых случаях и добровольного сотрудничества с немецкими оккупационными властями, отделять службу отдельных советских граждан в немецкой армии, жандармерии, зондеркомандах, вспомогательных полицейских подразделениях. Сюда же необходимо добавить агентуру немецких оккупантов и их пособников, выслеживавшую партизан, участников подполья, советских патриотов, бывших советских руководителей местного масштаба, антифашистки настроенных граждан.

На протяжении довольно продолжительного периода в СССР существовало и тиражировалось официальной пропагандой весьма упрощенное представление о мотивации активного пособничества немецким оккупантам в 1941–1944 гг.

В качестве одного из довольно типичных примеров воспользуемся мемуарами бывшего начальника штаба брянской партизанской бригады им. Щорса В. А. Андреева, который отмечал: «Нас, участников партизанской борьбы до глубины возмущало то, что среди русских людей находились отщепенцы, которые шли на немецкую службу. Они вербовались из числа забулдыг, преступников или кулацких отпрысков. Отыщут, бывало, гитлеровцы такого проходимца, назовут его полицейским, вручат ему бумагу с фашистским орлом и свастикой, дадут винтовку с одним-двумя патронами, и заново испеченный служака начинает властвовать» [7, с. 131].

Данный подход на протяжении 1945–1990 гг. в различных формах тиражировался в советском обществе, начиная от популярных телесериалов и заканчивая многотомными научными изданиями. Однако для сегодняшнего российского общества данный подход уже давно превратился в анахронизм, который совершенно не способен ответить на вопрос, какие мотивы подталкивали граждан к измене Родине.

Информационной базой для проведения настоящего исследования послужили материалы архивно-уголовных дел, расследованных сотрудниками Управления КГБ СССР по Белгородской области в послевоенный период в отношении советских граждан, обвиненных в сотрудничестве с немецкими захватчиками.

Активная работа правоохранительных органов по выявлению и задержанию бывших пособников оккупантов на территории Курской области (Белгородская область была выделена из состава Курской области в 1954 г.) началась сразу же после изгнания немецких оккупантов. В справке, подготовленной Управлением НКГБ по Курской области о проделанной работе по состоянию на 1 октября 1943 г. была представлена следующая информация. Всего было арестовано 13 552 человека, в т. ч. 381 агент немецких спецслужб, действовавший на территории области в период ее оккупации, 12898 активных пособников фашистской Германии и бывших полицейских [6, л. 61].

В процессе расследования каждого уголовного дела накапливалась различная документация: протоколы допросов обвиняемых, свидетельских показаний, очных ставок, всевозможные экспертизы, трофейные документы, архивные материалы, справки и пр.

Наряду с выяснением многочисленных обстоятельств преступной деятельности подследственного в период немецкой оккупации Курской области в 1941-1943 гг. следователи госбезопасности также выясняли причины и обстоятельства, которые способствовали переходу конкретного гражданина на сторону нацистской Германии.

Обобщим наиболее часто встречающиеся мотивы поступления отдельных советских граждан на службу к немецким оккупационным властям.

1. Страх наказания за дезертирство из рядов Красной Армии. Этот мотив довольно часто упоминается многими фигурантами уголовных дел по обвинению в измене Родине. Это, как правило, бывшие работники городских и районных полицейских органов, созданных немецкими оккупационными властями при содействии коллаборационистских органов гражданского управления.

Материалы архивно-уголовного дела в отношении одного из активных пособников немецких оккупантов в г. Валуйки (одного из районов Курской области) Капустина, впоследствии арестованного органами государственной безопасности, позволяют реконструировать первые шаги будущих руководителей Валуйской полиции – Салосина, Чернокалова и самого Капустина.

Капустин в сентябре месяце 1941 г., будучи призван в Красную Армию, с командой был направлен в часть. По пути к месту прохождения военной службы, Капустин, по договоренности со своими односельчанами, также призванным в армию, Солосиным Д., Чернокаловым В. и Трегубовым В., из команды дезертировали и, скрываясь от органов

советской власти, организовали банду и под руководством Салосина, совершили ряд грабежей и убийств советского, партийного актива.

В мае 1942 г. контрразведкой 21 армии Капустин был арестован, но 15 июня 1942 г. из-под стражи бежал, и скрывался в Валуйском районе до временной его оккупации немецкими войсками. В июле 1942 г. поступил на службу вначале заместителем начальника Валуйской тюрьмы по хозяйственной части, а затем полицейским Валуйской райполиции [2, л. 299–300].

2. Желание спастись от голода, приспособиться или сделать карьеру при новой власти. Среди данной категории довольно часто встречались служащие городских управ, магистратур.

3. Реализация собственных преступных наклонностей.

Деятельность бывшего начальника Валуйской полиции Салосина убедительно свидетельствует о его преступной сущности. Один из таких эпизодов рассказал во время допроса бывший следователь Валуйской полиции Курчевский: «Первые задания я получил от Салосина – делать обыск у гражданина, проживающего вверх от тюрьмы по той же улице. Этот гражданин держал чайную, обыск делался, очевидно, с целью грабежа. Я об этом сужу потому, что, когда я с двумя-тремя полицейскими делал обыск, то мы откладывали ценные вещи. Но забирать мы ничего не стали, а затем в тот же дом пошел Салосин. Впоследствии я на нем видел плащ, ранее принадлежавший этому гражданину» [1, л. 91].

3. Месть. В отдельных архивно-уголовных делах обвиняемые в качестве основной причины поступления на службу гитлеровской Германии указывают на свое желание отомстить за действия советской власти, отдельных должностных лиц в отношении своих родных, близких, иногда себя лично.

В качестве одного из примеров приведем выдержки из протокола допроса старшим оперуполномоченным ОКР «СМЕРШ» 84 РАБ капитаном Нелюбовым Мирошниченко Павла Петровича, 1914 года рождения, который направил на имя начальника Особого Отдела воинской части п/п № 22685 письмо от 22 марта 1945 г., в котором раскрывалось прошлое своего сослуживца, активно сотрудничавшего в период оккупации с местной полицией, Николаева Б. М.

Мирошниченко знал Николаева с 15 января 1942 г. по совместной работе на электростанции в г. Белгороде. «Николаева могу охарактеризовать, как антисоветского человека, ярко настроенного против советской власти. В своих высказываниях, в беседе со мной Николаев говорил, что как только немцы дойдут до Волги, я поеду в свое село и отберу свое хозяйство и мельницу, которое у меня было изъято в период раскулачивания, брат мой уже отомстил и за себя, и за меня, избив до полусмерти председателя сельсовета» [4, л. 72].

Еще один из очень красноречивых примеров мотива ненависти к советской власти и желания отомстить был выявлен в протоколе допроса

бывшего начальника полиции одного из районных центров Курской (в последующем Белгородской) области. Начальник Старооскольской городской полиции Петров Нестор Арефьевич, 1905 года рождения, уроженец станицы Луга Ворошиловградской области, украинец, гражданин СССР, сын бывшего кулака, грамотный.

Петров был арестован 4 февраля 1946 г. и приговором Военного Трибунала войск МВД Курской области от 22 ноября 1946 г. по ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. осужден и приговорен к высшей мере наказания. Приговор был утвержден всеми инстанциями.

Приведем отрывок из показаний Петрова во время его допроса от 15 июля 1946 г., который довольно подробно раскрывает мотивацию своей преступной деятельности.

«По социальному происхождению я сын крестьянина, бывшего кулака. Я и мои братья росли в семье враждебно встретивших Октябрьскую революцию и установление советской власти, в результате братья мои в те годы в рядах белогвардейцев участвовали в вооруженной борьбе против советской власти.

Последующие репрессии, проводимые против моих родственников и лично меня, обостряли мои антисоветские взгляды. Однако, чувствуя свое бессилие в проведении какой-либо антисоветской работы, я вынужден был маскироваться и приспосабливаться, вынашивая в себе всю злобу и ненависть к советской власти. Нападение Германии на СССР я встретил с восторгом и злорадствовал по поводу первоначальных успехов немецкой армии. Я считал, что наконец-то советская власть немцами будет свергнута и будет опять восстановлен капиталистический строй, где «мы – пострадавшие от советской власти» будем пользоваться почетом и уважением» [3, л. 120].

Еще один из примеров мести за своих близких. Из протокола допроса бывшего помощника начальника полиции города Белгорода Г. Федоровского от 13 февраля 1959 г.: «Мои родители: отец – Федоровский Илларион Артамонович; мать – Федоровская Елена Захаровна в прошлом проживали в Белгороде, Харькове и Славянске. Отец умер в 1928 г., мать – в 1931 г., родители проживали примерно с 1918 г. Они владели горшечной и сенной лавками. В 1922 или в 1923 году, а возможно и позднее у отца за неуплату налогов был конфискован дом. Тогда же отец и мать лишились избирательных прав. При поступлении в полицию я руководствовался мотивом. Я думал, что немцы обосновались здесь окончательно, что советской власти здесь больше не будет. Меня вполне устраивал режим, установленный немецкими оккупационными властями» [5, л. 29–36].

Итак, мотивация перехода на сторону нацистской Германии отдельных советских граждан в годы Великой Отечественной войны была разнообразной. Однако можно обнаружить одну закономерность –

немецкие оккупационные власти на руководящие должности в коллаборационистские органы власти на территории Курской области подбирали лиц, которые могли их убедить в своем искреннем желании бороться против советской власти, а также верой и правдой служить германскому «новому порядку».

Источники и литература

3. Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Белгородской области (далее – АУФСБ РФ по Белгор. обл.). АУД № 13132. Т. 2.

4. АУФСБ РФ по Белгор. обл. АУД № 13132. Т. 4.

6. АУФСБ РФ по Белгор. обл. Ф. 12. АУД № 11183. Т. 1.

5. АУФСБ РФ по Белгор. обл. Ф. 12. АУД № 11183. Т. 8.

7. АУФСБ РФ по Белгор. обл. Ф. 13. АУД № 9736. Т. 1.

2. Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Курской области (АУФСБ РФ по Курск. обл.). Ф. 10. Оп. 1. Д. 5 (1945).

1. Андреев В. Народная война. – М.: Художественная литература, 1949. – 264 с.

8. Бормотова А.Р. Основные особенности развития печати в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (По материалам Курской области) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. – 2010. – № 1 (72). Т. 13. – С. 183–190.

9. Коровин В.В. Организация сопротивления в тылу немецко-фашистских войск на территории областей Центрального Черноземья в годы Великой Отечественной войны: дис. ... д-ра ист. наук. – Курск, 2008. – 633 с.

10. Напсо Н.Т. Северокавказские воинские формирования в германских вооруженных силах (1941–1945 гг.) // Казанская наука. – 2010. № 8. – С. 95–99.

11. Никифоров С.А. Политика оккупационных властей на территории Курской области в 1941–1943 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – Курск, 2003. – 253 с.

12. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. документов. Т. 2. Кн. 1. – М.: Русь, 2000. – 724 с.

13. Ратушняк О.В. Участие казачества во Второй мировой войне на стороне Германии // Теория и практика общественного развития. Исторические науки. – 2013. – № 3. – С.125–129.

14. Синицын Ф.Л. Депортации народов как фактор дестабилизации этнической ситуации в Поволжском, Кавказском и Крымском регионах СССР (1941-1944 гг.) // Информационная безопасность регионов. Научно-практический журнал. – 2011. – № 2 (9). – С.137–143.

15. Футорянский Л.И. Казачьи части на фронтах Второй мировой войны // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2005. – № 9. – С. 4–7.

16. Шевелев А.В. Разведывательные, полицейские и пропагандистские формирования оккупационных властей на территории Курской области в годы Великой Отечественной войны: дис. ... канд. ист. наук. – Курск, 2004. – 211 с.

М. В. Вольский,
*аспирант кафедры гуманитарных дисциплин,
гражданского и уголовного права
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный аграрный университет
имени императора Петра I»*

СОСТОЯНИЕ КАДРОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ТЮРЕМНОЙ СЛУЖБЫ В КОНЦЕ XIX ВЕКА

Особое место в изучении истории российской тюремной системы занимает анализ развития ее кадровых и управленческих структур.

Стремясь проанализировать указанную систему, ее особенности и развитие в конце XIX в. в Российской империи, важно отметить, что в качестве важнейшего условия реализации правоохранительной политики в сфере исполнения наказания царское правительство видело совершенствование управления местами заключения и их кадровое обеспечение.

Данное направление реформирования уголовно-исполнительной системы ярко прослеживается в создании новых структурных подразделений – института тюремных инспекторов в центральном аппарате и губернских тюремных инспекций.

Ряд современных исследователей обращает внимание на тот факт, что осуществление реформирования тюремной кадровой структуры руководство тюремного ведомства в конце XIX – начале XX вв. в Российской империи связывало с необходимостью совершенствования работы по подбору, профессиональной подготовке, социальной защите и стимулированию кадров [7, с. 11].

Важно отметить, что усложнение задач и функций тюрьмы выразилось в увеличении численности тюремного персонала и повышении требований, предъявляемых к кандидатам на тюремные должности. При этом особые требования к подготовке тюремных кадров в наибольшей степени применялись к надзирательскому составу мест заключения.

Однако в том состоянии, в котором находилась тюрьма в дореформенный период, она не смогла бы обеспечить должного решения поставленных перед ней задач. Выполнение таких задач осложнилось

«полною дезорганизациею и безусловной неудовлетворительностью современного тюремного дела в Империи и совершенным отсутствием на местах органов, способных прийти в этом отношении на помощь центральному установлению» [4, л. 166].

Между центральным органом управления местами заключения – Департаментом полиции исполнительной и местными органами – Губернскими правлениями и Тюремными комитетами Общества попечительного о тюрьмах не было постоянной связи. Инспекция тюремных учреждений практически не осуществлялась.

В записке начальника Главного тюремного управления, М. Н. Галкина-Враского, содержащей оценку дореформенной управленческой деятельности, говорится, в частности: «...до настоящего времени между местными учреждениями тюремного управления и центральным органом не было постоянной и неразрывной связи, которая давала бы органу возможность следить за правильностью действий подчиненных ему учреждений» [1, л. 11].

Говоря об истории вопроса о формировании единой управленческой структуры тюремной системы необходимо вспомнить также и создание Министерства внутренних дел в России в ходе государственных реформ, провозглашенных Манифестом от 8 сентября 1802 г.

Среди особых задач данного министерства, а именно четвертой экспедиции Департамента внутренних дел – Канцелярии министерства было закреплено именно управление местами заключения. При этом второе отделение данной экспедиции осуществляло надзор за состоянием тюрем, больниц, богаделен, рабочих домов, заботилось «об их лучшем устройстве».

Через губернаторов осуществлялся административно-полицейский контроль на территории всей страны.

Со временем, по мере того, как шло развитие экономической и общественной жизни России, увеличение численности населения страны, менялись и функции Министерства внутренних дел. Оно становилось все более многофункциональным ведомством в системе органов центрального управления Российской империи.

С 1865 г. прерогативы в отношении смиренных и рабочих домов были переданы второму отделению Департамента полиции исполнительной. Канцелярии полиции, кроме прочего, занимались делами по определению и увольнению чиновников департаментов и подведомственных им мест.

Важным шагом по пути преобразования тюремной системы и ее кадрового аппарата стала начавшаяся в 1879 г. тюремная реформа, в результате которой, в частности, было образовано Главное тюремное управление – ГТУ, ставшее центральным органом управления всей тюремной системы Российской империи. Кроме того, следующим важным

шагом по пути реформирования тюремной системы была передача ГТУ в 1895 г. из МВД в ведение Министерства юстиции Российской империи.

Таким образом, в организационно-штатном плане наиболее крупным результатом тюремной реформы стало формирование так называемой трехзвенной системы управления тюремными учреждениями.

Центральным органом этой системы стало образованное в 1879 г. Главное тюремное управление – ГТУ, ставшее высшей контролирующей и распорядительной инстанцией, осуществляющей непосредственное руководство подчиненными местными органами тюремного ведомства через Тюремную инспекцию и Совет по тюремным делам.

Главное тюремное управление действовало, в том числе, через систему издаваемых циркуляров, которые направлялись в адрес губернаторов. В частности, в них затрагивались вопросы режима и охраны арестованных и осужденных, вопросы их быта и жизни, вопросы прохождения службы тюремного персонала и др.

Анализируя историю деятельности Правительства Российской империи по реформированию тюремной системы и ее кадрового аппарата, необходимо отметить создание в составе Главного тюремного управления – Тюремной инспекции, на которую возлагались обязанности осуществления ревизий местных тюремных учреждений, руководство их деятельности, а также разработка законодательных предложений.

Другим важным органом по реализации карательной политики государства, усиления контрольных функций, совершенствования управления местами заключения становился такой коллегиальный орган как Совет по тюремным делам. В его состав Императорским указом вводились лица высшего эшелона власти, представляющие различные ведомства.

По замыслу учредителей Совета по тюремным делам на его обсуждение, по усмотрению Министра юстиции, могли выноситься проекты смет доходов и расходов; вопросы тюремного устройства, пересылки арестантов, исправления заключенных, управления и отчетности и другие, имеющие важное значение для системы мест заключения.

На уровне губерний управление местами заключения гражданского ведомства высшая власть принадлежала губернаторам, начальникам областей и градоначальникам. Им вменялось в обязанность наблюдение за благоустройством мест заключения, а также контроль за исполнением всех постановлений правительства о порядке содержания заключенных.

В том числе губернаторам предоставлялось право назначения, перемещения и увольнения от должности начальников тюрем и их помощников, состоящих в должностях от XIV до VII класса включительно. Законом от 31 марта 1890 г. для местного заведывания тюремной частью были учреждены в некоторых местностях губернские тюремные инспекции.

Так, за период с 1890 по 1896 гг. такие инспекции были созданы в двадцати четырех губерниях [3, л. 1].

Губернский тюремный инспектор становился фактически главой местного тюремного управления. Именно на тюремных инспекторов возлагалась задача проведения тюремных преобразований на местах, где им были подведомственны все места заключения как общеуголовные, так и политические.

Как отмечает М. Г. Детков, губернская тюремная инспекция являлась «совершенно новым структурным звеном, не имеющим аналогов в зарубежной пенитенциарной практике, на которую возлагались обязанности разработки проектов законодательных актов, проведение ревизий местных тюремных учреждений, руководство их деятельностью» [5, с. 59].

Губернские тюремные инспекторы и их помощники назначались Главным тюремным управлением. При этом согласия губернаторов на такое назначение не требовалось.

Анализ кадровой структуры низового звена тюремной системы Российской империи показывает, что на протяжении длительного периода времени деятельность тюрем определялась произволом местных властей. Губернские правления глубоко не вникали в содержание работы их администрации, круг своих обязанностей ограничивали, главным образом, назначением смотрителей тюрем, контролем за обеспечением изоляции преступников, предотвращением их побегов. В официальных документах комиссии по тюремному преобразованию прямо говорится о цели этого вида наказания: «...правительство имело в виду возмездие за сделанное зло и ограждение общества от новых преступлений» [2, с. 77].

Как правило, смотрителями тюрем являлись чины полицейского ведомства либо бывшие военные.

С учетом этого были приняты некоторые меры по упорядочению управления тюрьмами. В частности, Законом от 15 июня 1887 г. к органам управления отдельных мест заключения также были отнесены начальники тюрем и их помощники, смотрители, состоящие при местах заключения священники, врачи.

Благодаря проведенным изменениям удалось понизить процентное соотношение заключенных и надзирателей: если до 1887 г. один надзиратель приходился в среднем на 14 заключенных, то после реформы на одного надзирателя приходилось уже 10 арестантов.

Средний годовой оклад чинов управления повысился с 437 руб. до 616 руб., а средний годовой оклад надзирателя с 150 руб. до 170 руб., причем обмундирование надзирателей стало казенным [6, с. 123].

В результате этого преобразования удалось вывести тюремных надзирателей из зависимости от тюремной общины, и стало невозможным такое положение в тюрьме, когда «надзиратель в арестантском халате с бубновым тузом на спине и шашкою через плечо – а подобный случай был

усмотрен при одной из ревизий – в добавок, пользующийся в виде подачи остатками пищи из арестантского котла – мог быть только покорным слугою арестантов» [6, с. 134].

В указываемый период предусматривалось несколько категорий надзирателей. В обязанности «наружного» надзирателя входило «охранение тюрем от передачи и переговоров через окна». «Выводные» надзиратели сопровождали арестантов во время прогулок, мытья в бане, обучения в школе и т. д. «Хозяйственные» надзиратели должны были наблюдать за арестантами во время производства работ в мастерских, на кухне, в прачечной и т. д., причем для облегчения надзора все эти помещения должны быть по возможности запертыми.

«Запасные» надзиратели предусматривались в соотношении один «запасной» к восьми младшим надзирателям, и они заменяли действующих надзирателей в необходимых случаях. В крупных местах заключения вводился в штат тюрьмы «дежурный по конторе надзиратель», который обязан был сопровождать арестантов из камеры в контору и вести их обратно, когда последние требовались по каким-либо поводам начальству.

Особо говорилось о надзирательницах при женских отделениях тюрем. «Надзирательницы весь день должны были находиться при арестантках, а ночью, при запоре камер, одна надзирательница должна оставаться ночевать при женском отделении; если же последнее невозможно, то наблюдение за женским отделением ночью возлагается на одного из мужских надзирательских постов без передачи, однако, таковому ключа от запертых арестантских камер» [6, с. 135].

При этом, на низовом уровне непосредственное управление местами заключения осуществляла тюремная администрация. Законом от 15 июня 1887 г. к органам управления отдельных мест заключения были отнесены: начальники тюрем и их помощники; помощники начальников тюрем или смотрительницы женских отделений; состоящие при местах заключения священники, дьяконы и псаломщики; врачи, фельдшеры и фельдшерицы. Надзор за заключенными и их окарауливание возлагалось на тюремную стражу, состоявшую из старших и младших надзирателей и надзирательниц.

Таким образом, можно сделать вывод, что одним из важных условий кадровой политики в тюремной системе Российской империи в конце XIX в. стало ее коренное реформирование, в частности создание новой организационно-штатной структуры управления тюрьмами и иными местами заключения, и тюремными учреждениями. До указанного периода кадровая политика государства в отношении тюремной системы не была системной. Более того, на управление местами заключения приоритетное влияние оказывали организации, не входившие в систему государственных органов. Речь идет об Обществе попечительном о тюрьмах, которое

сыграло заметную роль в становлении и развитии пенитенциарной системы.

Указанные изменения повлияли и на проводившуюся в ведомстве кадровую политику. После реформы 1879 г., в частности, с созданием Главного тюремного управления в Российской империи начинается новый этап в развитии пенитенциарной структуры, что позволило ей в дальнейшем приобрести более стройную и урегулированную форму.

Источники и литература

1. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 122. Оп. 1. Д. 138.
2. ГАРФ. Ф.122. Оп.1. Д. 176.
3. ГАРФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 182.
4. ГАРФ. Ф.122. Оп. 1. Д. 6592.
5. Детков М.Г. Наказание в царской России. Система его исполнения. – М.: Информ.-изд. агентство «Интерправо», 1994. – 119 с.
6. Об устройстве управлений отдельными местами заключения гражданского ведомства и тюремной стражи. 15 июня 1887 г. // ПСЗ. – Собр. 2-е. – № 4593. – СПб., 1889. – Т. VII.
7. Пирогов П.П. Тюремная система Российской империи и ее кадровое обеспечение в XIX – начале XX века: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2000. – 25 с.

И. А. Долженков,

*кандидат исторических наук, заведующий архивохранилищем
отдела обеспечения сохранности и учета документов
ОКУ «Госархив Курской области»*

ДИНАМИКА ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ РАСХОДОВ ОРГАНОВ ЗЕМСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

После земской реформы 1864 г. на плечи нового земского самоуправления были возложены многие социально значимые функции, которые трудно было вести из центра: страхование сельскохозяйственных построек от пожара, содержание городских больниц и богаделен, ремонт мостов и второстепенных дорог, продовольственная помощь населению и т.д. Они считались для земств, в некотором смысле, факультативными, не обязательными делами. Более того, в проекте Положения о земских учреждениях даже не упоминалось о таких сферах деятельности, как народное образование, медицина, ветеринария. Все это было включено в компетенцию земств лишь после обсуждения проекта Государственным

советом, причем в довольно туманной формулировке, оставляя возможность для вмешательства в дела земств бюрократии.

Посмотрим, как выглядели основные направления чрезвычайных расходов Курского губернского земства в рассматриваемый период (см. табл. № 1). [Составлена автором по: 2, с. 181–183; 3, с. 800–804; 4, с. 123; 5, с. 1112–1114; 6, с. 535–540).

Таблица № 1

Динамика изменений чрезвычайных («необязательных») губернских земских расходов Курской губернии в 1868–1901 гг. (в руб.)

Годы	Расходы на земское управление	Расходы на образование	Расходы на медицину	Расходы на общественное призрение
1868	21800	1395	4754	–
1876	24100	22837	7988	36688
1882	30123	59446	9064	10669
1891	26200	19080	36999	78125
1901	138800	143189	26941	157625

В соответствии с данными таблицы № 1 выделим 4 основные группы чрезвычайных расходов Курского губернского земства в период с 1868 по 1901 гг.:

1) расходы на земское управление; 2) на образование; 3) на медицину; и 4) на «общественное призрение» (содержание приютов, богаделен, выплаты пособий бедным семьям и т. п.).

Первая группа чрезвычайных расходов – содержание исполнительных органов земского управления, была установлена в 1868 г. по решению Курского губернского земского собрания в следующем размере:

1) на содержание самой Курской губернской земской управы (председателю и 4 членам) – 11 тыс. руб.;

2) на содержание канцелярии управы и наем дома с отоплением и освещением – 6300 руб.;

3) наем техников для составления смет и производства работ по «сооружениям земства» – 4500 руб. [2, с. 181–183].

В дальнейшем данное направление расходов эволюционировало в сторону увеличения. Наиболее значительный рост расходов на земское управление зафиксирован в 1901 г. Так председателю и членам губернской управы платили уже на 25 % больше, чем в 1891 г. – 17500 руб. (председателю – 5 тыс. руб. и 5 членам – по 2500 руб.); им же на дорожные расходы полагалось еще 1 тыс. руб.; на канцелярию выделялась огромная по тем временам сумма – 84800 руб. (рост за 20 лет почти в 9 раз – И.Д.); на типографию – 3500 руб., а также на расходы комиссии по оценке недвижимого имущества – 32 тыс. руб. [6, с. 535–540].

Таким образом, мы видим, что расходы Курского губернского земства на свой исполнительный аппарат в течение рассматриваемого периода медленно, но неуклонно возрастали – с 21800 руб. в 1868 г. до 69500 руб. в 1901 г. В начале рост был относительно медленным – с 21800 руб. в 1868 г. до 30123 руб. в 1882 г. Потом и вовсе наблюдался регресс – с 30123 руб. в 1882 г. до 26200 руб. в 1891 г. (данное обстоятельство, несомненно, связано с неурожаем и голодом 1891–1892 гг. т.е. земству естественно надо было направлять средства на другие цели; содержание управления как следствие отошло на второй план – *И.Д.*). Однако уже в 1901 г. расход на земское управление составил 138800 руб. [2, с. 181–183; 4, с. 123; 5, с. 1112–1114; 6, с. 535–540].

Подобный значительный рост отчасти был связан, очевидно, с тем, что земство, освободившись от части расходов по содержанию органов государственного управления, могло потратить деньги не только на содержание дорог (на что оно и должно были их тратить – *И.Д.*), но и на другие нужды, в частности, на содержание своего собственного управления. Кроме того, несомненно и то, что увеличение затрат требовало и усложнение аппарата губернской управы, увеличение количества ее служащих, что явилось следствием возрастания общего объема земской деятельности.

Если рассматривать отдельные направления данных расходов, то очевидно, что вначале большая часть содержания губернского земского управления шла на выплату жалованья председателю и членам губернской земской управы. Это «съедало» более половины указанных расходов. К примеру, в 1868 г. жалованье указанным должностным лицам составило 50,4 % от общей суммы финансирования Курского губернского земского управления. [2, с. 181–183].

Однако в дальнейшем прослеживается тенденция к постепенному уменьшению соотношения данного направления расходов по отношению к общему содержанию земского управления. Так, в 1876 г. оно уменьшилось уже до 47,7 % от сметы, в 1882 г. еще более – до 38,1 %. Правда, в 1891 г. отмечен снова значительный прирост – до 53,4 %. Но уже в 1901 г. опять рекордное падение – до 12,6 %. [Подсчитано по: 2, с. 181–183; 3, с. 800–804; 4, с. 123; 5, с. 1112–1114; 6, с. 535–540].

При этом, что интересно, сама по себе заработная плата членам губернской управы (как видно из анализа приведенных примеров земских финансовых смет) в течение рассматриваемого периода неуклонно росла – 11500 руб. в 1868 г. против 17500 руб. в 1901 г. [Подсчитано по: 2, с. 181–183; 6, с. 535–540].

Поэтому причиной указанного отставания зарплат членов управы от общего роста содержания управленческого аппарата губернского земства являлся, несомненно, рост прочих расходов.

Рассмотрим динамику изменений остальных важных групп «необязательных» земских губернских расходов – на народное

образование, здравоохранение и общественное призрение. Подробно мы рассмотрим каждое из указанных направлений земской деятельности ниже, а сейчас покажем лишь, как изменялся удельный вес каждой группы расходов на протяжении рассматриваемого периода.

Наиболее динамично росли земские расходы на образование. Если в 1868 г. они равнялись сравнительно небольшой сумме в 1395 руб., то в 1901 г. выросли до 143189 руб. При этом тенденция к их увеличению была довольно четкой – 22837 руб. в 1876 г., 59446 руб. в 1882 г., 19080 руб. в 1891 г. и, наконец, 143189 руб. в 1901 г.

Видно, что только в 1891 г. зафиксировано некоторое сокращение образовательных расходов – 30123 руб. в 1882 г. против 26200 руб. в 1891 г., что было вызвано необходимостью в увеличении расходов в этом году на медицину и общественное призрение ввиду высокой смертности из-за голода. Колоссальный же скачок в расходах на образование в начале XX века обусловлен возрастающей потребностью в хорошо подготовленных, профессиональных кадрах для различных сфер деятельности, в осознании обществом необходимости и важности распространения образования среди широких народных масс.

Неуклонно росли расходы Курского губернского земства и на развитие медицины. Если в 1868 г. они составили сумму в размере 4754 руб., то в 1901 г. финансирование земством губернского здравоохранения увеличилось до весьма значительной суммы в 26941 руб. [Подсчитано по: 2, 18с1–183; 6, с. 535–540].

Не осталось в стороне от общего увеличения «необязательных» расходов Курского губернского земства и общественное призрение. Выделив на указанные цели в 1876 г. 36688 руб., Курское губернское земское собрание в дальнейшем все увеличивало финансирование данной сферы своей компетенции. В 1891 г. расходы на указанные нужды составили уже сумму в 78125 руб., а в 1901 г. еще более увеличились до целых 157625 руб. [3, с. 800–804; 5, с. 1112–1114.; 6, с. 535–540].

В завершение отметим, что все рассмотренные группы чрезвычайных губернских земских расходов в течение рассматриваемого периода неуклонно росли. Отставание расходов на медицину объясняется тем, что последние лежали в основном на плечах уездных земств. Уменьшение же финансирования земского управления и образования, зафиксированное по смете 1891 г., было связано, очевидно, с голодом, свирепствовавшим в том году и связанной с этим обстоятельством необходимостью увеличения расходов на здравоохранение и общественное призрение.

Источники и литература

1. Веселовский Б.Б. История земств за 40 лет: В 4 тт. Т. I. – СПб.: Изд-во О. Н. Поповой, 1909. – 729 с.

2. Журналы заседаний Курского губернского земского собрания 1868 г. – Курск: Типография Курского губернского земства, 1869.
3. Журналы заседаний Курского губернского земского собрания 1876 г. – Курск: Типография Курского губернского земства, 1877.
4. Журналы заседаний Курского губернского земского собрания 1881 г. – Курск: Типография Курского губернского земства, 1882.
5. Журналы заседаний Курского губернского земского собрания 1891 г. – Курск: Типография Курского губернского земства, 1892.
6. Журналы заседаний Курского губернского земского собрания 1901 г. – Курск: Типография Курского губернского земства, 1902.

В. Е. Дурноглазов

*аспирант исторического факультета
ФГБОУ ВО «Курский государственный университет»*

ИЗ ИСТОРИИ КУРСКОГО ДВОРЦА ПИОНЕРОВ И ШКОЛЬНИКОВ

Курский дом пионеров был открыт в ноябре 1936 г. и находился в непосредственном ведении городского отдела народного образования. В конце октября 1941 г. он прекратил свою деятельность в связи с оккупацией 2 ноября города Курска гитлеровцами. 1 апреля 1943 г. после освобождения Красной Армией областного центра он возобновил свою деятельность в прежнем подчинении. После войны здание было разрушено на 90 %, а все имущество и оборудование либо сожжено немцами, либо расхищено. Поэтому в первые послевоенные годы пришлось провести большие восстановительные работы. Отсутствие помещения и необходимого количества мебели и инвентаря значительно затрудняло работу с детьми города [1, л. 29].

В первые послевоенные годы Курский дом пионеров поставил перед собой следующие задачи: воспитание пионеров и школьников в духе патриотизма, беззаветной любви и преданности своей Родине, оказание помощи пионервожатым и пионерскому активу в методической работе, развития у детей и подростков любви и стремления к знаниям, оказание учителям помощи в закреплении и углублении знаний, полученных учащимися в школе, привлечение пионеров и школьников к активной общественно-политической жизни страны и посильной общественной работе, развитие творческих наклонностей и способностей детей, привитие им навыков культурного поведения и организация их досуга [2, л. 1]. В 1949 г. дом пионеров располагал для учебных целей библиотекой, десятью аудиториями, зрительным залом. Проводилась работа 10 кружков: фотокружок, радиокружок, авиамодельный кружок, кройки и шитья, художественной вышивки, рисования, народных инструментов, драматический, хореографический, хоровой. В 1950 г. там занималось

585 школьников, работало 14 преподавателей, в основном обеспечивающих по своему образовательному уровню надлежащее качество внешкольной работы. Работа дома пионеров строилась по определенному, составленному в начале учебного года круглогодичному плану. Занятия кружков проводились с учетом возрастных особенностей детей, в доходчивой, увлекательной форме, развивая их творческую инициативу. Кружковцы принимали активное участие в культурно-массовых мероприятиях, которые проходили как в стенах дома пионеров, так и вне его: Курском суворовском училище, драмтеатре, кинотеатрах, школах и детдомах [3, л. 14]. Помимо выполнения программного материала, осуществлялась повседневная воспитательная работа среди питомцев. Регулярно раз в неделю давались политинформации по газетам «Пионерская правда» и «Комсомольская правда». Организовывались коллективные посещения кинотеатров, драмтеатра, кукольного театра, после чего устраивалось обсуждение просмотренного, организовывались тематические вечера и утренники. С детьми проводились разнообразные беседы и лекции на воспитательные темы. С пионерами активно проводили читательские конференции [4, л. 5].

В целях знакомства детей и подростков с историческим прошлым Курской области в 1940-е–1950-е гг. Курский городской совет юных пионеров совместно с домом пионеров организовывал ряд походов и экскурсий как в пределах нашего края, так и в другие города: Москву, Киев, Харьков, Гори и другие. Дети с большим удовольствием путешествовали, собрали много ценного материала для школ и многие экспонаты были сданы в музеи [5, л. 20]. Налаживалась учеба пионерского актива Курска. Ежемесячно проводились педагогические совещания по обмену опытом работы, обсуждались планы работы, заслушивались отчеты преподавателей и заведующих отделами. Во второй половине 1950-х гг. в Курском доме пионеров открылись новые кружки: автомобильный, историко-краеведческий, водителей мотоцикла, духовой и струнный оркестры, резьбы по дереву, столярный и судомодельный, театральный, кукольный театр, умелые руки, шахматный [6, л. 25]. В 1959 г. работали спортивные секции: волейбольная, футбольная, легкоатлетическая. Организовывались спортивные соревнования, спартакиады и товарищеские встречи [7, л. 17].

В 1960 г. дом пионеров был переименован в Курский городской дворец пионеров и школьников. В 1974 г. там работало 174 кружка, в которых занималось более 3000 школьников. Общая площадь помещения дворца пионеров составляла 5000 кв. метров, годовой бюджет – 150000 рублей. В 1970 г. в нем работало 70 педагогов и методистов (16 – с высшим образованием, остальные – со средним). В 1965 г. при дворце пионеров был создан поисковый клуб «Разведчик». Его участники вели активный поиск ветеранов партизанского движения в годы Великой Отечественной войны. Ребята разыскивали тех, кто не получил боевые

награды, сообщали родным о местах захоронения их родственников. Летом 1967 г. следопыты построили в селе Черемки Льговского района памятник партизанской Славы, на открытие которого приехали тысячи бывших партизан. Летом 1972 г. членами клуба был построен новый памятник партизанам в селе Нижние Берложи Железногорского района [8, л. 40–52]. 26 июня–22 июля 1976 г. по инициативе Курского дворца пионеров состоялся агитационный поход по местам боев 1023-го стрелкового полка. Участвовавшие в нем школьники встречались с ветеранами и посещали воинские мемориалы, отдавая дань павшим. Экспедицию возглавил директор дворца пионеров, ветеран войны М. А. Нежанский. Туристы посетили города Орел, Брянск, Новозыбков, Гомель, Минск, Гродно, Калининград. Во время встреч поисковиков с ветеранами было выявлено много ранее неизвестных фактов из истории Великой Отечественной войны [9, л. 37]. В 1988 г. следопыты клуба «Разведчик» в ходе экспедиции в Дмитриевском районе установили имена 67 мирных жителей, безвинно расстрелянных гитлеровцами [10, л. 54]. В 1970-е – 1980-е гг. дворец пионеров открывал для школьников Курска инструктивно-методический лагерь, который оборудовали ребята из клуба «Разведчик». Они работали в нем в качестве инструкторов туристических групп школ областного центра. Разведчики разработали для Курской области 15 туристических маршрутов. Ежегодно через этот лагерь проходило до 7000 школьников [11, л. 70].

В 1959 г. при Курском доме пионеров инженером Л. С. Кононовым была создана экспериментальная лаборатория микроавтомобилей. Под его руководством юные техники сконструировали и построили микроавтомобили оригинальной конструкции «Курск», «Спутник», «Товарищ», которые с успехом экспонировались на ВДНХ СССР. В 1963 г. по инициативе дворца пионеров в Курске прошли первые Всесоюзные соревнования по картингу среди школьников, в которых принимало участие 40 юных автомобилистов [12, л. 2]. В помощь юнармейцам курских школ во дворце пионеров в 1971 г. был открыт пункт по военно-технической подготовке, который был оборудован учебным оружием, средствами связи и техническими средствами. Пункт оказывал большую помощь школам в подготовке и проведении летних и зимних военно-спортивных игр «Зарница». Также Курский дворец пионеров имел свою киностудию «Пионерфильм» со съемочным павильоном, цехом звукозаписи, оснащенную аппаратурой для магнитной и оптической звукозаписи, монтажную лабораторию. На киностудии снимались фильмы из пионерской жизни областного центра, документальные и художественные ленты [13, л. 60–63]. Помимо этого, в 1960-е – 1980-е гг. там работали пионерский театр и театр юного зрителя. Юные техники дворца пионеров успешно выполняли заказы заводов, институтов, предприятий и других учреждений. Например, в 1963 г. кружковцы создали комплексы телевизионного оборудования «Электрон» и «Искра»,

которыми был оснащен пионерский телецентр дворца. В 1975 г. под руководством преподавателей изготовили по заказу Курского медицинского института и областной больницы телевизионное оборудование для демонстрации студентам хирургических операций [14, л. 32].

Огромное внимание уделялось оказанию разносторонней инструктивно-методической и организационно-массовой помощи школе. Дворцом пионеров проводились: семинары учителей пионерских, комсомольских и начальных классов, старших пионервожатых, организаторов внеклассной и внешкольной работы, учеба всех категорий пионерского и комсомольского актива, работали городской пионерский и комсомольский штабы. Дворец пионеров оказывал практическую помощь пионерским дружинам, комсомольским организациям и педагогическим коллективам школ в организации и проведении марша пионерских отрядов «Всегда готов!», смотров пионерских и комсомольских организаций, разрабатывал методические рекомендации в помощь организаторам внеклассной и внешкольной работы, старшим вожатым, классным руководителям, пионерскому и комсомольскому активу. В его массово-методическом отделе проводились консультации по всем вопросам пионерской, комсомольской и октябрятской работы. Отдел художественного воспитания организовывал семинары для руководителей школьных драматических кружков и кукольных театров, кружков художественного слова. Спортивно-технический отдел проводил семинары для школьных туристических организаторов и руководителей военно-спортивной игры «Зарница». С учителями школ города Курска еженедельно проводились консультации по вопросам патриотического воспитания. Работал пункт военно-технической подготовки по специальностям: стрелки, разведчики, связисты. Курский городской методический кабинет, городской отдел народного образования, комиссия по делам несовершеннолетних проводили на базе дворца пионеров занятия для классных руководителей, воспитателей детских комнат при домоуправлениях, семинары-практикумы для учителей труда и физики [15, л. 5–7].

В 1980-е гг. работа Курского дворца пионеров поднялась на новый уровень. Было создано 317 кружков 66 различных наименований, в которых занималось 5479 детей. Значительно расширилась сеть кружков в филиалах дворца пионеров по месту жительства. В 1986 г. 134 кружка работали на базе школ и комнат школьника. В них занималось более 2000 обучающихся [16, л. 30]. В этот период времени во дворце пионеров работали 114 сотрудников: 60 человек – с высшим образованием, 5 – с незаконченным высшим, 28 – со средним специальным, 21 – с общим средним. Работа кружков, коллективов и клубов была направлена на развитие интересов и способностей школьников, совершенствование их знаний, умений и навыков, профориентационную работу с детьми и

повышение их общественной активности. С пионерами и школьниками проводились следующие массовые мероприятия: праздники пионерских отрядов, диспуты вожатых, соревнования пионерских дружин, смотры знаменных групп, диспуты в комсомольских организациях, смотры комсомольского строя, фестивали комсомольской песни, посвящения в отрядные вожатые, праздники книги и букваря, выставки в честь красных дней календаря. Обучение пионерского и комсомольского актива осуществлялось через постоянно действующие: школу пионерского актива «Барабан», учебу командиров и комиссаров отрядов юных инспекторов дорожного движения и юнармейского актива, активистов школьных музеев. Ежегодно дворец пионеров проводил городские смотры, праздники, фестивали, теоретические и научно-практические конференции по вопросам пионерской и комсомольской работы [17, л. 200–203]. При нем действовал клуб интернациональной дружбы имени Э. Тельмана. Его воспитанники устанавливали дружеские связи со сверстниками из республик СССР и социалистических стран, знакомились с историей, экономикой и культурой союзных республик, вели библиографию по истории пионерского движения за рубежом. В действовавшем при этом внешкольном учреждении – клубе массовиков-затейников – школьники приобретали теоретические и практические навыки в области искусства. В нем проводились: вечера вопросов и ответов, музыкальные гостиные, диспуты, обучение бальным танцам, тематические вечера, лекции-концерты, КВН, встречи с интересными людьми. Помимо этого, клуб занимался подготовкой начинающих массовиков и отрядных вожатых [18, л. 84]. В связи с начавшейся в 1988 г. школьной реформой в Курском дворце пионеров были открыты новые кружки: начального технического моделирования, конструирования вычислительной техники, радиоспорта, общей физической подготовки, вело- и водного туризма, машинописи, вокально-инструментальный ансамбль, пантомимы, юных кинолюбителей [19, л. 5]. Работу дворца пионеров координировали и направляли 4 отдела: массово-методический, научно-технический, художественного воспитания, военно-спортивный, которые включали в себя следующие детские коллективы: штабы (городской комсомольский штаб «Юность», городской пионерский штаб «Искорка», юных инспекторов дорожного движения), советы (ленинских комнат, друзей октябрят «Звездочка», юных друзей книги), секции (мотоспортивная, спортивного ориентирования на местности), студии (бального танца «Грация», хореографическая, изобразительного искусства, хорового и сольного пения, телевизионная «Пионер»).

Таким образом, Курский дворец пионеров сыграл огромную роль в развитии разнообразных форм внеклассной и внешкольной работы со школьниками в советское время. Он активно способствовал воспитанию высоких моральных качеств, патриотизма и здорового образа жизни. Однако наряду с положительными моментами в его работе в

1930–1980-е гг. давали о себе знать и многочисленные недостатки. Дворец пионеров располагался в старом здании, которому было свыше 100 лет. Его размеры были недостаточны для нормальной работы кружков. Значительная часть оборудования была морально устаревшей. Наблюдались низкая наполняемость кружков и нарушение норм их комплектования с учетом физической подготовки кружковцев, а также программ обучения детей учебно-тренировочных групп разных годов обучения. Некоторые руководители кружков ненадлежащим образом проводили свои занятия [20, л. 247–248].

Источники

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р–366. Оп. 1. Д. 3.
2. ГАКО. Ф. Р–366. Оп. 1. Д. 11.
3. ГАКО. Ф. Р–366. Оп. 1. Д. 19а.
4. ГАКО. Ф. Р–366. Оп. 2. Д. 3.
5. ГАКО. Ф. Р–366. Оп. 2. Д. 4.
6. ГАКО. Ф. Р–366. Оп. 2. Д. 6.
7. ГАКО. Ф. Р–366. Оп. 2. Д. 8.
8. ГАКО. Ф. Р–366. Оп. 2. Д. 130.
9. ГАКО. Ф. Р–366. Оп. 2. Д. 209.
10. ГАКО. Ф. Р–366. Оп. 2. Д. 214.
11. ГАКО. Ф. Р–366. Оп. 2. Д. 60.
12. ГАКО. Ф. Р–366. Оп. 2. Д. 58.
13. ГАКО. Ф. Р–366. Оп. 2. Д. 137.
14. ГАКО. Ф. Р–366. Оп. 2. Д. 140.
15. ГАКО. Ф. Р–366. Оп. 2. Д. 188.
16. ГАКО. Ф. Р–366. Оп. 2. Д. 192.
17. ГАКО. Ф. Р–366. Оп. 2. Д. 200.
18. ГАКО. Ф. Р–366. Оп. 2. Д. 203.
19. ГАКО. Ф. Р–366. Оп. 2. Д. 212.
20. ГАКО. Ф. Р–366. Оп. 2. Д. 208.

И. С. Ефремова,
*главный палеограф отдела научно-справочного аппарата
ОКУ «Госархив Курской области»*

«ВЕДЬМИНЫ ДЕЛА» В КУРСКОМ НАМЕСТНИЧЕСТВЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОВЕСТНОГО СУДА И ГОРОДОВОГО МАГИСТРАТА)

В судебной практике Российской империи совестные суды появились вследствие реформаторской политики Екатерины II. Основным

законодательным актом, регламентировавшим их деятельность, были «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» от 7 ноября 1775 г. (далее – Учреждения) [11, с. 229–304]. В соответствии с упомянутым нормативным актом, эти юридические инстанции наделялись широким кругом полномочий в отношении особой категории дел [11, с. 278]. Среди таковых в ст. 399 указывались внутрисемейные конфликты; преступления, совершенные безумными или малолетними; дела об оскорблении личности, причинении телесных повреждений, краже движимого и недвижимого, в т. ч. церковного, имущества, а также разного рода «сакральные» проступки, именуемые «колдовством» [11, с. 278]. В целях унификации судебной системы, в процессуальном аспекте к ним предъявлялись те же требования, что и к учреждениям общей юстиции [11, с. 278] с одной существенной особенностью. Как «преграда личной безопасности» [11, с. 278], при вынесении приговора суд «по совести» одновременно руководствовался не только юридическими нормами, но и общечеловеческими законами морали, проявляя гуманность, милосердие и почтение к ближнему [11, с. 278].

Предтечей совестных судов был институт посредничества, известный со времен Киевской Руси [4, с. 115]. В елизаветинское время он был преобразован в особую сословную инстанцию – словесный суд. Учрежденные сенатским указом от 5 мая 1754 г. [10, с. 66–67], эти юридические конторы рассматривали тяжбы исключительно по коммерческим вопросам. Как следствие, судьи избирались из местного купечества и мещанства и несли ответственность перед городскими магистратами [10, с. 66]. Последние представляли собой высший коллегиальный орган, регулировавший быт торгово-ремесленного населения [9, с. 299]. Введение в практику отечественного судопроизводства совестных судов было серьезным шагом на пути к оформлению института мировой юстиции. В соответствии со ст. 396 Учреждений они становились первым всесословным судебным органом [10, 279]. Их штат состоял из одного судьи и шести заседателей, избираемых на три года по двое от каждого из сословий (дворян, горожан, государственных крестьян) [10, 279]. Кандидаты на должность судьи подлежали жесткому отбору. Помимо соответствующего социального статуса (штаб- или обер-офицер), от желавшего занять вакансию требовалось быть человеком «...к тому способным, совестным, рассудительным и беспорочным...» [10, 279]. Должность заседателя могли занимать лишь «...люди добросовестные, законы... и учение знающие» [10, с. 279].

Совестные суды были наделены широкими полномочиями, рассматривая как гражданские, так и уголовные вопросы. Однако их постановления носили преимущественно рекомендательный характер. Кроме того, суд не обладал правом юридической инициативы, принимаясь за работу после соответствующих указов наместнического правления,

сообщений из других учреждений или прошений частных лиц. Заседания совестного суда проводились не реже трех раз в год, а дополнительно – «когда дело есть» [10, с. 279].

26 января 1945 г. на хранение в Государственный архив Курской области (ныне – ОКУ «Госархив Курской области») [5, с. 6–12] в составе 82 единиц поступил ф. 123 «Курский совестный суд». Среди 272 дел, образованных вследствие переработки фонда, два представляют особый интерес по причине своей «необычности». Как отмечалось ранее, совестные суды занимались решением вопросов, требовавших особого рассмотрения. В частности, к подобным случаям относились так называемые «ведовские» дела, имевшие смежное положение между гражданским и духовным ведомствами.

В судебной практике царской России такие преступления не были редкостью, в особенности после церковного раскола сер. XVII в. [6, с. 456] Еще с 1626 г. существовал Патриарший приказ, в 1660-е гг. переименованный в разряд [3, с. 699–715]. Вплоть до своего упразднения в 1700 г. он судил лиц, замеченных «...в расколе, и в каких противностях церкви Божией и в ересьх...» [7, с. 87–88]. В дальнейшем дела ведунов и сельских знахарей одновременно подлежали рассмотрению и в церковных инстанциях, и в Тайной канцелярии, и в Святейшем Синоде, и в Юстиц-коллегии [8, с. 22–37]. Все зависело от того, какую окраску намеревались придать следствию: бытовой тяжбы, государственного преступления или вероотступничества [8, с. 22–37]. С учреждением совестного судопроизводства они в первую очередь передавались в ведение гражданской юстиции. Особенно это касалось провинции, где немалую роль в следствии играли магистраты, уездные суды и расправы. Рассмотрим несколько частных случаев из практики Курского совестного суда.

12 марта 1780 г. из нижней расправы поступило дело, присланное при описи из бывшей воеводской канцелярии. Поводом к возбуждению следствия послужил рапорт частного смотрителя секунд-майора Калашникова от 23 сентября 1779 г., к которому прилагались показания курского помещика капитана А. С. Аммосова. По словам последнего, однодворец А. Агибалов вызвал к себе проживавшего у него в имении поляка С. Михайлова *«...для вынашивания ястреба в лес и в удушении его за горло...и о найденных после побегу его Агибалова в его сундуке сумнительных к волшебству клонящихся тетрадишках в ящике с костями и кореньями...»* [1, л. 1 об.]. Последние были осмотрены представителями от воеводской канцелярии, прибывшими для освидетельствования места преступления (при побеге Агибаловым была украдена серебряная посуда и денежные средства), и *«...более производства никакого не было»* [1, л. 1 об.]. В силу бинарного характера, дело одновременно было передано и в Курский нижний земской суд – в части, касаемой кражи, – и в совестный с приложением вещественных доказательств. В акте освидетельствования

значилось следующее: *«Ящик малиновый, в нем мелкие кости белые, признавательно лягушачьи, небольшой кусочек, незнаемо в чем сваренной, наподобие незнаемо какого кореня,..тетрадка на четырех малых листах о лечении разных болезней»* [1, л. 4]. Указанный документ был заверен подписями канцеляриста Н. Полонского и секретаря А. Суржикова в присутствии вызванного из Севского пехотного полка лекаря Г. Чагринцова. Последним 16 марта 1780 г. был осуществлен дополнительный осмотр найденных предметов. В нем указывалось, что в ящике *«...кости и мясо летучей мыши или натапыря, а не коренья, и оно вреда никакого сделать не может»* [1, л. 9], а записи в тетрадях к лечению болезней никакого отношения не имеют. 22 марта 1780 г. при указе совестного суда дело было отправлено в Курское духовное правление [1, л. 11–11 об.], которое 26 марта в доношении представило свой вердикт. К производству допроса В. Агibalова высылался священник курской градской Покровской церкви Илья Алексеев, который должен был осуществить причастие [1, л. 12]. После допроса всех свидетелей, осмотра вещественных доказательств и проведения очных ставок совестный суд в июле 1780 г. составил предложение, в котором значилось: *«...те тетрадишки и ящик отослать к курскому городничему майору А. С. Балобанову и велеть сжечь, а его, Агibalова, хоть он и чинит запирательство... употребить в земельную работу...»* [1, л. 29]. Таким образом, дело с ведовским подтекстом полностью приобрело гражданский характер. Стоит отметить, что Святейший Синод и связанные с ним инстанции имели права вмешиваться в судопроизводство только после осуществления соответствующих общеюридических процедур [1, л. 9].

Не меньший интерес вызывает и второе дело, значащееся в журнале совестного суда под № 32. 19 июня 1784 г. в Курское городниченское правление поступило объявление от купца В. Мыльниковца, в котором сообщалось: *«Сего 1784 года марта в первых числах нанят мною в работники курской же мещанин Степан Максимов., которому я приказал продавать квас на базаре., кой сего июня 18 числа, напившись пьян...в курени лег спать, куда я, пришедши, стал его осматривать и нашел завязанные в платку незнаемо какие два корешка, а сего числа начав тот квас черпать, который он продавал, и увидел, что плавает какое-то негодное плеутино, которую я и вынул, а находящийся у меня в работниках однодворческий крестьянин Иван Антонов нашел в том курени, где он спал, написанный наговор... прошу в прописанных резонах Максимова допросить и по допросе куда надлежит для исследования и поступления по законам отослать...»* [2, лл. 4–4 об.]. 20 июня в городниченском правлении был осуществлен предварительный допрос подследственного. Из пояснений Максимова следовало, что 14 июня пришел к нему *«незнаемо какой-то мужик в курень обедать... и между прочих разговоров»* сказал, что *«может женского полу девку или женку превратить к блудодеянию»* [2, л. 7], о чем и дал наставление и *«велел*

добыть чернильницу с бумагою». Снабдив мещанина необходимым заклинанием и корешками, незнакомец велел: «...если какая женка или девка полюбится, то с имеющимися кореньями написанные на бумажках слова, обходя три раза, читать...» [2, л. 7]. Напившись на следующий день, подсудимый, по его заверениям, воспользоваться заговором не успел и к порче кваса никакого отношения не имеет, о чем «...показал самую сущую правду и ничего не утаил...» [2, л. 7]. Поскольку обвиняемый принадлежал к мещанскому сословию, курский городничий майор Кусаков в сопровождении конвоя 21 июня отправил его в городской магистрат [2, лл. 5–5 об.]. Последний, произведя слушание по делу, декларировал: «Присланный от Вашего Высокоблагородия курский мещанин Иван Максимов... для содержания под стражею вплоть до решения дела... к Вашему Высокоблагородию посылается...» [2, л. 4]. Признав себя некомпетентным в рассмотрении указанного вопроса, 2 июля магистрат отослал уведомление в совестный суд: «...для исследования и поступления по законам... определено, как Высочайшего Учреждения XXVI главою 399 статьею повелено, дела колдунов или колдовства, поелику во оных заключается глупость, обман и невежество, надлежит отсылать в совестный суд, который един право имеет учинить о вышеписанном решение. Для того он, мещанин Максимов, со всем вышеписанным делом и корешками, запечатанными магистратской печатью,.. отсылаются...» [2, л. 1]. Уведомление скреплялось подписями бургомистров М. Золотарева и И. Полевого, ратмана И. Гладкова и канцеляриста Б. Драчова. После дополнительного следствия магистрат составил рекомендательное письмо со следующим вердиктом: «...мещанина Максимова за волшебство наказать плетью и употребить в работу на месяц...» [2, л. 8]. Указом совестного суда от 4 июля 1784 г. приговор приводился к исполнению [2, лл. 9–10]. В итоге, как и в первом случае, подсудимый был оправдан по причине отсутствия за ним злого умысла и склонения к колдовству обманом. Единственное различие – отсутствие во втором случае факта оповещения Духовной канцелярии.

Таким образом, введение совестного судопроизводства имело важное значение для развития института мировой юстиции в России. Впервые к особой категории дел официально регламентировалось следовать законам чести, совести и гуманности. Имперская система права обратилась к человеку, защите его чести и личного достоинства.

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. 123. Оп. 1. Д. 40.
2. ГАКО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 161.
3. Выписка из деяний Собора, бывшего в сем году в Москве от 17 июня 1667 г. № 412 «О лицах духовного ведомства, об устройстве судов

Патриаршего и епископских, об имуществах домовых патриарших, епископских и монастырских, о новом разделении епархий, о благочинии церковном и монастырском, о супружестве священников, дьяконов и причетчиков и об уничтожении царских жалованных монастырям грамот, испрошенных патриархом Никоном» // Полное собрание законов Российской Империи с 1649 года (далее – ПСЗРИ). Собрание первое. – Т. I. – СПб., 1830. – С. 699–715. – Ст. 412.

4. Давыденко Д.Л. Традиции примирительных процедур в России // Третейский суд. – 2003. – №. 1. – С. 115–128.

5. Государственный архив Курской области. Путеводитель: Ред. кол.: В.Л. Богданов (председатель), М.М. Литвинова, Л.С. Ласочко (ответ. составитель); Главное архивное управление Курской области, Государственный архив Курской области. – Курск, 2005. – 872 с.

6. Зеньковский С.А. Русское старообрядчество: духовные движения XVII века. – М.: Церковь, 1995. – 688 с.

7. Именной Высочайший указ от 16 декабря 1700 г. № 1818 «О закрытии Патриаршего разряда, о передаче дел оного в разные приказы и о поручении патриаршего духовного приказа в ведение митрополита Рязанского» // ПСЗРИ. – Т. I. – СПб., 1830. – С. 87–88. – Ст. 1818.

8. Лавров А.С. Колдовство и религия в России. 1700–1740 гг. – М.: Древлехранилище, 2000. – С. 22–37.

9. Регламент, или Устав, Главного магистрата от 16 января 1721 г. № 3708 // ПСЗРИ. – Т. I. – СПб., 1830. – С. 291–310. – Ст. 3708.

10. Указ Сената от 5 мая 1754 г. № 10222 «О бытии словестному суду между купцами в Москве и в прочих городах под ведомством магистратов и ратуш, определяя в оный суд по два человека из купечества по выбору, и о назначении на ярманки, сверх выборных, из магистратских и ратушских членов по одному человеку; о писании контрактов на гербовой бумаге и о нечинении обид и притеснений купцам, приезжающим на ярманки» // ПСЗРИ. – Т. XX. – СПб., 1830. – С. 66–67. – Ст. 10222.

11. Учреждения для управления губерний Всероссийской Империи от 7 ноября 1775 г. № 14392 // ПСЗРИ. – Т. XX. – СПб., 1830. – С. 229–279. – Ст. 14392.

Д. В. Коломенцев,
кандидат исторических наук,
ФКОУ ВО «Воронежский институт Федеральной
службы исполнения наказаний России»

ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ КАК ОСНОВНОЙ ВИД НАКАЗАНИЯ В ИСТОРИИ РОССИИ

Лишение свободы как вид наказания сформировался гораздо позже других видов, его обычно связывают с возникновением более гуманного

течения в отношении к преступнику. Принято считать, что в этом своем качестве лишение свободы появилось не ранее половины XVI в. До этого времени оно применялось только как предварительная мера, нечто наподобие ареста до исполнения «настоящего наказания», к которым, как известно, относили смертную казнь, телесные наказания и др. И это понятно, поскольку на первый план в то время выдвигалась цель устрашения, в соответствии с которой наказания должны быть жестокими и исполняемыми публично. Лишение свободы не отвечало требованиям публичности и казалось слишком мягкой мерой, чтобы быть возведенной в ранг наказания (кары). Согласно воззрениям того времени преступник должен быть либо уничтожен, либо изгнан, но никак не сохранен и исправлен.

В древних источниках нет упоминаний о лишении свободы (тюремном заключении) как о самостоятельном наказании. Однако его истоком, видимо, можно считать обращение в рабство, а также временное задержание до суда (как известно, в Древней Греции Сократ был до решения своей судьбы посажен в темницу).

В Русской Правде встречается наказание в виде «потока и разграбления». По мнению В. И. Сергеевича, они означали как раз заключение (помимо конфискации имущества). В. И. Сергеевич приводит исторический факт: после смерти Ярослава в 1054 г. сыновья его возвращают свободу родному дяде своему Судославу, более 20 лет сидевшему в тюрьме по воле отца их [2, с. 188].

В XI–XIII веках на Руси преступников заключали в погреба в качестве предварительной меры. С XIV века (Двинская уставная грамота 1397 г.) заключение сопровождается заковыванием «в железа» (цепи). М. Ф. Владимирский-Буданов приводит пример с заключением князя полоцкого Всеслава в погреб в Киеве (XI век) и освобождением его оттуда. Он предполагал, что подземные тюрьмы устраивались в фундаменте крепостных башен (от нем. «Thurm»), отсюда и русское наименование «тюрьма» [1, с. 331].

Как вид наказания тюремное заключение в России впервые вводится Судебником 1550 г., который определял его как самостоятельное наказание, или как дополнение к торговой казни, или как замену «порук». Тюрьма назначалась или бессрочно, или пожизненно, или до предоставления «порук». Это наказание, однако, в большинстве случаев еще не дифференцируется. За такие преступления, как мздоимство дьяка (ст. 4), ложное показание при споре о земле (ст. 11), совершенную впервые кражу, полагалось «отсылать» в «тюрьму» без указания сроков. За ряд преступлений (например, за повторную кражу) «лихого человека» предписывалось «кинуть в тюрьму до смерти» (ст. 56). Довольно часто встречается сочетание наказаний: заключение в тюрьму и торговая казнь. Из смысла некоторых норм Судебника следует, что из тюрьмы можно было выкупиться либо самому, либо через «поруку». Сведений об устрой-

стве специальных учреждений (тюрем) для исполнения этого наказания Судебник не содержит [3, с. 314].

Известно, что в XVII в. применение тюремного заключения как вида наказания значительно расширяется. В Соборном Уложении 1649 г. оно упоминается более чем в 40 статьях, по ряду преступлений уже указываются сроки: на 3 и 4 дня, на 1 и 2 недели, на 1, 1 1/2, 3 и 6 месяцев, на 1, 2, 3 и 4 года. В 1787 г. Екатерина II собственноручно написала проект устава о тюрьмах, который, однако, не был осуществлен. Проект предполагал учреждение разных мест заключения для различных категорий преступников, подчинение всех тюрем государственному надзирателю, введение обязательных работ для арестантов, отбывание наказания по системе как одиночного, так и общего заключения.

В первой половине XIX в. в Америке и Европе строятся новые и перестраиваются старые тюрьмы по системе одиночного заключения. В России тоже предполагалось в 40-х гг. XIX в. ввести одиночную систему, осуществить тюремную реформу по аналогу Пентольвинской в Англии. Для этих целей была создана специальная комиссия, однако ее предложения остались без последствий.

В 1845 г. в России принимается Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, в котором институт лишения свободы более или менее упорядочивается и выглядит следующим образом:

- ссылка в каторжные работы (ст. 19);
- заключение в крепость (ч. III ст. 24);
- заключение в смирительном доме (ч. IV ст. 24);
- заключение в тюрьме (ч. V ст. 24);
- кратковременный арест (ч. VI ст. 24).

Наказание в виде ссылки в каторжные работы предполагало содержание в каторжной тюрьме (остроге) и работы в рудниках, на заводах и в крепостях. Исполнение этого наказания в середине XIX века ярко и содержательно описано в «Записках из мертвого дома» Ф. М. Достоевского и «В мире отверженных (записки бывшего каторжника)» П. Ф. Якубовича (псевдоним – Л. Мельшин). Срок этого наказания устанавливался до 20 лет. Существовала также каторга «без срока», наиболее суровое после смертной казни наказание, которое назначалось за отцеубийство (ст. 1920); убийство, совершенное повторно (ст. 1921); убийство близких родственников (ст. 1922); убийство священника во время отправления им богослужения (ст. 225); оскорбление святыни, то есть безбожие, святотатство (ст. 223); составление подложных именных указов (ст. 319); поджог (ст. 2108) и потопление (ст. 2119). Однако по отбытии двадцати лет каторжника при определенных в законе обстоятельствах (в первую очередь при условии правопослушного поведения) можно было направлять на поселение в сибирских же краях. Осужденные к каторге на определенный срок имели возможность оказаться там значительно раньше, т. е. фактически каторжные работы

полностью отбывались редко. Заключение в крепости предусматривалось на срок от 6 недель до 6 лет, в смирительном доме – от 3 месяцев до 3 лет, в тюрьме - от 3 месяцев до 2 лет. Срок ареста составлял от 1 дня до 3 месяцев.

Следует отметить громоздкость и сложность системы наказания в виде лишения свободы в России в то время. На практике она полностью так и не была реализована и оказалась нежизнеспособной. Как отмечалось в литературе, различия между местами лишения свободы зачастую сводились лишь к названию и порядку заведывания. Это во многом объяснялось переполненностью исправительных учреждений и очень слабой материальной базой. Тюремные здания были ветхими, осужденные содержались преимущественно в помещениях казарменного типа. Обращаю особое внимание и на то, что по Уложению 1845 г. свобода ограничивалась такими наказаниями, как ссылка на поселение в Сибирь (в места «более или менее отдаленные», «отдаленнейшие», «не столь отдаленные»), а также на Кавказ; ссылка на житье в Сибирь (в места «отдаленнейшие» или «менее отдаленные»); ссылка на житье в другие, кроме сибирских, более или менее отдаленные губернии.

В Уложениях 1845 и 1903 гг. понятие «лишение свободы» не раскрывается. Общепринято, что оно предполагает достаточно жесткие ограничения (прежде всего в свободе передвижения) и нередко заменяется термином «тюремное заключение», т.е. означает содержание в закрытом охраняемом помещении. В этом смысле ссылка на поселение не входит в разряд «лишения свободы», поскольку осужденные, находившиеся под надзором в определенных для поселения местах, могли сами выбирать жилье, работу и т. д.

Институт лишения свободы по Уложению 1903 г. так и не был реализован. В конце XIX – начале XX вв. идет активный поиск новых мер в борьбе с преступностью, поскольку огромная практика исполнения лишения свободы не подтверждала тех иллюзий и надежд, которые связывались прежде с этим видом наказания. Начинают осознаваться такие его недостатки, как крайняя дороговизна, несостоятельность идеи «собираания преступных элементов в одно здание», деморализующее влияние тюрьмы, ее вред для физического, умственного, психического и нравственного состояния человека и др. Выяснилось, что цель исправления и нравственного возрождения преступника, ради достижения которой тюремное заключение как вид наказания распространялось в XIX в., на практике оказалась невыполнимой. Не удивительно поэтому появление в то время институтов условного осуждения, условно-досрочного освобождения, т. е. законодатель стремился либо ограничить период лишения свободы, либо вообще его не применять. Если когда-либо произойдет «отказ от тюрьмы», то это вместе с тем будет означать «отказ от последней меры, которой располагала репрессия, как бы ее ни понимать – в смысле ли устрашения, в смысле ли меры исправительной».

История свидетельствует о том, что лишение свободы как вид наказания на протяжении своего развития претерпело существенные изменения. Если прежде законодатель стремился ввести как можно больше ограничений для заключенных с целью причинения им максимально возможных физических и нравственных страданий, то впоследствии появилась и укрепилась другая тенденция – свести их к минимуму, расширить права и льготы осужденных, создать нормальные условия для отбывания этого вида наказания с целью скорейшего возвращения в общество полноправных и перевоспитанных граждан.

Приведенный обзор истории наказания достаточно отчетливо выявляет следующую основную тенденцию: с течением времени наказания в целом смягчаются, а наиболее жестокие из них (квалифицированная смертная казнь, телесные наказания) вовсе выходят из употребления.

Смягчение наказания было обусловлено развитием государства и общества, улучшением социально-экономических условий их существования, ростом культуры и цивилизации, распространением демократических и гуманистических идей, их влиянием на уголовную политику и правовое положение личности в государстве. Мысль о ценности человеческой личности как таковой (независимо от происхождения, имущественного положения и пр.), нерушимости ее прав не могла остаться незамеченной. Однако от провозглашения деклараций о правах человека до их реализации иногда проходят столетия, но в итоге они воплощаются в жизнь, что подтверждает и история наказания. Чем выше ценится личность в государстве и обществе, тем заметнее становится индивидуальная функция наказания. Кроме того, чем общество культурнее, тем более оно обращает внимание на отдаленные последствия явления, не ограничиваясь ближайшими.

В современных цивилизованных государствах смертная казнь либо отменена, либо предусматривается за небольшой круг наиболее тяжких деяний и на практике применяется крайне редко.

В связи с этим в настоящее время в арсенале любого государства остается лишь одно суровое средство борьбы с преступностью – лишение свободы. В поисках лучших форм исполнения наказания предлагалось и апробировалось немало систем в различных вариантах и комбинациях, но до сих пор не доказано в теории и не подтверждено практикой, что помимо лишения свободы существует другой оптимальный вид наказания, в наибольшей степени способствующий достижению его целей и существует «единственно правильная» пенитенциарная система.

Источники и литература

1. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. – Пг.; Киев: Н. Я. Оглоблин, 1915. – 699 с.

2. Сергеевич В. И. Лекции по истории русского права: Курс лекций. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1890. – 666 с.

3. Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. – СПб.: Тип. М-ва пут. сообщ. (А. Бенке), 1889. – 514 с.

Е. В. Коротченко,

*архивист I категории отдела обеспечения
сохранности и учета документов
ОКУ «Госархив Курской области»*

РАЗВИТИЕ ЖЕНСКОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX вв.

Сельское хозяйство оставалось основой российской экономики в начале XX в. Реформы второй половины девятнадцатого столетия способствовали ускорению капиталистического развития. Это в свою очередь поспособствовало изменениям, которые коснулись и традиционного сельского уклада. Примитивная техника, нужда в земле, отсутствие агрономических знаний не давали возможности крестьянину вести свое хозяйство более интенсивно, а значит получать более высокий доход, но затрачивая для этого меньше усилий. Для распространения знаний ведения сельского хозяйства: передачи опыта качественного использования земли, повышения урожайности, улучшение животноводства – начали создаваться сельскохозяйственные учебные заведения, в том числе и женские.

Создавались женские сельскохозяйственные школы по домоводству и школы, дающие знания по различным специальным отраслям сельского хозяйства, как правило, находящегося в руках женщин: птицеводству, молочному хозяйству, садоводству, огородничеству. Основная цель женских сельскохозяйственных школ – подготовка выпускниц к непосредственной работе в сельском хозяйстве. Сельскохозяйственные школы были прежде всего рассчитаны на крестьянское население, хоть они и являлись всесословными.

Сельскохозяйственные учебные заведения, в том числе и женские, состояли в ведении Министерства земледелия и государственных имуществ, реорганизованного в мае 1905 г. в Главное управление землеустройства и земледелия, по Департаменту земледелия. На местные Управления земледелия и Управления государственных имуществ возлагалась предварительная переписка по ходатайствам об открытии новых сельскохозяйственных школ [1, л. 1]. В Курской губернии такую роль играло Курско-Орловское управление государственными имуществами, образованное 21 апреля 1875 г. Как самостоятельный орган

Орловское управление государственными имуществами было упразднено [6, с. 61]. Таким образом в область этого органа, кроме Курской губернии, входила и Орловская.

К 1911 г. в Курской губернии начала действовать женская практическая школа усадебного хозяйства и домоводства им. Рыловниковых в Рыльском уезде. Опишем процесс образования женской практической школы усадебного хозяйства и домоводства им. Рыловниковых и организации в ней учебной деятельности

В 1911 г. Главное управление землеустройства и земледелия разрешило учредить в имении Семеново Волжиной А. Н. Рыльского уезда Курской губернии женскую практическую школу усадебного хозяйства и домоводства, на основе Высочайше утвержденного 26 мая 1904 г. Положения о сельскохозяйственном образовании [2, л. 2а].

Согласно договору с Департаментом земледелия от 21 февраля 1911 г. землевладелица Волжина А. Н. обязывалась содержать школу в течение двенадцати лет и иметь в школе не менее 30 учениц. Кроме того, помещица обязывалась предоставить необходимые помещения для школы и служащего персонала, инвентарь и участок. Доходы со школьного участка шли непосредственно госпоже Волжиной А. Н.

За обучение плата не взималась. Была установлена плата за проживание в общежитии при школе: для пансионеров, живших на полном содержании, т. е. получавших помещение, одежду, учебные пособия; плата за содержание каждой составляла 100 руб. в год; полупансионерки получали от школы помещение, продовольствие и учебные пособия, но одевались за свой счет и их содержание обходилось в 75 руб. Деньги шли непосредственно помещице. Также могли иметься и приходящие ученицы, которые могли пользоваться продовольствием во время работы в школе, но жили вне школы и одевались за свой счет [2, л. 2а].

Департамент земледелия обязывался в течение двенадцати лет с 1912 г. отпускать 2990 руб. ежегодно в качестве пособия на расходы по учебной части. Расходы сверх установленной суммы Волжина А. Н. обязывалась брать на себя. Департамент мог уменьшить размер отпускаемого пособия, если уменьшится число учениц, или расторгнуть договор за невыполнение его условий, если имение вдруг перейдет в собственность другого лица или учреждения [2, л. 4 об.]. Школа, кроме установленных финансовых средств, могла принимать денежные средства от земств, частных лиц и разного вида пожертвования.

С 1 ноября 1911 г. Главным управлением землеустройства и земледелия разрешено было открыть школу [2, л. 27]. Для учебно-практических занятий был отведен участок земли (34 дес.). Кроме того, при школе состояли вспомогательные учреждения: молочная ферма (из 24 голов, 16 дойных коров), свиноводник (20 свиноматок), пчельник, небольшой птичник и сад [4, л. 9–10].

Согласно уставу, цель женской практической школы усадебного хозяйства и домоводства им. Рыловниковых – сообщить местному женскому населению сведения по всем отраслям усадебного хозяйства и домоводства и подготовить мастериц по этим отраслям [2, л. 10].

В школе устанавливался 3-годовой курс обучения. В школу принимались девушки всех сословий не моложе 14 лет [2, л. 10 об.]. При приеме предпочтение отдавалось детям местных крестьян. Прием и выпуск учениц производился в сентябре. Для поступления в школу требовались документы: медицинское свидетельство и свидетельство об образовании, если ученица обучалась ранее в учебном заведении. От поступающих требовалось уметь читать и писать по-русски. Если число поступающих превышало число имеющихся мест, то предпочтение отдавалось окончившим начальное народное училище. Требовалось письменное заявление от родителей или от лиц их заменяющих, если ученица была несовершеннолетняя [2, л. 11].

В школе полагались теоретические и практические занятия по усадебному хозяйству и домоводству. В число теоретических занятий входили закон Божий, чтение и письмо, счет – на уровне курса одноклассной сельской школы, объяснение важнейших явлений природы и сведения по сельскому хозяйству и домоводству. Теоретическим занятиям отводилось около 10 % всего рабочего времени в год и проводились они только с 1 октября по 1 апреля [2, л. 11 об.].

В число практических занятий входили учебно-демонстративные занятия, сельскохозяйственные работы и ремесленные занятия [2, л. 12]. Они проводились в течение всего учебного года, исключение составляли праздничные дни. В это время предполагалось проводить экскурсии. Два раза в год, зимой и летом, учениц могли отпускать домой не более, чем на 1 месяц в течение всего года, но с расчетом, чтобы это никак не сказалось на работе в хозяйстве [2, л. 11 об.].

Каждая из учениц в течение всего курса обучения под руководством преподавателей должна была назначаться на дежурства на все виды работ: по садоводству, маслоделию, скотоводству, домоводству, огородничеству. И по окончании учебы ученица не просто должна была производить указанные виды работ, но и объяснить весь процесс своей работы. Общая продолжительность работ и занятий не должна была превышать более 10-12 часов. Обращалось внимание на возраст учениц и тяжесть работ [2, л. 12].

Ученицы полностью сами себя обеспечивали всем необходимым: готовили сами себе обед, ужин, убирали в общежитии, под присмотром домоводки заготавливали продукты [2, л. 20].

Уделялось внимание содержанию учащихся: их трудовому режиму, условиям быта, которые должны соответствовать требованиям гигиены, но в то же время должны были быть созданы условия, соответствующие скромной трудовой жизни [2, л. 12 об.].

В течение курса преподавателями производились проверочные контрольные по отдельным работам, а по окончании – выпускные испытания [2, л. 12 об.]. Сдавшим успешно выпускные испытания ученицам выдавалось свидетельство, не выдержавшим испытания предоставлялось право остаться в школе еще на один год. Помимо свидетельства, наиболее успешно окончившие курс ученицы могли получить книги по изучаемым в школе специальностям, продукты – семена, плодовые деревья и пр., и даже могло быть назначено единовременное денежное пособие в размере по усмотрению Совета школы [2, л. 13].

Из вышеизложенного видно, что в данной профессиональной школе упор делался на изучение специальных предметов, общеобразовательным отводилось не так много времени, они лишь повторяли курс начальных народных школ. Изучение русского языка, истории, географии не производилось. Эти учебные дисциплины отсутствовали в учебных планах.

Главная цель школы – подготовить работающих и знающих свое дело хозяек. Окончив школу, они должны были использовать приобретенные знания с целью улучшения жизни земледельческого населения. Сельскохозяйственные школы давали своим ученицам законченное образование и не являлись ступенью для подготовки к сельскохозяйственной школе высшего типа.

Средних и высших женских сельскохозяйственных заведений в Курской губернии не было. Преподавательский состав по практическим занятиям женской школы усадебного хозяйства и домоводства им. Рыловниковых, назначенный с ноября 1911 г., имел сельскохозяйственное образование, но учителя сельскохозяйственное образование получили за пределами губернии. Так высшее образование имела заведующая школой Щеглова А. Г., окончившая высшие Стебутовские сельскохозяйственные курсы в Санкт-Петербурге в звании агронома. Затем с апреля 1913 г. на это место была назначена Мишина М. И., окончившая 2 Курскую женскую гимназию и имевшая опыт работы в Людмилинской женской сельскохозяйственной школе Черниговской губернии. Скотоводка и мастерица молочного хозяйства Карпичова Н. А. окончила Верецагинскую школу молочного хозяйства Тверской губернии. Учительница общеобразовательных предметов и рукоделия Николаева М. В., имела звание народной учительницы, окончила профессиональную школу С. П. фон Дервиза в Санкт-Петербурге. [2, л. 46 об.].

Таким образом, видно, что высшее сельскохозяйственное образование было редкостью для преподавательского персонала. Объяснить это можно тем, что на данном этапе высшее женское сельскохозяйственное образование только набирало силу. В большей степени не высшее образование, а главное опыт ведения сельского хозяйства, который давали школы низшего уровня, и играл роль в качестве

рекомендаций к назначению на должность учителя в сельскохозяйственную школу. Прежде всего, женские сельскохозяйственные школы должны были выпускать квалифицированные женские сельскохозяйственные кадры, которые бы распространяли сельскохозяйственные знания в народе, могли поделиться опытом ведения хозяйства. В этом и было заинтересовано государство: в повышении уровня знаний более рационального ведения сельского хозяйства на уровне мелких хозяйств. Вопрос о необходимости женских кадров с высшим образованием возник по мере необходимости преподавательского состава для женских сельскохозяйственных школ.

К числу учебных постановлений для распространения сельскохозяйственных знаний согласно Высочайше утвержденному 26 мая 1904 г. Положению о сельскохозяйственном образовании относились сельскохозяйственные классы, курсы, чтения и беседы [7, с. 10]. В 1911 г. Тимская уездная земская управа устроила женские курсы по молочному хозяйству. Цель курсов – распространение сведений среди населения о ведении животноводства, в частности молочного хозяйства, и создание кадров опытных и дешевых мастериц молочного дела [3, л. 5–5 об.]. Длительность курсов была шесть месяцев. В имении землевладельца П. С. Позднякова при д. Каменная Гора предполагалось устроить курсы, так как владельцем имения предоставлялось для курсов помещение и молочное стадо. Кроме того, землевладелец В. Л. Анненков тоже изъявил согласие на устройство курсов в своем имении с. Орлянки [3, л. 11]. Курсы предполагалось устроить с 1 июня по декабрь [3, л. 6–6 об.]. Курсы финансировали Тимское земство, отпустив на расходы по устройству курсов 500 руб., и Департамент земледелия – 1000 руб. [3, л. 11].

Условия поступления содержали следующие положения: на курсы могли поступить женщины всех сословий, но не моложе 16 лет. Необходимо было заранее подать в Тимскую управу прошение с приложением паспорта или вида на жительство. Если девушка была несовершеннолетняя, то требовалось согласие родителей или опекунов. Документы хранились в Тимской земской управе вплоть до окончания курсов или возвращались при выходе из курсов [3, л. 16]. Согласно проекту на курсы принимались лица женского пола, окончившие учебное заведение не ниже сельской школы [3, л. 24]. Предполагалось, что курсистки весь срок прохождения курсов будут жить в общежитии [3, л. 16].

Для открытия курсов предполагалось наличие не менее 10 учениц. В имении, в котором должны были проходить курсы, должно было быть молочное стадо не менее 25-30 голов. Также слушательницам предоставлялись отопливаемые помещения: одно для устройства спальни, другое для устройства столовой и классной комнаты, отдельная комната отводилась для лектора [3, л. 23].

На курсах предполагалось дать теоретические и практические знания кормления, содержания, разведения молочного рогатого скота, дать основы ветеринарии и счетоводства по молочному делу. Обучение слушательниц должно было быть бесплатное. Преподавательский состав состоял из старшего специалиста по животноводству Курской губернии, правительственного мастера по молочному делу и земского ветеринарного врача и двух руководителей практических работ [3, л. 24].

Итак, данные курсы предполагали изучение специальных предметов, знание которых было необходимо для данной профессии. По окончании курсов получались готовые профессиональные кадры для занятия молочным хозяйством. Безусловно, организация подобных курсов являлась необходимым делом. Подготовленные женские кадры, окончив такие курсы, могли не только помочь улучшить ведение молочного дела, но и поднять свое финансовое положение благодаря приобретенным знаниям.

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что в Курской губернии существовали женские профессиональные сельскохозяйственные учреждения низшего уровня. Основной упор в них делался на изучение специальных предметов, в зависимости от получаемого направления сельскохозяйственного образования. Если имелись общеобразовательные предметы, то они лишь повторяли курс начальных народных школ с некоторым дополнением, учебных часов на них отводилось совсем немного. Курс средней школы отсутствовал. Основная учебная деятельность – практические занятия. Высшее сельскохозяйственное образование получить женщинам можно было лишь за пределами Курской губернии.

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. 155. Оп. 1. Д. 3305.
2. ГАКО. Ф. 155. Оп. 1. Д. 3320.
3. ГАКО. Ф. 1504. Оп. 1. Д. 153.
4. ГАКО. Ф. 1504. Оп. 1. Д. 244.
5. ГАКО. Ф. 1564. Оп. 1. Д. 7.
6. Бочаров О. Е. История регионального управления государственными имуществом России: по материалам Курско-Орловского управления государственными имуществами, 1875-1918 гг. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – СПб., 2007. – № 43-1. – Т. 17. – С. 60-64.
7. Высочайше утвержденные 26 мая 1904 г. положение о сельскохозяйственном образовании и росписание должностей в средних и низших сельскохозяйственных учебных заведениях. – СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1904. – 39 с.

Т. М. Кучеренко,
учитель истории МКОУ «Попово-Лежачанская СОШ»

КУЛЬТУРА ГЛУШКОВСКОГО РАЙОНА В ПОСЛЕВОЕННОЕ ВРЕМЯ (1940-1950-е гг. XX в.)

Великая Отечественная война нанесла огромный ущерб во многих сферах, в том числе и в области культуры. В Курском регионе в 1940 г. было: Домов культуры – 51, сельских клубов – 30, колхозных клубов – 400. В 1943 г., после освобождения Курской области от немецко-фашистских захватчиков, здания всех сельских и колхозных клубов оказались разрушенными, сохранились только 32 Дома культуры и 956 изб-читален [8, с. 65]. Причем все они требовали капитального ремонта. Гитлеровские захватчики причинили колоссальный ущерб библиотекам области. Большинство их было полностью уничтожено. Библиотечную сеть и книжные фонды пришлось, по существу, создавать заново [9, с. 381].

Такая ситуация сложилась во многих районах области, и Глушковский район не стал исключением.

В 1944–1945 гг. приоритетным стал вопрос о полном восстановлении сети культурных учреждений до предвоенного уровня. Для решения данной задачи организациям, руководившим учреждениями культуры Курской области, государством были выделены значительные финансовые средства [8, с. 65]. Однако не всегда денежные потоки направлялись в нужное русло. К примеру, в 1951 г. в Глушковском районе из 96,8 тыс. руб., отпущенных на оборудование, хозяйственные расходы культурно-просветительных учреждений, приобретение книг и т. д., израсходовано было только 57,8 тыс. руб., или 58 % [4, л. 77].

Тем не менее, уже в 1943 г., практически сразу же после освобождения области от немецко-фашистской оккупации, начались ремонтно-восстановительные мероприятия в сфере культуры, которые были направлены, в первую очередь, на скорейшее возобновление работы учреждений, сумевших сохраниться. В первые месяцы после освобождения по всей области развернули активную деятельность творческие коллективы, как на стационаре, так и на выезде. Также открываются колхозные клубы, в которых колхозники читают газеты, слушают доклады и лекции. Клуб становится центром агитационно-массовой и культурно-просветительской работы. В деревнях и селах Курской области силами колхозников ремонтируются помещения изб-читален и красных уголков, комсомол и учителя сельских школ организуют работу драматических и хоровых кружков, художественные чтения, проводят семинары в соседних районах, описывая свою культурно-массовую работу [8, с. 67].

К пропаганде достижений советской культуры привлекалась сельская интеллигенция. К 1950 г. в районе действовало 16 сельских

лекториев, которые объединили 160 лекторов. Ими было прочитано 1080 лекций разнообразной тематики [6, л. 62]. Отмечается хорошая работа лекториев при Звановском, Нижне-Мордокском, Карыжском сельсоветах. Оживилась работа, чаще проводятся читательские конференции, литературные вечера, чтение книг и газет. Каждый месяц проводились двухдневные семинары по обучению кадров, в т. ч. по вопросам клубной и библиотечной работы. Выделяются такие опытные работники культуры, как Дармина (Попово-Лежачи), Румянцева (Ржава), Бондаренко (Сухиновка). Построены клубы в колхозах: «Красный Октябрь», «Красный путиловец», «Свобода», «31-й ударник», имени Ворошилова, «Борец революции» [5, л. 63].

К 1950 г. по области насчитывалось 964 клуба [10, с. 116]. В Глушковском районе в этот период было всего 58 культурно-просветительских учреждения [3, л. 78]. Однако в документах данного периода отмечается неудовлетворительная работа многих районных учреждений культуры, в частности изб-читален (Карыжской, Дроновской, Кобыльской, Глушковской, Юрасовской и др.), библиотек (Коровяковской, Кулбюакинской, районной), сельских клубов (Сухиновского, Коровяковского, Алексеевского), Домов культуры. Отсутствовали местные кружки самодеятельности. В Домах культуры работа сводилась к проведению вечеров-танцев. Помещения клубов, изб-читален находились в запущенном состоянии, в течение нескольких лет не белились стены помещений, окна были разбиты, а крыши протекали [2, л. 67].

За год районный отдел культуры несколько улучшил свою работу. На период весеннего сева были организованы 21 библиотека-передвижка, книги регулярно обменивались, в тракторные отряды доставлялись газеты [10, л. 100]. Было создано 19 библиотек, проводились читательские конференции. Закончено строительство трех колхозных клубов (Карыжского, Теткинського и Будкинского). Отремонтированы все избы-читальни и 11 сельских библиотек. Увеличился книжный фонд, количество читателей и книговыдач. Неизмеримо рос объем массовых мероприятий: читательские конференции, литературные вечера, библиографические обзоры [7, с. 83]. Но все же оставались еще существенные недостатки в работе культурно-просветительских учреждений: частая сменяемость работников библиотек, клубов, изб-читален, отсутствие контроля [6, л. 101].

Продолжало развиваться в районе и народное творчество. В Курске в 50-е гг. был издан сборник «Песни курских композиторов», в котором наряду с произведениями известных курских музыкантов были помещены песни «О знатной доярке Ирине Чалой», уроженке Глушковского района. Тексты песен были созданы местным коллективом районного Дома культуры [7, с. 71]. В артели «Светлая заря» был организован цех по изготовлению глиняных изделий, который прекратил свою деятельность только в 1970 г.

В зданиях многих церквей района открывали клубы, строили сцены. Здесь проходили концерты художественной самодеятельности, подготовленные к советским праздникам 7 ноября, 8 Марта и другим. Самодеятельными артистами были в основном колхозные активисты – комсомольцы и школьники. Нечасто выступали приезжие профессиональные артисты. В клубах проводили общие колхозные, партийные и комсомольские собрания, пионерские сборы. Молодежь устраивала танцы, сначала под гармошку, баян и патефон, а со временем под проигрыватель.

По вечерам в клубах демонстрировались фильмы различной тематики – от просветительских в сфере сельского хозяйства до художественных кинолент. В конце 40-х – начале 50-х гг. в села киноаппарат и ленты привозили из районной киносети. Сначала аппараты, привозимые из киносети, работали от динамической машины. Это устройство, вырабатывающее электричество, приходилось зрителям по очереди крутить вручную. В селе Званное в 60-х гг. установили два киноаппарата, и фильмы стали демонстрировать без перерыва. Киносеансы стали детскими и взрослыми, стоимость билета для детей была 5 коп., а для взрослых – 20 [1, л. 71].

Таким образом, после освобождения Глушковского района от гитлеровских войск начался период восстановления разрушенного хозяйства и культуры. Данный процесс был неоднозначным и несколько затянутым, однако уже к 1951 г. отмечаются значительные изменения в культурной жизни района. Были восстановлены многие культурно-просветительные учреждения, а также построены новые. Население под воздействием партийной агитации массово присоединяется к культурным мероприятиям, повышает собственный уровень просвещенности и грамотности.

Источники и литература

1. Государственный архив общественно-политической истории Курской области (далее – ГАОПИ КО). Ф. П-69. Оп. 1. Д. 43.
2. ГАОПИ КО. Ф. П-69. Оп. 1. Д. 930.
3. ГАОПИ КО. Ф. П-69. Оп. 1. Д. 1226.
4. ГАОПИ КО. Ф. П-69. Оп. 1. Д. 1248.
5. ГАОПИ КО. Ф. П-69. Оп. 1. Д. 1136.
6. ГАОПИ КО. Ф. П-69. Оп. 1. Д. 1376.
7. 1917-1957. Статьи, воспоминания, очерки. Под ред. Т.Н. Архипова. Курское книжное издательство. – Курск, 1957. – 437 с.
8. Атреева Е.Г. Культурная жизнь Курской области после освобождения региона (1943–1945 гг.) // Вклад регионов России в великую победу 1945 года: материалы Всероссийской научно-практической

конференции. Курск, 29 мая 2015 г. / под ред. В.Л. Богданова. – Курск: ООО «Центр рекламы «Лоцман», 2015. – С. 65–70.

9. Курская область. Экономико-географический очерк / под ред. С.М. Филиппова. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное изд-во, 1966. – 479 с.

10. Народное хозяйство Курской области за 50 лет (статистический сборник). – Курск, 1984. – 426 с.

Ю. В. Озеров,

кандидат исторических наук,

доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин

ЧОУ ВО «Курский институт менеджмента, экономики и бизнеса»

КАЗИМИР МАЛЕВИЧ В КУРСКЕ: СТАРЫЕ МИФЫ И НОВЫЕ АРХИВНЫЕ ФАКТЫ

Творческая жизнь всемирно известного художника, основателя супрематизма в живописи Казимира Севериновича Малевича (1879–1935) содержит много тайн и загадок. Его картины для искусствоведов и ценителей незаурядной подачи различных образов, несмотря на сделанные специалистами серьезные и глубокие исследования по ним, еще долго будут предметом обсуждений, дискуссий и споров о достоинствах, философских смыслах и времени их создания.

С исторической точки зрения немалый интерес представляет не только, да и, рискнем сказать, не столько творческое наследие знаменитого художника, сколько события жизненного пути самого К. Малевича, его влияние на современную ему эпоху, равно как и влияние того уходящего времени, в котором он жил, на него самого. Эта пора больших изменений и потрясений в традиционном укладе и жизни русского общества конца XIX–начала XX столетий сформировала, скорее от противного, необыкновенную личность живописца.

И здесь стоит уделить особое внимание важной роли курского периода начинающего на тот момент жизни живописца, который фактически сформировал К. Малевича как художника. В главах своей автобиографии он, в частности, о себе писал: «В городе Курске выковывалась точка зрения на искусство» [9, с. 27]. Более того, здесь, как свидетельствовал будущий основоположник супрематизма, он стал одним из организаторов курского общества любителей искусств, которое устраивало ежегодные выставки, приглашая и столичных художников [9, с. 27].

Об этом важном этапе становления Малевича в живописи мы знаем, как ни парадоксально, одновременно и много, и мало. Много – потому что об этой поре сам художник оставил достаточно подробные мемуары (хотя

желал написать гораздо больше), послужившие серьезной основой для научных искусствоведческих трудов. Кроме того, имеются ценные воспоминания его родных и личные документы. Мало же мы знаем о курской жизни Малевича, так как местные архивные свидетельства на этот счет крайне скудны. Они представляют собой данные метрик Курского римско-католического костела (венчание, рождение сына Георгия) [6] и налоговое заявление домовладелицы ул. Почтовой А.Л. Клейн, где отмечен проживавший на январь 1905 г. Казимир Малевич [4, л. 142–144]. Некоторые материалы, иллюстрирующие творческую, выставочную деятельность художника, находятся в частной галерее «АЯ» О.М. Радиной.

На этой основе, в сущности, и строятся современные представления о жизни художника в Курске, которые нашли свое широкое отражение в средствах массовой информации.

В то же время приходится констатировать, что в многочисленных публикациях о курском периоде жизни К. Малевича и в общественном сознании до сих пор нет достоверного, четкого и обоснованного представления в ответе на вопрос, где он жил, когда работал в Управлении Московско-Киево-Воронежской железной дороги. Чаще всего, если спросить об этом наших современников, которые могут быть в теме, прозвучит адрес одного из домов (ошибочного 17-го или достоверного 13-го) на ул. Почтовой. Однако мало кто удосужится конкретизировать время, когда именно проживал Малевич (подразумевая и другие адреса за иные годы). Большинство скорее сочтет, что квартира его здесь находилась постоянно.

Подобного рода суждения, представления, не основанные однако на архивных данных и историческом анализе, мы и называем «мифами» (с др.-греч. – речь, предание). Как правило, современные исторические мифы отличаются устойчивым характером, трансляцией через СМИ, определенной опорой на ряд социальных авторитетов в отсутствие альтернативной информации.

Курская биография К. Малевича, на наш взгляд, требует особо пристального и критического изучения. Ее исследование на основе архивных материалов может прояснить и такие тонкие вопросы как время поступления на службу, особенности карьеры и конкретное местонахождение работы.

Итак, где и когда жил в Курске Казимир Малевич? Начнем с того, что по его собственным воспоминаниям, переезд в город состоялся в 1896 г. [9, с. 25]. В своих мемуарах художник не называет никаких адресов. Единственным известным документом из фондов Государственного архива Курской области, где присутствует имя художника с адресом проживания, является поступившее 4 января 1905 г. в городское присутствие по квартирному налогу заявление дворянки А.Л. Клейн, в котором был указан ее дом на ул. Почтовой. Прояснению номера дома на этой улице

посвящена наша статья в сборнике «События и люди в документах курских архивов» 2012 г. [12].

Несколько поздних курских адресов известны из писем художника. Они помещены в изданном в 2004 г. двухтомнике «Малевич о себе. Современники о Малевиче: Письма, документы, воспоминания, критика». По этим данным, на 8 августа 1905 г. он проживал по улице 1-й Лазаретной в доме № 45 [9, с. 386], а на 30 июня 1906 г. в доме мещанина Бирюкова по улице Золотой [9, с. 387].

К сожалению, оба этих дома до наших дней не сохранились. Первый, соответственно, находился на нынешней ул. Димитрова. Он был второй от угла ул. Чикинской (ныне Ватутина), не переходя ее [5, л. 47 об.]. Одноэтажный дом Бирюкова по Золотой улице до 1928 г. имел № 12 [5, л. 135 об.], а после – № 14 [7, л. 42]. Этот скромный домик простоял до середины 2000-х гг.

Но где же все-таки проживал К. Малевич в течение большей части своего периода жизни в Курске до начала отъездов в Москву?

Чтобы приблизиться к ответу на этот главный вопрос, обратимся к документам Государственного архива Курской области из фонда 143 – «Курское губернское податное присутствие и податные инспектора». Здесь имеется налоговое заявление от 3 января 1902 г. владелицы дома с улицы Пастуховской (ныне – Белинского) № 44 Аграфены Павловны Кушнаренок [3, л. 191]. В нем она отметила проживающего в квартире № 2 Северина Антоновича Малевича [3, л. 191 об.]. Квартира хозяйки размещалась в дворе флигеле, а сам наниматель жил в одноэтажном доме с обращенными на улицу тремя окнами и столькими же во двор. В квартире С.А. Малевича было четыре комнаты, одна кухня и одна передняя [3, л. 192].

Впервые к данному архивному делу мы обратились еще в 2001 г., а затем снова спустя два года зафиксировали извлеченную информацию, которая, хотя в научный оборот и не была введена, но получила определенную известность. Выявленный нами адрес на тот момент не был осмыслен как однозначное и определенное место жительства 23-летнего К. Малевича. Это не позволяла сделать, в частности, потенциальная возможность найти имя художника по другим адресам в иных источниках, а также неполная сохранность соответствующих документов по I-й и особенно по III-й (где и находилась Пастуховская ул.) частям города. Позднее к нам пришло понимание и того, что налоговое законодательство не требовало от домовладельца в заявлениях, направляемых в городское по квартирному налогу присутствие, указывать членов семей квартиросъемщиков. В то же время наш многолетний опыт работы с другими архивными источниками на настоящее время не позволил обнаружить какие-либо иные адреса с указанием имени художника или его отца.

В том, что вероятнее всего именно на Пастуховской улице и прошла значительная часть курской жизни К. Малевича, тесно связанного с родителями, братьями и сестрами, нас убеждают также следующие обстоятельства.

Во-первых, наличие в снимаемом доме четырех комнат. Вряд ли выбор жилища для большой семьи [10, с. 5] С.А. Малевича был рассчитан на кратковременную перспективу. В то же время после вступления в брак старших братьев (Казимира и Мечислава) в доме становилось особенно тесно. Неизбежно в такой ситуации, очевидно, поднимался вопрос о поиске членам семьи в их взрослой жизни своей отдельной жилплощади.

Во-вторых, практически напротив дома Кушнарченко-Малевичей по ул. Пастуховской, 33 проживал в собственном доме художник В.В. Голиков (1875–1939) [7, л. 111], о котором автор «Черного квадрата» вспоминает в своей автобиографии [9, с. 26].

В-третьих, стоит обратить внимание на общую принадлежность в административно-полицейском плане к III-й части города дома Кушнарченко и Управления МКВжд на Авраамовской (ныне – Добролюбова) ул., где служил К. Малевич. Очевидно, его путь на работу мог проходить по улицам: Пастуховской (Белинского), Троицкой (Пионеров), Золотаревской (Гайдара), Старо-Преображенской (С. Перовской), Ново-Преображенской (Красной Армии). Другой возможный маршрут на службу мог проходить вниз от дома, по нынешней Нижне-Луговой ул. и вдоль берега р. Тускарь к Генеральной Бурнашевской площади (ныне – пл. Добролюбова), на которую и выходила Авраамовская улица [18, с. 19, 21–22, 385]. Путь до костела был не близким и требовал восхождения на гору.

Следует также отметить, что вследствие изменения нумерации домовладений в 1928 г. по Пастуховской ул., бывшая усадьба А.П. Кушнарченко, принадлежавшая на тот момент времени Ф.Д. Смахтину, получила новый № 46 [7, л. 111 об.]. К сожалению, этот памятный дом не сохранился.

Таким образом, не столько участок ул. Почтовой (между ул. Радищева и Димитрова), сколько пространство ул. Белинского, от Пионеров до Нижней Луговой, можно с большим основанием считать «историческим кварталом» К. Малевича.

Интересным также является вопрос о времени поступления художника на службу в Управление Московско-Киево-Воронежской железной дороги. Об этом сам основатель супрематизма в своих мемуарах не пишет и, кажется, будто в том же 1896 г., когда семья переехала в Курск, и состоялось принятие его на работу (т.е. в возрасте 17 лет). Эта дата, в частности, фигурирует в Большой Курской энциклопедии [13].

О том, когда же в действительности состоялось поступление К. Малевича на работу, свидетельствует соответствующий документ из сборника приказов по данному учреждению. Произошло это при

управляющем Московско-Киево-Воронежской железной дорогой инженером С.В. Мошковым. Приказом № 86 от 28 июля 1898 г. (!) в разделе «О переменах в личном составе служащих» сообщалось об определении на службу чертежниками «конторы службы пути» с 1 июня трех человек: «А. Кушнарченко, К. Малевич и С. Пазиненко» [14]. Первому из них устанавливалось годовое жалованье в 300 руб., второму – 240 руб., а третьему – 480 руб.

Таким образом, К. Малевич поступил на службу в Управление МКВЖД в возрасте 19 лет.

Примечательно, что среди коллег по чертежной работе фигурирует А. Кушнарченко, который возможно находился в родственной связи с домовладелицей Пастуховской улицы, где жила семья С.А. Малевича. Однако проработал Кушнарченко недолго. С 1 августа того же года он был уволен от службы (фамилия его была напечатана как «Кушниренко») [16].

Среди устойчивых представлений в научных трудах и общественном сознании о работе К. Малевича в Управлении Московско-Киево-Воронежской железной дороги присутствует убеждение, что на службе он был чертежником. Однако понимание его как человека, который в кругу своих дел (за что получал жалованье) занимался только чертежами, как показывают выявленные нами документы, было бы неполно.

Обратимся к приказу № 105 по Московско-Киево-Воронежской железной дороге от 3/4 сентября 1901 г. управляющего С.В. Мошкова, где в разделе «О переменах в личном составе служащих за июль» содержится неожиданная, вопреки распространенному представлению, информация. Здесь сообщается об увеличении жалованья до годового оклада в 480 руб. «г. Малевичу Казимиру Архивариусу техн. отд.» (!) [15].

Вероятно, художник совмещал функции чертежника и архивариуса технического отдела службы пути, в которой работал. Очевидно радость от этой новой деятельности он не испытывал и в последующих документальных упоминаниях он фигурирует как «чертежник», видимо, добившись снятия с себя далеких от художественных интересов архивных полномочий.

Снова в должности чертежника мы находим К. Малевича в приказе № 62 от 28 апреля 1902 года. В разделе «О переменах в личном составе служащих за март» сообщается об увеличении ему жалованья как «Чертежнику» до 600 руб. в год с 1 числа [1, л. 154, 160].

После вступления в брак и смерти отца это прибавление да еще в кризисное время в стране было весьма кстати. Вместе с ним до этой же суммы жалованье было повышено и другим чертежникам службы пути: Евгению Бунину и Александру Мухину [1, л. 154, 160].

Зададимся еще одним вопросом, ответ на который, казалось бы, давно уже дан. Где, в каком здании работал чертежником и архивариусом Казимир Малевич?

Распространенный и традиционный ответ на это известен – в здании, где сейчас находится Управление ФСБ по Курской области на ул. Добролюбова (бывшей Авраамовской) № 5 [19, с. 237]. Ярким и внешне убедительным основанием этому служит дореволюционная видовая открытка с соответствующей подписью, запечатлевшая это строение во всем великолепии [18, с. 188].

Современная мемориальная доска сообщает время возведения здания Управления МКВЖД: 1897–1902 гг. Согласно Краеведческому словарю-справочнику, оно создавалось в 1902–1903 гг. [11].

И здесь возникает закономерный вопрос при всех разночтениях в датах, как мог К. Малевич начать работать с 1898 г. в здании, строительство которого еще не было завершено?

Однако если обратиться к историческим источникам, то выяснится, что у Управления Московско-Киево-Воронежской железной дороги на Авраамовской улице было два здания, которые строились во второй половине 1890-х гг. и оценивались в 50 тыс. и 15 тыс. руб. соответственно [2, л. 1, 9 об., 19].

Обратимся к Путеводителю по городу 1901 года. Об интересующем нас месте находим следующую информацию: «На <...> Авраамовской обращает на себя внимание громадное трех-этажное, красивой архитектуры, здание Управления Московско-Киево-Воронежской железной дороги и напротив его другое здание того-же управления, построенное на месте сгоревшего в 1892 году дома, где был военный клуб» [17, с. 38].

Из этого свидетельства вытекает, что существующее строение по ул. Добролюбова, 4, занимаемое ныне Детской школой искусств № 4, также принадлежало структурам Управления МКВЖД. Оно предназначалось для служб [19, с. 234] и построено было раньше второго большого здания, формами и убранством которого так впечатлялись авторы путеводителя 1901 г.

Железной дороге протяженное строение по ул. Добролюбова, 4 принадлежало и после революции, в 1920-е гг. [7, л. 35]. Позднее здесь был устроен Железнодорожный техникум. О нем в соответствующей статье В.К. Ларина, А.Н. Манжосова и А.Л. Мелентьева краеведческого словаря-справочника говорится: «В 1935 г. техникум был переведен в здание по ул. Добролюбова, 4 (здание службы пути бывшей Московско-Киево-Воронежской ж. д.)» [8]. Напомним, что именно в службе пути Управления МКВЖД как раз и трудился К. Малевич.

Таким образом, у нас есть достаточные основания считать здание по ул. Добролюбова, 4 тем подлинным местом, где работал и реализовывал свои профессиональные таланты знаменитый художник.

Тема курского периода жизни К. Малевича продолжает еще оставаться до конца неисчерпанной и требует дальнейшего изучения.

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. 46. Оп. 36. Д. 1.
2. ГАКО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 877.
3. ГАКО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 318.
4. ГАКО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 155.
5. ГАКО. Ф. 195. Оп. 1. Д. 12.
6. ГАКО. Ф. 1621. Оп. 1. Д. 14.
7. ГАКО. Ф. Р-866. Оп. 1. Д. 266.
8. Ларин В.К., Манжосов А.Н., Мелентьев А.Л. Техникум железнодорожного транспорта // Курск. Краеведческий словарь-справочник. – Курск, 1997. – С. 387.
9. Малевич о себе. Современники о Малевиче: письма, документы, воспоминания, критика: в 2 т. / Авт.-сост.: И.А. Вакар, Т.Н. Михиенко. – М.: РА, 2004. – Т. I. – 582 с.
10. Малевич о себе. Современники о Малевиче: письма, документы, воспоминания, критика: в 2 т. / Авт.-сост.: И.А. Вакар, Т.Н. Михиенко. – М.: РА, 2004. – Т. II. – 679 с.
11. Манжосов А.Н. Московско-Киево-Воронежская железная дорога // Курск. Краеведческий словарь-справочник. – Курск, 1997. – С. 244.
12. Озеров Ю.В. К вопросу о месте «дома Малевича» // События и люди в документах курских архивов. В 2-х ч. Ч. 1 / под ред. В.Л. Богданова. – Курск, 2012. – С. 82–86.
13. Погребская Н.М. Малевич Казимир Северинович (11.02.1878, Киевская губ. – 15.05.1935, Ленинград) – живописец // Большая Курская энциклопедия. – Курск, 2005. – Т. 1. – Кн. 2. – С. 48.
14. Приказ № 86 по Московско-Киево-Воронежской ж. д. // Приказы по М.-К.-В. ж. д. 1898 г. – Курск, 1898. – С. 1–2.
15. Приказ № 105 по Московско-Киево-Воронежской железной дороге // Приказы по М.-К.-В. ж. д. за 1901 г. – Курск, 1901. – С. 9.
16. Приказ № 113 по Московско-Киево-Воронежской ж. д. // Приказы по М.-К.-В. ж. д. 1898 г. – Курск, 1898. – С. 5–6.
17. Путеводитель по городу Курску [Приложение] / Сост. А.А. Танков и Н.И. Златоверховников // Курский сборник с путеводителем по городу Курску и планом города. – Курск: Тип. губ. правл., 1901. – Вып. I. – 42 с.
18. Склярук В.И., Логачев Н.Ф., Озеров Ю.В. Старые курские открытки: Каталог иллюстрированных почтовых карточек 1899–1930 годов с объяснением видов города. – Курск: Изд-е краевед. фонда им. В.Ф. Тихонова галереи «АЯ», 2005. – 385 с.
19. Степанов В. «Пешком по городу» – Путеводители по историческому центру г. Курска. – Курск: ОАО «ИПП «Курск», 2006. – 386 с.

Г. Д. Пилишвили,
*кандидат исторических наук,
доцент, доцент кафедры социологии и политологии
ФГБОУ ВО «Курский государственный университет»*

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИСТРЕБИТЕЛЬНЫХ БАТАЛЬОНОВ НКВД НА ТЕРРИТОРИИ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ В 1941 г.

Формирование истребительных батальонов в Курской области началось в конце июня 1941 г., после того, как 24 июня Совет Народных Комиссаров СССР принял два постановления: «Об охране предприятий и учреждений и создании истребительных батальонов» и «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами, диверсантами противника в прифронтовой полосе» за номером № 299. Истребительные батальоны создавались для борьбы с вражескими диверсантами, шпионами, лазутчиками, охраны объектов военного значения, промышленных предприятий, имущества колхозов, совхозов, машинно–тракторных станций, мостов, предприятий связи, коммунального хозяйства.

26 июня 1941 г. на заседании бюро Курского обкома ВКП(б) и исполкома облсовета депутатов трудящихся было принято постановление о борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе.

Структура истребительных батальонов строилась по армейскому образцу. В зависимости от численности они состояли из 3–9 взводов, иногда делились на 2–3 роты (Старооскольский, Ракитянский и некоторые другие). Все батальоны, за исключением истребительных батальонов г. Курска, имели в своем составе конные группы численностью 15–25 всадников [2, л. 3]. Например, батальон Шебекинского района включал в свой состав 4 стрелковых взвода и один кавалерийский, общей численностью 150 человек. Ежедневно один из взводов нес дежурство при РО НКВД, где располагался и штаб истребительного батальона [3, л. 31]. В составе Борисовского истребительного батальона, помимо стрелковых и кавалерийских взводов, имелось санитарное отделение из 18 человек [4, л. 161].

Батальоны формировались на добровольческой основе, из числа тех, кто по разным причинам (состояние здоровья, возраст и т. д.) не подлежал мобилизации в армию. Среди бойцов-истребителей были рабочие, колхозники, служащие, представители интеллигенции, студенты, выпускники школ – допризывники. Командирами назначались оперативные работники районных отделов НКВД, их заместителями по политической части – лица, имевшие опыт партийно-политической работы (как правило, ими являлись работники и члены районных

комитетов партии). В истребительных батальонах состояли в основном мужчины, но были и женщины.

В большинстве случаев батальоны были сформированы из лиц, проживавших в райцентре или в населенных пунктах, расположенных от него в радиусе 7–8-ми километров, что обеспечивало быстрый сбор личного состава по тревоге. В тех случаях, когда отдельные взводы дислоцировались на значительном удалении от райцентра (до 15–20 км.), батальоны испытывали трудности, поскольку обеспеченность их средствами передвижения не всегда была удовлетворительной. Особенно не хватало автомашин: по расчету, направленному в районы председателем облисполкома В. В. Волчковым, к истребительным батальонам должно было быть прикреплено 211 грузовых машин, но на 25 июля их было всего 118. К тому же часть из них требовала ремонта, не была обеспечена шоферами (в одном из батальонов Курска на 6 машин имелось только 2 шофера) и бензином. Лучше обстояло дело с обеспечением истребительных батальонов гужевым транспортом. Однако если по количеству его было вполне достаточно, то из-за плохого качества лошадей и телег скорость передвижения частей была ниже, чем при следовании пешим порядком. Всего же на конец июля к истребительным батальонам было прикреплено 118 грузовых и 29 легковых машин, 23 мотоцикла, 699 велосипедов, 960 пароконных повозок и 1087 верховых лошадей [2, л. 3, 6, 16].

Для вооружения истребительных батальонов Курской области со складов артиллерийского управления РККА, складов войск НКВД и от Осоавиахимовских организаций было получено:

1. Станковых пулеметов – 8;
2. Ручных пулеметов – 20;
3. Винтовок модернизированных кавалерийских и пехотных – 6 668;
4. АВС (самозарядных) – 2 167;
5. Винтовок иностранного образца – 155;
6. Карабинов – 61;
7. Револьверов – 15;
8. Гранат РГД-33 – 10 000;
9. Клинков кавалерийских – 1 382;
10. Боепатронов винтовочных – 1 115 000;
11. Боепатронов револьверных – 3 048 000 [2, л. 16].

Помимо этого для довооружения батальонов на местах использовались малокалиберные винтовки в количестве 345 штук и 1 174 охотничьих ружей, собранных у местного населения. Естественно, количество оружия и боеприпасов постоянно изменялось из-за участия истребительных батальонов в боевых операциях, передачи некоторой части оружия народному ополчению, частям Красной Армии. Особенные трудности были связаны со снабжением истребительных

батальонов предметами снаряжения: противогазами, шанцевыми инструментами и т. д. [2, л. 4–5].

Работа по дальнейшей организации истребительных батальонов велась активно. 11 августа 1941 г. по докладу А. Г. Климина на заседании бюро Курского обкома ВКП(б) было решено:

1. Предложить вместо ежедневных учебных занятий истребительных батальонов проводить занятия три раза в неделю (10 часов), используя выходные дни для занятий в поле.

2. Для несения ночных дежурств при штабах истребительных батальонов выделять дежурную часть в количестве 9–11 человек.

3. Обязать командиров батальонов наладить регулярное проведение политико-воспитательной работы среди бойцов подразделений.

4. В целях повышения качества боевой подготовки истребительных батальонов командирам батальонов вести командирскую учебу.

5. Предложить секретарям РК ВКП(б) и председателям исполкомов райсоветов организовать на местном уровне изготовление и приобретение недостающего военного снаряжения и имущества.

6. Предложить партгруппе исполкома облсовета разрешить вопрос в части финансирования истребительных батальонов на оперативные нужды.

7. Предложить Управлению НКВД ввести порайонную систему оповещения бойцов истребительных батальонов (единую как для сбора по боевой тревоге, так и для учебного сбора), не смешивая с сигналами ПВХО, пожарными сигналами и др. [5, л. 59–61].

Для обеспечения боевой подготовки личного состава истребительных батальонов был составлен план в объеме 258 учебных часов. Кроме того, на подготовку медработников отводилось 56 часов. В соответствии с учебным планом была разработана программа по всем дисциплинам, на основе которой было составлено расписание занятий на 10–15 дней. Занятия были установлены: а) для бойцов, расположенных на казарменном положении – 10 часов в сутки; б) для бойцов, которые призывались в батальоны без отрыва от производства – 8 часов в неделю в установленные расписанием часы [2, л. 7]. В письме облисполкома УНКВД, направленном в районы области, отмечалось еще с 1 июля 1941 г., что «вся работа, связанная с организацией и деятельностью истребительных батальонов, не должна отрывать личный состав... от исполнения производственных и служебных обязанностей» [6, с. 43]

Основной задачей при обучении бойцов истребительных батальонов было: добиться умения ведения одиночного и группового огня из образцов оружия, состоявшего на вооружении; ведение штыкового боя, в технике метания гранат и уничтожения танков; в наступательных действиях в составе подразделения, взвода и батальона, сочетая огонь и движение; в самоокапывании и приспособлении к обороне местных предметов; в преследовании отступающего противника, его окружении и уничтожении; ведение оборонительного огня в полевых условиях и населенном пункте,

действия в условиях воздушного и химического нападения и опознания типов вражеских самолетов, в подрыве технических сооружений.

Так, например, с 3 июля по 15 августа программой занятости предусматривалось:

- строевая подготовка – 12 часов;
- рукопашный бой – 8 часов;
- посадка на машины – 2 часа;
- огневая подготовка – 4 часа;
- изучение оружия – 14 часов;
- знакомство с типами самолетов – 2 часа.

Политическая подготовка – 32 часа. Итого – 98 часов. Кроме того, по политической подготовке батальонам был дан перечень тем для проведения бесед, информации и докладов во внеучебное время [2, л. 8].

Боевая подготовка бойцов истребительных батальонов проводилась с учетом методов и способов борьбы Красной Армии с фашистскими захватчиками. В целях контроля и оказания практической помощи в районы расположения батальонов выезжали инспекторы и оперативные работники 4-го отдела УНКВД Курской области [1, л. 20].

Всю работу по созданию и организации деятельности истребительных батальонов приходилось совершать в короткие сроки, времени на раздумье было мало, вследствие чего допускались перегибы и ошибки, о которых шла речь на заседании бюро Курского обкома ВКП(б) от 29 июля 1941 г.

Подводя итог, отметим, что комплектование истребительных батальонов в основном было завершено к 29 июня 1941 г. По численному составу батальоны были неодинаковы, например, наименьшим по численности являлся батальон в Солнцевском районе, состоявший из 80 человек. Самый большой батальон – Обоянский – насчитывал 386 человек, это усложняло организацию и управление таким количеством людей. Для их формирования и осуществления полноценной тактической и оперативной деятельности были использованы общевойсковые принципы организации, доказавшие в дальнейшем свою эффективность.

Источники и литература

1. Архив УВД по Курской области (А УВД КО). Ф. 38. Оп. 7. Д. 8.
2. Государственный архив общественно-политической истории Курской области (ГАОПИ КО). Ф. П–1. Оп. 1. Д. 2773.
3. ГАОПИ КО. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 2776.
4. ГАОПИ КО. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 2785.
5. ГАОПИ КО. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 2616.
6. Манжосов А.Н. Нас покориться никто не заставит // Курский край: Научно-исторический журнал. – Курск, 2000. – № 3 (12). – С. 38–47.

ВЛИЯНИЕ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА ЖИЗНЬ В КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ (ПО ДОКУМЕНТАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА КУРСКОЙ ОБЛАСТИ)

Первая русская революция 1905–1907 гг., вспыхнувшая в результате расстрела демонстрации рабочих в Санкт-Петербурге, прокатившись по стране, затронула большую часть губерний и практически все слои населения. Рост протестных настроений, стачечного движения, демонстраций, выступления рабочих, студенчества, крестьян, демократической части интеллигенции, появление в печати революционных статей и лозунгов – все это проявление Первой русской революции.

Конечно же эти события затронули и Курскую губернию. О революционных настроениях в Курской губернии можно судить по документам Курского окружного суда (Фонд 32), Прокурора Курского окружного суда (Фонд 795), Курского губернского жандармского управления (Фонд 1642). В частности, документы названных фондов сообщают исследователю о разгромах и поджогах дворянских усадеб, домов дворян и купцов, о митингах и сходках, о революционной агитации и пропаганде, о подпольных типографиях и других проявлениях революционных настроений среди населения в указанный период.

Например, в одном из дел Курского окружного суда содержатся сведения о рассмотрении вопроса о подсудности дела сельского писаря Афанасия Никулина, обвиненного в распространении листовок, призывающих к стачке. Писарь обвиняется в совершении преступления, предусмотренного Ст. 130 Уголовного Уложения о наказаниях. В деле сообщается, что Афанасий Никулин в июне 1906 г. разместил на стенах ограды экономии генерала Струкова в с. Линец Фатежского уезда прокламации, призывающие рабочих к проведению стачки для поднятия заработной платы и улучшения быта [2, л. 4].

О проявлении недовольства среди крестьян говорят события июня 1906 г. в Безсоновской волости Белгородского уезда. В частности, здесь толпа крестьян д. Кобелевка во главе с Яковом Семёновичем Карпенко 29 июня 1906 г. сорвала сельскохозяйственные работы в экономии Воскресеновского свеклосахарного завода. Проведя переговоры с управляющим и не получив положительного ответа относительно аренды земли, крестьяне направились в казармы, где размещались экономические рабочие и в ультимативной форме потребовали от них прекратить работы и уйти из экономии. По свидетельству управляющего экономии Романенко, многие рабочие действительно самовольно прекратили работу и попросили расчет. Крестьянин Яков Карпенко – инициатор указанных

действий, был обвинен по ст. 200 Уголовного Уложения о наказаниях и ч. 2. ст. III Закона 15 апреля 1906 г. Судя по документам, заседания окружного суда по делу Карпенко проходили неоднократно, но подсудимый, несмотря на многочисленные повестки, не являлся и в итоге был объявлен в розыск. Окончательное решение по указанному делу было вынесено лишь 22 декабря 1908 г.: Яков Карпенко был признан виновным по предъявленным обвинениям и подвергнут аресту при полиции сроком на две недели с возложением на него судебных издержек. Несмотря на то, что закон предусматривал наказание от двух до четырех месяцев ареста, суд значительно снизил срок лишения свободы, принимая во внимание невежество подсудимого [1, лл. 53–54]. Похожие действия совершил крестьянин с. Моква Курского уезда Иван Леонтьевич Переверзев, в июне 1906 г. явившийся в экономию землевладельца Волкова и требовавший, чтобы рабочие прекратили работу и покинули экономию [9, л. 8].

Революционные выступления крестьян отмечены в рапортах уездных исправников Щигровского уезда. В частности, 14 июня 1906 г. крестьяне д. Болотовой во главе с сельским старостой Тимофеем Сиридиным и крестьяне д. Соловьевки Никольской волости самовольно вошли во двор имения Рындино, принадлежащего Оптиной пустыни, разогнали рабочих и сами ушли, благодаря чему сельскохозяйственные работы были приостановлены. Или другой случай: в ночь на 20 июня 1906 г. в экономию землевладелицы Марковой при д. Николаевке Мелехинской волости явилась толпа крестьян этой деревни. Крестьяне сломали замкнутые ворота, ведущие в сад, забрались в сад и под угрозой арендатору сада стали обрывать крыжовник, чем принесли экономии убыток в 20 рублей [10, л. 2].

Рапорты уездных исправников, содержащиеся в фонде Прокурора Курского окружного суда, содержат сведения о революционных выступлениях крестьян Дмитриевского уезда. В одном из них со ссылкой на заметку в газете «Курская весть» сообщается о беспорядках, произошедших в июле 1906 г. в с. Фатеевка: крестьяне предъявили владелице имения графине Сологуб «некоторые требования». Но получив отказ, послали своих жен разорять графский сад. По просьбе графини их попытались разогнать драгуны, на помощь крестьянкам явились мужчины с камнями, кольями, вилами. Столкновение привело к ранениям участников с обеих сторон, графиня бежала из имения [8, л. 7].

Часто революционные настроения крестьянской части населения находили выражение в разгромах и поджогах помещичьих усадеб. Например, крестьяне слободы Голубицкой Пригородней волости Новооскольского уезда разгромили усадьбу землевладельца В. П. Мятлева [6, л. 2]. Крестьяне слободы Ольшанка Новооскольского уезда в конце октября 1905 г. в имении князя Трубецкого, расположенном при слободе, учинили аграрные беспорядки, выразившиеся в поджоге экономических строений и расхищении экономического имущества. Такие же действия

совершили крестьяне слободы Троицкой Новооскольского уезда под предводительством Дмитрия Бузунова в отношении имения и имущества графа Орлова-Давыдова. В начале ноября 1905 г. крестьяне слободы Ольшанка Новооскольского уезда разгромили казенную винную лавку [5, л. 14].

Революционная агитация также находила отклик среди крестьян. Например, 23 июля 1906 г. в слободе Велико-Михайловке Старооскольского уезда около тысячи крестьян, собравшись во дворе Волостного правления, слушали выступление прибывшего из Петербурга депутата Григория Никитича Шапошникова и учителя Федора Сергеевича Лозового. Первый, заявив, что в ответ на требование земли для крестьян Министерство разогнало всех членов Думы, предложил не платить подати и не давать новых солдат, чтобы «только этим добиться земли». Лозовой также призывал крестьян не платить подати, не давать новобранцев и писать письма солдатам, состоящим на службе, чтобы они самовольно возвращались домой. Из дела следует, что Шапошников и Лозовой были обвинены по статье 129 Уголовного Уложения и объявлены в розыск [3, л. 3].

Активное участие в революционной агитации среди сослуживцев и крестьян принимали служащие. В частности, во время забастовок октября-декабря 1905 г. фельдшер станции Щигры Московско-Киево-Воронежской железной дороги Михаил Константинович Короткевич неоднократно обращался к своим сослуживцам, а также к сторожам и стрелочникам с призывом подписать петицию, принять участие в собрании и оставить исполнение служебных обязанностей до удовлетворения их требований. Кроме того, под предлогом охоты Короткевич ездил по деревням и раздавал крестьянам агитационные листовки. Поддержал забастовку на станции Мармыжи и Касторная, участвовал в стачечных заседаниях. Также в данном деле фигурируют помощник начальника станции почётный гражданин Александр Григорьевич Орешко, техник Георгий Семёнович Выровой, техник Степан Петрович Бибилов, телеграфист Алексей Константинович Гамов, телеграфистка Домникия Николаевна Усенкова, телеграфист Иван Михайлович Пехов, поддержавшие Короткевича словом и делом. Так помощник начальника станции Орешко обращался к сослуживцам с требованием подписать петицию и саботировать исполнение служебных обязанностей, призывал народ бороться с полицией. Выровой читал на собраниях агитационную литературу, Гамов призывал бросить работу и начать бастовать, был деятельным толкователем смысла забастовок и присоединения к Курскому комитету. Телеграфистка Домникия Усенкова отказалась принимать дежурство, ее коллега Иван Пехов предлагал подпилить все телеграфные столбы, порвать провода и начать бастовать. Также из указанного дела известно, что начальник станции Черемисиново Петр Антонович Бомбчинский во время декабрьской забастовки 1905 г. ездил в собрание железнодорожных

служащих при Управлении в г. Курске и выступал там с речью. Также указывается, что во время забастовок железнодорожные служащие активно поддерживали агитаторов и не допускали на свои собрания и митинги жандармов и унтер-офицеров [4, л. 11].

В рассматриваемый период среди населения активно распространяются революционные прокламации Центрального, Харьковского комитетов РСДРП и партии эсеров. Из сообщений Курского губернского жандармского управления известно, что 12 января 1905 г. во время студенческого благотворительного вечера с одного из балконов зала слышались свист и крики «Долой полицию», а также что теперь не время для концертов и танцев, когда в Петербурге льется кровь. На хорах были обнаружены воззвания под заглавием «Долой войну» и прокламации от Харьковского Комитета Партии социалистов-революционеров. В январе 1905 г. отмечены многочисленные случаи обнаружения в различных уголках Курской губернии прокламаций и книг антиправительственного содержания: например, крестьянин с. Мелихова Белгородского уезда Стефан Бондаренко нашел в своей кузне две книги – «Кто должен победить» изд. Центрального Комитета Российской социал-демократической революционной партии и «Во сколько обходится русскому народу война», в Белгородском депо была обнаружена прокламация Российской социал-демократической рабочей партии «Уроки войны», в которой осуждались действия правительства в интересах ненародных, а капиталистических классов, послуживших причиной войны, неподготовленность к войне и ее разорительность, а также неумелость высших военачальников. Заканчивалась прокламация словами «Свержение самодержавия откроет рабочему народу широкий простор для борьбы за полное освобождение от всего политического и экономического гнета». На станции Белгород были обнаружены наклеенные на стену две бумажки, вероятно, вырванные из записной книжки, где чернилами, подражая печатному шрифту, написано: «Долой самодержавие» и «Долой самодержавие! И да здравствует Конституция!» [7, л. 16].

В феврале 1905 г. прокламации Российской социал-демократической рабочей партии, озаглавленные «Правда и воин», были обнаружены начальником Курского артиллерийского склада. Тогда же на улицах Курска были разбросаны листовки «Российской социал-демократической рабочей партии», озаглавленные «Бюллетень-16», «Кровавые события в Петербурге» и средний лист газеты «Искра» № 72. Офицеры 123-го пехотного запасного батальона получили по почте в закрытых конвертах прокламации под заглавием «К офицерам Русского войска, не принимавшим участие в войне 9-го января 1905 г.». Листовки партии социалистов-революционеров, озаглавленные «Послание священника Георгия Гапона к рабочим» и «К крестьянам по поводу манифеста 18 февраля» были обнаружены в г. Щигры. 13 февраля 1905 г. ночной сторож обнаружил на ул. Фроловской г. Курска 160 гектографированных

прокламаций «К учащимся». В апреле на улицах Курска были разбросаны прокламации «Ко всем рабочим и работницам г. Курска», «Первое мая», «Денежный отчет Комитета Р.с. дем. Раб. П. с 1-го марта по 1 апреля 1905 г.» и брошюры «Солдатская памятка» и «На Первое Мая» [7, л. 32].

В апреле-мае 1905 г. прокламации Российской социал-демократической рабочей партии, озаглавленные «Царское слово русским рабочим», «Послание священника Георгия Гапона к рабочим», «Ко всем рабочим и работницам города Харькова», «Русские рабочие и вы все русские граждане», «Резолюция рабочих Харьковского паровозостроительного завода» и «Резня в г. Баку», были распространены в Грайворонском уезде [7, л. 21].

В ночь на 8 июня 1905 г. листовки Российской социал-демократической рабочей партии Харьковского комитета под названием «Братья крестьяне» были разбросаны в селе Поды Дмитриевского уезда. Также антиправительственные прокламации были обнаружены в июле 1905 г. в Пригородней волости Корочанского уезда и в с. Скородное Старооскольского уезда, в Тимском и Обоянском уездах. Прокламации антиправительственного содержания были сняты с телеграфных столбов возле слободы Погореловки по дороге в г. Белгород 13 июля 1905 г. [7, л. 17].

Для печати прокламаций и агитационных листовок создавались подпольные типографии. Об обнаружении такой типографии сообщается в одном из дел Прокурора Курского окружного суда. В деле указано, что в ночь на 20 мая 1907 г. в г. Курске по Золотаревской улице в доме служащего в Курском Губернском присутствии Дмитрия Дмитриевича Степанова была обнаружена типография Курского комитета социалистов-революционеров. Типография была расположена в подвальном этаже двухэтажного дома, незаметном со стороны улицы. В результате обыска, произведенного в доме Степанова, в столе, принадлежащем его дочери Татьяне Степановой, была найдена занумерованная библиотека, состоящая из нелегальных изданий и 27 номеров «Солдатской газеты» № 7 – 1907 г. издания Центрального Комитета партии социалистов-революционеров. В подвальном этаже дома обнаружена оборудованная типография и более тысячи экземпляров только что изготовленных воззваний издания Курского комитета партии социалистов-революционеров, озаглавленных «Всеобщее народное восстание. Что делать с землей», а также печати указанного комитета. В типографском станке оказался набор воззваний, а в одной из рам найден набор отчета о деятельности Комитета, о приходе и расходе сумм за апрель 1907 г. В отдельной корзине лежали набранные крупным шрифтом различные заголовки, например, «Партия социалистов-революционеров», «Земля и воля», «Областной комитет Центральной области партии социалистов-революционеров». Заглавия газеты «Известия Курского Комитета партии социалистов-революционеров». Клише для заглавного листа «Еженедельной крестьянской газеты», «Земля и воля» и

др. Из прежде выпущенных произведений типографии оказались воззвания комитета партии, озаглавленные «1 Мая», «Граждане г. Курска», воззвания «Курского районного Комитета Московско-Курской ж.д.». Всероссийского ж.д. союза, проект устава и тактики Курской беспартийной «Военной организации». По подозрению в принадлежности к партии социалистов-революционеров были арестованы застигнутая в типографии мещанка г. Дмитрова Московской губернии Вера Александровна Николаева, дочь хозяина дома Татьяна Дмитриевна Степанова и мещанин г. Саратова Николай Ильич Иванов, бывший арендатором нижнего этажа. Крестьянин Баловневской волости Данковского уезда Рязанской губернии Гавриил Федорович Черников, арендовавший подвальный этаж вместе с Ивановым и также замешанный в деятельности типографии после обыска не явился в дом Степанова и был объявлен в розыск. Арестованным было предъявлено обвинение по ч. 1 ст. 102 Уголовного Уложения о наказаниях. В ходе допросов только Вера Николаева признала свою принадлежность к партии социалистов-революционеров. Стоит отметить, что несколько месяцев спустя политическая арестантка Вера Николаева по решению врачей была помещена в психиатрическую лечебницу губернского земства, откуда впоследствии сбежала [11, лл. 10–11].

Изучение документов вышеназванных фондов Госархива Курской области позволяет составить представление о реакции населения Курской губернии на революционные события 1905–1907 гг. Стоит отметить, что эти события нашли отклик среди различных слоев населения: от крестьян до интеллигенции. Протесты против существующих порядков, социальной, экономической и политической несправедливости принимали различные формы: от стихийных аграрных беспорядков крестьянства до слаженных стачечных действий служащих различных ведомств и разрастающейся агитации партии социалистов-революционеров и Российской социал-демократической рабочей партии.

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. 32. Оп. 1. Д. 7495.
2. ГАКО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 7511.
3. ГАКО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 7512.
4. ГАКО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 7516.
5. ГАКО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 7819.
6. ГАКО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 7820.
7. ГАКО. Ф. 795. Оп. 1. Д. 70.
8. ГАКО. Ф. 795. Оп. 1. Д. 88.
9. ГАКО. Ф. 795. Оп. 1. Д. 90.
10. ГАКО. Ф. 795. Оп. 1. Д. 92.
11. ГАКО. Ф. 795. Оп. 1. Д. 518.

Т. А. Ползикова,
*старший научный сотрудник отдела
научно-исследовательской работы и информационного обеспечения
ОКУ «Госархив Курской области»*

**ЧТО ДОЛЖНЫ БЫЛИ ЗНАТЬ СОВЕТСКИЕ ГРАЖДАНЕ О ВОЙНЕ
ВО ВЬЕТНАМЕ (1965–1973 гг.).
ПО МАТЕРИАЛАМ КУРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ОБЩЕСТВА «ЗНАНИЕ»**

Вопросы формирования общественного мнения в условиях современной геополитической ситуации приобретают все большую актуальность. Используя методики, выработанные в период «холодной войны», некоторые политики манипулируют сознанием масс, насаждая ту или иную точку зрения. Механизм воздействия на сознание советских людей можно проследить на примере деятельности одной из самых массовых общественных организаций – Курской организации Всесоюзного Общества «Знание».

В 1947 г. в СССР было учреждено Всесоюзное Общество по распространению политических и научных знаний, членами которого стали самые видные деятели науки и искусства. Просветительская деятельность членов организации была направлена, в первую очередь, на поддержание восстановления разрушенного войной государства. Со временем члены Общества начали освещать проблемы истории и современного международного положения. В 1963 г. Общество было переименовано во Всесоюзное Общество «Знание».

Массовый характер организации, а это более 5 млн человек в период расцвета ее деятельности (1950-е–1970-е гг.), обеспечил ее влияние на различные слои населения страны. Начиная от лекций на заводах и фабриках, заканчивая публичными выступлениями в учебных заведениях и на открытых площадках, даже в рабочие перерывы, лекторы затрагивали самые острые и злободневные проблемы из жизни общества. Авторитет выступающих (чаще всего, лекторы – партийные работники, ученые и самые яркие представители культурной интеллигенции), проработанность излагаемого материала, отточенное мастерство выступления на публике – в совокупности эти факторы сделали пропагандистскую деятельность Общества «Знание» одним из самых мощных и надежных способов формирования общественного мнения в СССР. На места из центрального отделения направлялись брошюры с методическими рекомендациями, а на особо «острые» темы готовые тексты лекций, которые с незначительными изменениями преподносились публике.

С 1948 г. в г. Курске неизменно функционировало и действует по настоящий момент региональное отделение организации «Знание». Как правило, курское отделение возглавляли ректоры Курского

государственного педагогического института (университета): И. Я. Климов, П. И. Кабанов, Б. П. Гоголев, В. Н. Барсуков – личности, имевшие прямое отношение к научной жизни всего региона. К 1966 г. объединение насчитывало 15 тыс. человек, 22 районных отделения. В его состав входило 194 доктора и кандидата наук, 599 научных работников. И если в первый год существования «Знания» его членами было прочитано 520 лекций, то к 1966 г. эта цифра составила более 14 тыс. [6, л. 132].

В конце 1950-х гг. в Юго-Восточной Азии разгорелся военный конфликт, получивший впоследствии название Вторая Индокитайская война. Одним из ее «фронтов» стал Южный Вьетнам, где столкнулись интересы сторонников социализма (СССР) и поддерживаемая США оппозиция. Центром проамериканских сил стал город Сайгон, прокоммунистических – Ханой. Начиная с 1965 г. конфронтация на территории Южного Вьетнама переросли из состояния гражданской войны в полномасштабные боевые действия международного характера, участие в которых помимо прочих сил принял вооруженный контингент США и их союзников, а также военные консультанты из Советского Союза. Возросший интерес Соединенных Штатов к региону заставил СССР обратить вектор внешней политики в Азию с целью распространения на этой территории идей социализма. Руководство СССР приняло решение о безвозмездной помощи народу Вьетнама, направляя в страну вооружение, содействуя в подготовке военных специалистов.

Одновременно с этим началась активная кампания в СМИ Советского Союза, в кругах научной элиты и среди населения: необходимо было заручиться поддержкой в проводимой политике по укреплению социализма на территории Вьетнама. Состояние «холодной войны» усиливало идеологическое противостояние в регионе и, конечно, давало широкое поле для ведения информационного противоборства. Большую роль в этом сыграла лекторская и просветительская деятельность (наряду с прессой и телевизионными сюжетами), в том числе посредством Всесоюзного Общества «Знание».

Члены Курского отделения Общества практически одновременно с инцидентом в Тонкинском заливе в августе 1964 г., который стал катализатором начала военного вторжения США на территорию страны, обратились в своих выступлениях к ситуации во Вьетнаме. Тогда, как считали некоторые специалисты, даже «...самым ослепленным ненавистью к освободительному движению слугам американского империализма становится ясно, что война в Южном Вьетнаме проиграна...» [1, л. 319]. Называя проамериканское правительство антинародным, а войну – грязной, Б. В. Федотов, один из лекторов организации, однозначно встает на сторону «патриотов страны» [1, л. 317], против которых и ведется та самая грязная война. Патриотами в данном случае назывались сторонники коммунистических идей.

Необходимо отметить, что на всем протяжении Вьетнамской войны лекторы Общества «Знания» использовали большое количество метких и образных выражений применительно к действиям США. Это делало выступления более живыми, оказывало сильное влияние на слушателей. Собравшаяся публика, будь то труженики села или студенты, должны были ярко представить «зверские средства ведения войны» [1, л. 317], которые используют «американские империалисты» [1, л. 317]. Сравнение с концентрационными лагерями «стратегических деревень» в Южном Вьетнаме [1, л. 318], создаваемыми Соединенными Штатами, когда были еще свежи воспоминания об ужасах Великой Отечественной войны, – мощное оружие в руках лектора-пропагандиста. Граждане должны были сопереживать – граждане испытывали искреннее сочувствие к вьетнамцам.

Авторами текстов по международному обозрению нередко выступала лекторская группа Обкома КПСС. Уже к январю 1965 г. был разработан материал, где наряду с другими темами уделялось внимание событиям в Юго-Восточной Азии. Как позже будет отмечено в обзорной рецензии, слушатели ждали оценку происходящих событий от лектора [7, л. 22], таким образом, тот становился источником формирования общественного мнения. И чем грамотнее и эмоциональнее было построено выступление, тем более сильный и продолжительный эффект оно оказывало на присутствующих.

В. Мальцев и А. Киселев, лекторы-международники Общества, обходя начало конфликта в Тонкинском заливе, обращали внимание исключительно на бомбардировки территории ДРВ со стороны Соединенных Штатов [2, л. 24]. Слушатели, вероятно, с негодованием принимали эти сообщения. Здесь можно заметить такой прием, как замалчивание отдельных фактов, который часто применяется для формирования нужной оценки событий, выгодной какой-либо стороне.

Не обошлось и без упоминания соперника Л. Джонсона на пост президента США, Барри Голдуотера, названного «американским бешеным» [2, л. 24] (прим. вероятно, сторонником ультраправых сил). В связи с его смелым предложением использовать атомное оружие против Демократической Республики Вьетнам, авторы обзора пытались объяснить причины назревшего конфликта: «Новым «парадом» своей военной мощи США хотели запугать всех тех, кто борется за свое национально-освободительное движение или за укрепление уже завоеванной независимости» [2, л. 24]. В этом случае Соединенные Штаты не просто агрессоры, они представлялись душителями свободы и угнетателями народов.

И против этой военной мощи объединенный народ Вьетнама уверенно боролся. И, что удивительно, побеждал! Не возникало сомнений, что «повстанческие силы неуклонно растут» и «все более приближаются к Сайгону» [2, л. 24]. Рисовалась картина, при которой в считанные месяцы партизанские отряды вьетнамцев одолеют профессиональную армию,

которая притом еще и отлично вооружена! Американцы не могли предугадать особенностей ведения войны в джунглях, а их союзники, отряды, в большинстве состоявшие из вьетнамских крестьян, не понимали, за что им приходилось сражаться со своим же народом и массово дезертировали.

О чем же говорили лекторы в своих выступлениях, когда всем в Советском Союзе и вообще в мире стало ясно: началась новая локальная война? Они рассказывали о тех варварских методах, к которым прибегали США в своих попытках сломить сопротивление вьетнамцев: «Американские империалисты против мирного населения Южного Вьетнама применяют напалмовые бомбы, газы и отравляющие вещества, на что в свое время не решились пойти нацисты» [2, л. 209]. Это сравнение с нацистами уже звучало неоднократно в выступлениях лекторов Общества «Знание», но в данном случае оно было вполне оправданным.

Приводилась информация о численности американских сухопутных и морских войск, что особо подчеркивало ту мощь, которая сконцентрировалась против поначалу разрозненных партизанских отрядов и подразделений Армии Освобождения. Стоило только представить цифру в 650 самолетов и 150 боевых кораблей армии Соединенных Штатов против плохо вооруженных вьетнамцев уже к сентябрю 1965 г. Использовались кассетные бомбы, самолеты-драконы и винтовки М16 с запасов в 580 пуль. И в этой ситуации правительство США делало заявление, что для победы над партизанскими отрядами им нужны силы, превосходящие их численностью в 10 (!) раз! [2, л. 216].

СССР оказывал посильную помощь братскому народу Вьетнама. И эти сведения обязательно должны были быть представлены на суд общественности. Благодаря грамотной информационной политике мнение граждан Советского Союза ни разу на протяжении конфликта не шло в разрез с официальной политикой правительства. Население одобряло деятельность на дипломатическом поле, оказание военной и экономической помощи «героическому народу Вьетнама» [2, л. 216], за что правящие круги Демократической Республики Вьетнам неоднократно благодарили советский народ [2, л. 213]. Тогда каждый слушатель лекции ощущал себя сопричастным к такому благородному и важному делу – делу помощи близкому по духу и убеждениям Вьетнаму.

И позже руководство могло с уверенностью заявлять, что «советская молодежь требует прекращения агрессии США против Демократической Республики Вьетнам» [3, л. 165]. В подтверждение блестящей работы СМИ по формированию общественного мнения хочется привести выдержки из рассказа о приезде в СССР представителя Вьетнама Хо Чука, «прибывшего из самой горячей точки планеты»: «Делегаты стоя приветствовали его – долго и бурно», «...затем подняли Хо Чука и на руках пронесли по залу. Крепкие руки советских парней! Единодушные зала!» [3, л. 165]

«США не удалось и никогда не удастся сломить боевой дух вьетнамского народа» [2, л. 253], – так начинались и завершались многие выступления лекторов «Знание». «Советский Союз свято выполняет свой интернациональный долг» [2, л. 256], как утверждали с трибун выступающие.

Меткими заголовками отличались статьи, посвященные проблемам внешней политики. НМС по пропаганде вопросов международных отношений в 1966 г. выпустил целую серию лекций, где затрагивались вопросы «постыдной войны против вьетнамского народа»: «Борьба вьетнамского народа против агрессии американского империализма», «Военные блоки США – очаги агрессии и военной опасности», «Внешнеполитический курс США – курс преступных авантур и агрессии», «Грязная война американских агрессоров против вьетнамского народа», «Злодеяния американской армии во Вьетнаме» и др. [3, л. 91]

В 1966 г. интерес к проблеме Вьетнама в советском обществе достиг своего пика, с лекторских трибун звучали громкие и резкие осуждения политики Соединенных Штатов: «Налицо большая война в маленькой стране. В ней участвуют более 1 млн человек. Вьетнам – это Сталинград 1966 г. Вьетнам стал проблемой всего человечества» [4, л. 102].

Особенностью лекционной деятельности Общества «Знание» было то, что слушатели могли задавать вопросы по прочитанному материалу. Вот вопросы, которые волновали курян:

– Какое влияние имело бы присутствие наших войск на Вьетнамскую войну в целом? Мог ли вьетнамский конфликт между СССР и США привести к серьезным последствиям, и даже к Мировой войне? [5, л. 59]

– Возможно ли рассчитывать на успех вьетнамского народа? Не может ли эта война перейти в Мировую? [5, л. 62]

– Какая цель сосредоточения китайских войск у границ Северного Вьетнама? На что они рассчитывают? [5, л. 60]

Последний вопрос свидетельствует о том, что советским гражданам были доступны альтернативные официальным источники информации. Участие китайской стороны в конфликте во Вьетнаме в СССР не освещалось.

Но уже с 1967 г. лекторы реже обращались к ситуации в Юго-Восточном регионе. Война во Вьетнаме упоминалась в связи с конфликтами в Лаосе и Камбодже только в 1968–1969 гг., эта тема стала слишком узкой, чтобы выделять ее в отдельное направление. Это не означало, что в политике СССР по отношению к ней наметились перемены. Государство по-прежнему оказывало помощь ДРВ, население живо реагировало на последние новости «с фронтов» войны.

Материалы за 1971–1975 гг., к сожалению, не сохранились. Мы не можем судить о том, как принял советский народ победу Вьетнама в противостоянии с США. Но уже те сведения, что удалось почерпнуть из

более ранних лекций, дают представление, что это было действительно радостное событие.

Результатами работы СМИ, лекторской пропаганды курского отделения Общества, в том числе, можно считать то, что в СССР тысячи жителей были готовы «встать, если потребуется, плечом к плечу с вьетнамскими братьями на защиту священных прав народа» [3, л. 165]. Колоссальная моральная поддержка, которую стремились оказать советские граждане далекому в географическом плане народу, была абсолютно искренней. Единый порыв, что объединил огромную страну, вероятно, сыграл немаловажную роль в победе Вьетнама в кровавой войне прошлого века. И можно по-разному относиться к вопросам пропаганды, формирования мнения общественности «сверху», но в вопросе вьетнамского конфликта это мнение помогло «мужественному вьетнамскому народу» [3, л. 202] выстоять против агрессии США. Так представляла картина юго-восточного конфликта в освещении членов курского отделения Общества «Знание».

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 132.
2. ГАКО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 160.
3. ГАКО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 170.
4. ГАКО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 171.
5. ГАКО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 190.
6. ГАКО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 212.
7. ГАКО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 284.

В. Б. Поляков,

*ведущий архивист архивного отдела использования
и публикации документов ОКУ «Госархив Липецкой области»,
Почетный архивист РФ.*

Е. П. Щукина,

*начальник архивного отдела использования
и публикации документов ОКУ «Госархив Липецкой области»*

ИСТОРИЯ АРХИВНОЙ СЛУЖБЫ В ЛИПЕЦКОМ КРАЕ

Неслучайно юбилей решили отмечать в 2018 г. В 1918 г. 1 июня был принят Декрет Совета Народных Комиссаров «О реорганизации и централизации архивного дела в Российской Социалистической Федеративной Советской Республике», заложивший основы упорядочения архивного фонда страны.

26 февраля 1919 г. коллегия Липецкого уездного отдела народного образования предложила доктору Трунову должность архивариуса

уездного исторического архива, а уже в марте Михаил Павлович приступил к его созданию. Работать приходилось в тяжелых условиях. Не хватало средств, помещений, опытных людей, а в ряде случаев и понимания значения архивных источников для будущих поколений.

Из отчета Липецкого исторического архива за 1919 г.: «Архив полиции, находившийся в образцовом порядке, особенно сильно пострадал во время революции, так как документы были перевезены в другое помещение и брошены в куче на пол. Потом милиция перешла в другое помещение, а архив остался в амбаре. Усадьба была занята проходящей воинской частью, и вскоре оказалось, что замок на двери амбара взломан, и часть документов пошла на сигарки солдатам» [1, л. 3–4].

Еще сложнее складывалось становление архивного дела в Ельце. Нашествие мамонтовцев в конце августа 1919 г. нанесло значительный урон елецким архивам. Разборка и охрана архивов Ельца и его уезда были возложены на историко-археологическое общество. В январе 1920 г. для наблюдения за архивами Ельца Главархив рекомендует Михаила Михайловича Пришвина, который был назначен заведующим особой секцией по охране архивов, которая подчинялась уездному отделу народного образования [4, л. 3].

Вопросы архивного строительства на местах находились под пристальным вниманием уездных исполкомов. Так, в феврале 1920 г. Задонский уисполком направил в адрес учреждений города и уезда два циркуляра об организации и упорядочении архивного дела и о хранении архивных материалов, а 20 января 1922 г. президиум Липецкого уисполкома принял постановление о принятии мер к охране и использованию документов исторического значения, составляющих достояние Липецкого архива.

Для развития архивного дела большое значение имело Положение о местных архивных органах, утвержденное ВЦИК 20 ноября 1922 г., по которому при исполкомах создавались архивные бюро или архивные отделения.

1 февраля 1923 г. президиум исполкома Липецкого уездного Совета вновь заслушал доклад Михаила Павловича Трунова о состоянии архивного дела в городе и уезде.

О функциях Елецкого уездного архивного бюро довольно полно изложено в докладе уполномоченного Орловского губархива по наблюдению за архивами г. Ельца и уезда Александра Бутыгина, датированном 25 апреля 1923 г. «На уездное архивное бюро возлагается, во-первых, непосредственное заведование всем архивным фондом и, во-вторых, общее руководство постановкой архивной части и текущего делопроизводства всех правительственных учреждений города и уезда» [3, л. 7–10]. Был установлен штат Елецкого уездного бюро в количестве 4-х человек. В этом же году организуются Усманский и Задонский уездные архивы.

Однако, процесс фактического овладения архивами, приведения их в порядок протекал медленно. Архивным органам приходилось преодолевать серьезные препятствия. Требовалось вести борьбу с учреждениями, в помещениях которых находились архивы, чтобы оградить последние от выселений. Надо было усилить охрану документов от хищений. А они наблюдались в широких размерах в первые годы новой экономической политики, когда архивные фонды начали привлекать к себе внимание как склады бумаг для продажи на фабрики в качестве сырья и в магазины для обертки товара. С большим трудом при помощи административных и судебных органов удалось приостановить эти хищения, принесшие значительный ущерб архивам.

В 1925 г. исполком Липецкого уездного Совета выделил уездному архивному отделению помещение площадью 237,4 кв. м., что дало возможность сконцентрировать в архиве документы учреждений уезда досоветского периода.

В годы сталинских репрессий был дважды репрессирован создатель Липецкого уездного исторического архива Трунов Михаил Павлович, расстрелян архивариус ремонтно-тракторного завода (станкостроительного) Обухов Александр Михайлович, к 5 годам лишения свободы приговорен заведующий Данковским районным архивом Бельков Дмитрий Васильевич.

В 1928 г. в связи с введением нового административно-территориального деления изменилась структура архивных органов. Были организованы Елецкое и Усманское окружные архивные бюро. На местах, вместо ликвидированных уездных архивов, архивных отделений создавались районные архивы. 29 января 1929 г. начал работу Липецкий районный архив [2, л. 8 об.].

В 1930 году окружные архивные бюро были упразднены, а их документы переданы на хранение в облархивбюро ЦЧО.

10 декабря 1934 г. правительство РСФСР приняло постановление об организации районных архивов для «обеспечения надлежащей охраны, собирания, разработки и использования архивных материалов» местных учреждений и организаций.

16 апреля 1935 г. постановлением президиума Добринского райисполкома был создан Добринский районный архив [11, л. 103].

Наряду с районными архивами в нашем крае организуются городские архивы. В соответствии с постановлением президиума Липецкого городского Совета от 4 апреля 1936 г. начал работу Липецкий городской архив, который возглавила Авербах Анна Ионовна.

В декабре 1938 г. архивные органы были переданы в ведение Народного Комиссариата Внутренних Дел.

Дальнейшему развитию архивного строительства помешала Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Она нанесла огромный ущерб документальным богатствам архивов нашего края. В Чибисовском районе

полностью погибли документы учреждений, организаций и предприятий за 1931–1941 гг.

В послевоенный период началась работа по приведению в порядок архивных фондов, размещению документов в хранилищах. Была проведена проверка документальных материалов архивов.

Наступал 1954 г. – год образования Липецкой области.

29 апреля 1954 г. приказом начальника УМВД по Липецкой области образован архивный отдел. Его начальником был назначен майор Похмелкин Всеволод Иванович.

Основной задачей отдела было заведение учета ведомственных архивов и взятие на учет хранящихся в них документальных материалов, а также проведение организационных мероприятий, направленных на улучшение деятельности государственных архивов области и обеспечение сохранности хранящихся в них документальных материалов.

Для размещения отдела и областного государственного архива облисполком предоставил две комнаты общей площадью 18 кв. м. в здании геологоразведочной партии.

6 июня 1959 г. зам. начальника УВД Липецкого облисполкома А.Бурцев просит председателя исполкома Липецкого областного Совета депутатов трудящихся Н.Пашкина предоставить областному архиву новое помещение: «Государственный архив Липецкой области, хранящий ценные исторические и справочные документы, находится в неудовлетворительных условиях.

Занимаемый архивом спецподвал под зданием венерологического диспансера по своему состоянию и площади совершенно непригоден для хранения архивных документов.

Из-за частого засорения канализации подвал заливается канализационными и сточными водами, что приводит к порче ценных архивных документов.

В связи с малым объемом подвала архив в течение ряда лет не имеет возможности принять 130 тыс. дел от других государственных архивов, а также производить прием документов от учреждений, предприятий и организаций области, поэтому архивные материалы по истории области недоступны читателям и исследователям...» [5, л. 22].

9 июня 1959 г. исполком Липецкого областного Совета депутатов трудящихся обязал Липецкий горисполком передать государственному архиву области помещение областной конторы «Кинопрокат» по улице Одноличка (на территории кладбища) после его освобождения.

10 февраля 1962 г. в составе облисполкома был организован архивный отдел на базе архивного отдела УВД [6, л. 94].

В связи с тем, что штатным расписанием государственного архива Липецкой области должность директора архива не предусматривалась, обязанности директора исполнял зам. заведующего архивным отделом.

В соответствии с приказом заведующего архивным отделом Липецкого облисполкома от 26 марта 1968 г. контроль за работой и состоянием всех городских и районных государственных архивов области был возложен на инспекторский состав архивного отдела, а научные сотрудники государственного архива Липецкой области от этой работы освобождены.

Решением V сессии Липецкого областного Совета депутатов трудящихся XIV созыва от 28 июня 1974 г. заведующим архивным отделом облисполкома утвержден Мароков Вениамин Владимирович.

30 декабря 1977 г. принято в эксплуатацию здание государственного архива Липецкой области [7, л. 3].

В 1984–1985 гг. по инициативе архивного отдела проходил областной смотр сохранности документов государственного архивного фонда СССР в государственных и ведомственных архивах учреждений, организаций и предприятий Липецкой области.

В 90-е гг. вопросам обеспечения сохранности архивных документов ликвидированных организаций, учреждений и предприятий уделялось первостепенное значение. Приняты постановления главы администрации и его заместителя от 9 марта 1992 г. и от 14 марта 1994 г. об обеспечении сохранности архивных документов. 18 мая 1992 г. глава администрации Липецкой области предложил главам администраций районов и городов области создать объединенные межведомственные архивы для хранения и использования документов по личному составу, выделив для этой цели соответствующие помещения, штатную численность и фонд оплаты труда работников.

Постановлением восемнадцатого заседания Липецкого областного Собрания депутатов от 12 октября 1995 г. утверждено Положение об Архивном фонде Липецкой области и архивах [8, л.15–22].

25 апреля 1996 г. создан архивный отдел администрации г. Липецка.

Распоряжением главы администрации Липецкой области от 24 апреля 1998 г. на должность заведующего архивным отделом переведена Иванникова Ольга Михайловна.

С 23 по 24 сентября 1998 г. в Липецке прошло заседание зонального научно-методического совета архивных учреждений Центрального Черноземья, а с 5 апреля 1999 г. по 5 декабря 2000 г. – смотр сохранности архивных документов архивного фонда Липецкой области.

30 ноября 2000 г. принят Закон Липецкой области «О наделении органов местного самоуправления государственными полномочиями в сфере архивного дела» [9, л. 72–74].

В соответствии с постановлением главы администрации Липецкой области от 16 февраля 2001 г. создано областное государственное учреждение «Областной архив по личному составу и специальной документации».

В 2002 г. в соответствии с Гражданским кодексом РФ созданы областные государственные учреждения «Государственный архив Липецкой области» и «Центр документации новейшей истории Липецкой области» с правом юридического лица.

Структура архивной службы области состояла из трех государственных архивов, подведомственных архивному отделу и имеющих статус юридического лица, и двадцати муниципальных архивов городов и районов Липецкой области.

22 ноября 2002 г. приказом начальника архивного отдела администрации области в архивном отделе введена в действие система автоматизации документооборота.

С 1 сентября 2003 г. обязанности начальника архивного отдела были возложены на заместителя Полякова Валерия Борисовича.

Постановлением 44-й сессии Липецкого областного Совета депутатов III созыва от 30 мая 2006 г. принята областная целевая программа «Развитие архивного дела в Липецкой области (2006–2010 гг.)».

С 16 по 18 октября 2006 г. в Липецке прошло заседание научно-методического совета архивных учреждений ЦФО.

На основании постановления главы администрации Липецкой области от 23 июня 2006 г. архивный отдел администрации области преобразован в архивный отдел Липецкой области, а через полгода – в управление по делам архивов Липецкой области.

В соответствии с постановлением главы администрации Липецкой области от 23 декабря 2008 г. управление по делам архивов Липецкой области было упразднено, а его функции переданы созданному управлению ЗАГС и архивов Липецкой области.

В управлении организуются три отдела, в том числе и отдел по делам архивов.

На должность начальника управления ЗАГС и архивов Липецкой области с 1 января 2009 г. назначена Чекмачева Раиса Федоровна.

Постановлением главы администрации Липецкой области от 30 ноября 2010 г. созданы областные казенные учреждения «Государственный архив Липецкой области», «Государственный архив новейшей истории Липецкой области» и «Государственный архив документов по личному составу Липецкой области».

С 21 февраля 2017 г. исполнение обязанностей начальника управления ЗАГС и архивов Липецкой области возложено на первого заместителя управления Королеву Светлану Александровну.

Источники и литература

1. Государственный архив Липецкой области (далее – ГАЛО). Ф.Р.- 9. Оп. 1. Д. 158.
2. ГАЛО. Ф.Р.-37. Оп. 1. Д. 205.

3. ГАЛО. Ф.Р.-147. Оп. 1. Д. 67.
4. ГАЛО. Ф.Р.-149. Оп. 1. Д. 26.
5. ГАЛО. Ф.Р.-280. Оп. 1. Д. 29.
6. ГАЛО. Ф.Р.-280. Оп. 1. Д. 49.
7. ГАЛО. Ф.Р.-280. Оп. 1. Д. 190.
8. ГАЛО. Ф.Р.-280. Оп. 1. Д. 469.
9. ГАЛО. Ф.Р.-280. Оп. 1. Д. 570.
10. ГАЛО. Ф.Р.-376. Оп. 1. Д. 99.

Н.А. Савченко,
*кандидат исторических наук,
начальник отдела организационно-методического
сопровождения государственного контроля (надзора)
в области образования ОКУ «ИАЦ» КО*

**НАЗНАЧЕНИЕ И ПРИЧИНЫ СЕНАТОРСКОГО
ИНСПЕКТИРОВАНИЯ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ
В НАЧАЛЕ XX ВЕКА
(ПО МАТЕРИАЛАМ ФЕДЕРАЛЬНЫХ И ОБЛАСТНОГО АРХИВОВ)**

Накануне Революции 1905 г. по инициативе Правительства Российской Империи, в частности, министра внутренних дел В.К. Плеве, его товарищ, а впоследствии также сенатор [4, л. 40, 41] Н.А. Зиновьев осуществил уникальное ревизионное инспектирование органов местного самоуправления в самых «неспокойных» регионах России.

Начавшись в 1902–1903 гг. как ведомственная проверка по линии МВД городского общественного самоуправления Санкт-Петербурга [1] и Московского земского самоуправления [6], обследование наиболее оппозиционных выборных учреждений продолжилась в 1904 г. уже в качестве сенаторской ревизии Вятского [2] и Курского земств.

Имея общей целью борьбу с земским либерализмом в напряженной обстановке в стране начала XX в., перед данным обревизованием были поставлены конкретные задачи сбора материала для подготовки реформы системы общественного управления [5; 19, с.150]. Посредством реформирования планировалось подвести под полный государственный контроль самоуправление не только проверяемых территорий, но земство как таковое с его «демократическими» элементами.

Причем В.К. Плеве решил побороть выборные учреждения на деловой почве, выяснив посредством инспектирований дефекты их функционирования, чтобы доказать, что деятельность земств выходила за отведенные законодательством рамки. Соответственно, Н.А. Зиновьеву поручили публично обличить выявленные недостатки перед правовым ограничением данного пореформенного института.

И действительно, проверки столичного городского и Московского земского самоуправлений повлекли за собой усиление административного надзора над выборными органами [18, с. 547–548; 22, с. 132–134; 27, с. 233–236]. Даже несмотря на смерть инициатора всего обревизования – В.К. Плеве 15 июля 1904 г. – ревизор выполнил поставленную перед ним Министерством внутренних дел миссию и довел до конца сенаторское инспектирование Курского земства.

Обратимся непосредственно к анализу причин и особенностей последнего этапа ревизионной акции товарища министра и сенатора Н.А. Зиновьева, произведенной накануне Первой российской революции, – сенаторской ревизии органов местного самоуправления Курской губернии. Данная инспекция была ему поручения 13 мая 1904 г. [4, л. 44].

Главной целью обозрения Курского края по-прежнему оставалось выяснение умонастроений, господствовавших в среде местного земства и его руководства. Но в отличие от ранее осуществленных зиновьевских обревизований, последний осмотр имел свои особенности, которые обуславливались самим положением дел в регионе. Дело в том, что такие задачи инспектирования, как определение взаимоотношений органов общественного управления и провинциальной администрации, объяснялись реально неспокойной обстановкой в Курском крае. Например, согласно мемуарам курского вице-губернатора того времени П.Г. Курлова [13, л. 7 об.] в Курске в 1904 г. замечалось «сильное брожение среди учащихся, в особенности землемерного училища, и велась деятельная революционная пропаганда так называемым «третьим элементом» Курской земской управы, которому удалось... вызвать уличную демонстрацию молодежи вплоть до столкновения с полицией» [20, с. 39].

Следует отметить, что представители Курского земства также имели отношение к земскому оппозиционному движению [24, с. 48–53]. Как утверждал Б.Б. Веселовский, в конце XIX – начале XX столетий господство в выборных инстанциях губернии перешло к группе прогрессивных земских деятелей, опиравшихся на демократически настроенный вольнонаемный персонал [18, с. 332–341]. Так, в работе полуконспиративного кружка «Беседа» принимали участие председатель Суджанской уездной земской управы кн. П.Д. Долгоруков, главы управ Фатежского уезда Ф.Н. фон Рутцен, Льговского – Н.В. Ширков [25, с. 73]. Широкую известность получила публицистическая деятельность активного участника левого крыла земского движения, гласного Курской городской думы В.Е. Якушкина. [23, с. 107–108] Тот же Долгоруков участвовал в организации и работе «Союза освобождения» и издании журнала «Освобождение», где писал под псевдонимом «Земец» о том, что не могло быть и речи о мирном сожительстве самоуправления с правительством до тех пор, пока последнее обладает неограниченными полномочиями. Также входил в число так называемых «староземцев» и

группу «Освобождение» суджанский уездный предводитель дворянства А.В. Евреинов. [26, с. 37, 140, 154].

По мнению Б.Б. Веселовского, именно Суджанская земская организация находилось во главе оппозиции в Курском крае. К примеру, в Суджанском уездном комитете Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности в июле 1902 г. состоялось одно из первых выступлений либерального земства, которое в дальнейшем получило большой общественный резонанс. Так, в докладе «Комиссии по общим вопросам», руководимой Петром Долгоруковым, Евреиновым и др., подчеркивалась то, что проблема улучшения экономического развития «не могла быть изолированной при своем решении от политических вопросов. Первая по важности задача состоит в наделении всего населения правами, гарантирующими ему свободный выбор деятельности, свободное пользование собственностью» [7, л. 111–111 об.].

Помимо этого, земцы разоблачали «полицейско-административный произвол местных властей», препятствовавший нормальной работе земской интеллигенции. Например, указывалось, что большинство представителей «третьего элемента», служивших в выборных учреждениях, «встречали при работе на пользу населения подозрительность, недоверие и, вследствие этого, скрытое противодействие» со стороны региональной администрации. Суджанские земские деятели высказывались о неэффективности «бюрократической системы» организации местного самоуправления, призывая передать его представителям общества. Более того, как необходимая мера называлось участие земства не только в хозяйственной, но и политической жизни страны. В частности, в докладе содержался и намек на возможность создания общегосударственного всесословного органа [7, л. 118 об., 121 об., 123–125 об.].

Реакция властей не заставила себя ждать. Уже через два дня после опубликования обозначенного доклада в прессе, Плеве 15 июля 1902 г. писал С.Ю. Витте: «... к Судже я склонен относиться особенно строго, т.к. в ней очаг земской революции». В донесении Николаю II министр внутренних дел отмечал, что «Суджанский комитет пошел значительно дальше Московского съезда» (май 1902 г.) и обвинял земцев в обсуждении вопросов, имевших общегосударственное значение. Планировалось даже закрытие комитета. Но в результате, его председателю Евреинову был объявлен высочайший выговор «за несоответствующий видам правительства образ действий» [17, с. 140–145], а руководитель Суджанской уездной земской управы Долгоруков по докладу Плеве от 22 октября 1902 г. был вообще уволен со своего поста с запрещением участвовать в общественной деятельности и занимать выборные должности в течение 5 лет [14, л. 1, 2].

Между тем обстановка в губернии оставалась напряженной. Например, в обзоре Курского губернского жандармского управления за

1903 г. с возмущением говорилось о «крайне резких и в высшей степени либеральных» речах земской интеллигенции, прежде всего учителей, на праздновании 200-летия периодической печати. При этом особо подчеркивалась «либеральная» деятельность учащихся Суджанского уезда. Затем уже 18 февраля 1904 г. курский губернатор также уведомлял Плеве о том, что доклады многих суджанских земцев на собраниях «вызывали удивление по своему характеру и способам изложения» и «служили характерными образчиками того направления, в котором стремится воспитать население уезда деятели Суджанского земства» [7, л. 324 об. – 325]. Вице-губернатор определял деятельность Губернской земской управы как «противоправительственную», в целом отмечая, что «занятия “революцией” всегда дурно отзываются на земском хозяйстве». По его мнению, антиправительственное направление также «особенно интенсивно» выражалось и в Суджанской земской организации.

В итоге местная власть в 1903–1904 гг. повела наступление против развивавшихся в земстве демократических тенденций. В частности, таким положением вещей обеспокоился губернатор Н.Н. Гордеев, занявший данный пост в ноябре 1902 г. [12, л. 8 об.].

По словам Курлова, он «решил вступить с политиканствовавшими земцами в борьбу». В феврале 1904 г. в присутствии вице-губернатора и начальника Губернского жандармского управления начальник губернии поставил вопрос о «возбуждении уголовного преследования за политические преступления против особо выдававшихся своей деятельностью» земских деятелей, главным образом против руководителей Суджанского земства, в частности, секретаря уездной земской управы П.Т. Волкова, который фактически заменял собой кн. Долгорукого, продолжая его работу, и др. Однако Курлов заявил Гордееву, что было бы «более целесообразным поставить эту борьбу не на политическую почву, вызывающую всегда общественное негодование на правительство, тормозящее будто бы земское дело», а на «почву уголовную» посредством использования принадлежавшему губернатору права ревизии земских учреждений.

Такая проверка действительно была проведена летом 1904 г., непосредственно предшествуя и отчасти предопределяя сенаторское обозрение местного самоуправления. В этом и состояло одно из главных отличий зиновьевского обследования Курского края от его предыдущих инспекций.

Следует отметить, что в рассматриваемой губернии в конце XIX – начале XX вв., в отличие, например, от ранее обревизованной Зиновьевым Вятской, губернаторские осмотры проводились достаточно регулярно, почти с самого начала введения Положения 1890 г.; на что указывал позднее и сам ревизор. Иногда они проходили два года подряд, например, в 1900 и 1901 гг. [10, л. 4–29 об., 32–14 9; 11, л. 27–53 об.]. Как правило, их главной целью была проверка государственных органов региона и

деятельности их должностных лиц, и только отчасти обзор выборных учреждений.

За 1903–1904 гг. на курщине также имели место две губернаторских ревизии. Первая проходила с марта по июль 1903 г. и в основном относилась к обследованию установлений, подведомственных провинциальной администрации [8, л. 1–9]. Второе губернаторское обозрение, как указывалось выше, в большей степени касалось общественного управления и производилось накануне сенаторской инспекции в конце июня – начале июля 1904 г. [9, л. 3–16].

Непосредственно до губернаторского осмотра, как и планировалось, была совершена поездка в самое оппозиционное земство – Суджанское. Причем для обозрения его деятельности начальник губернии командировал даже не представителя ревизионной комиссии, а лично вице-губернатора. Последнему 15 февраля 1904 г. поручалось «произвести всестороннюю ревизию Суджанской уездной земской управы, а также исполнительных органов Суджанского земского управления и всех подведомственных Суджанскому земству учреждений» [15, л. 1–3 об., 288–289, 301]. В общем по итогам губернаторской проверки отмечалось, что городские и уездные земские управы «должны были принять меры к устранению и исправлению всего того, что было найдено ревизией неудовлетворительным, неправильным и несоответствующим требованиям закона и порядку службы» [11, л. 53 об.].

Но не только губернаторское обозрение предваряло сенатский надзор в Курском крае. Почти в то же время, с 17 июня по 6 июля 1904 г. в ее пределах находился командированный по высочайшему повелению для инспектирования Губернского присутствия и крестьянских учреждений управляющий Земским отделом Министерства внутренних дел В.И. Гурко. Инициатором данного обследования также являлся Плеве, по докладу которого Гурко как видному чиновнику МВД поручалось провести осмотры крестьянских органов Курской губернии с целью «выяснения общей постановки крестьянского дела в сих местностях и сбора сведений, необходимых для разработки вопросов, возникающих при пересмотре законоположений о крестьянах» [3, л. 1–3 об.].

Наконец, посещение Н.А. Зиновьевым с несколькими помощниками курщины проходило с 9 августа по 3 сентября 1904 г. [21, № 172, с. 2; № 196, с. 2].

Таким образом, накануне Революции 1905 г. беспокойный регион подвергли всесторонней проверке – губернаторской, министерской и сенаторской. В частности, заключительный этап зиновьевского обследования (Курского земства) отличался предваряющими его губернаторской ревизией: в начале лета 1904 г. курский губернатор Н.Н. Гордеев проверил состояние всей вертикали управления края, включая земское, и практически одновременно ведомственной инспекцией

местных крестьянских учреждений руководителем Земского отдела МВД В.И. Гурко.

Итогом ревизионной деятельности сенатора в регионе явился его двухтомный отчет, который был закончен в 1906 г. и содержал подробное и во многом объективное описание устройства выборных учреждений края и состояния отраслей земского хозяйства [16, т. 1, 504 с., т. 2, 434 с.].

Источники и литература

1. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 543. Оп. 1. Д. 214.
2. ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 215.
3. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1291. Оп. 30. Д. 253.
4. РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 204.
5. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб). Ф. 569. Оп. 17. Д. 584.
6. Центральный исторический архив г. Москвы (далее – ЦИАМ). Ф. 65. Оп. 17. Д. 124.
7. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 7016.
8. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7333.
9. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7478.
10. ГАКО. Ф. 33. Оп. 31. Д. 286.
11. ГАКО. Ф. 33. Оп. 31. Д. 520.
12. ГАКО. Ф. 33. Оп. 31. Д. 585.
13. ГАКО. Ф. 33. Оп. 31. Д. 771.
14. ГАКО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1115.
15. ГАКО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1139.
16. Зиновьев Н.А. Отчет по ревизии, произведенной в 1904 году сенатором Н.А. Зиновьевым: в 2 т. СПб.: Тип. М-ва вн. дел, 1906. – Т.1 – 504 с.; Т. 2 – 434 с.
17. Белоконский И.П. Земское движение. – М.: Задруга, 1914. – 399 с.
18. Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет: в 4 т. Т. 4. – СПб.: Издательство О.Н. Поповой, 1911. – 868 с.
19. Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. – М.: Новое литературное обозрение, 2000. – 746 с.
20. Курлов П.Г. Гибель императорской России. – М.: Современник, 1991. – 255 с.
21. Курские губернские ведомости. – 1904.
22. Петербургская городская Дума. 1846–1918 / ред. кол.: Б.Б. Дубенцов, В.А. Нардова, В.Н. Плешков, А.Н. Чистиков. – СПб.: Лики России, 2005. – 544 с.

23. Пирумова Н.М. Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе до начала XX века. – М.: Наука, 1986. – 268с.

24. Прилуцкий А.М. Суджанское уездное земство как лидер земской оппозиции в начале XX века // Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура: сборник научных трудов IV международной научной конференции (Белгород, 8 декабря 2006 г.). Т. 2 / под ред. И.Т. Шатохина. – Белгород: Белгородский гос. ун-т, 2007. – С. 48–53.

25. Черменский Е.Д. История СССР: период империализма (90-е гг. XIX века – март 1917 г.). – М.: Просвещение, 1965. – 567 с.

26. Шацлло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. – М.: Наука, 1985. – 354 с.

27. Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. – М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1918 - 592с.

И. Е. Стрельцов,
аспирант

*ФГБОУ ВО «Воронежский государственный
аграрный университет имени Императора Петра I»*

УПРАВЛЕНИЕ ВОЕННО-МОРСКОЙ РАЗВЕДКОЙ НА БАЛТИЙСКОМ ФЛОТЕ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ДОКУМЕНТАХ РГА ВМФ

На рубеже XIX–XX вв. наступила новая историческая эпоха, которая привела к усилению конкурентной борьбы за раздел мира. Германия, вырвавшаяся вперед как в экономическом, так и военном отношении, претендовала на передел колоний и сфер влияния за счет владений Англии, Франции и России.

Рост военно-морского потенциала европейских держав, итоги русско-японской войны 1904–1905 гг., отсутствие в арсенале военно-морского флота налаженной разведывательной деятельности поставили руководство российскими морскими силами перед необходимостью создания самостоятельного оперативного органа, на который возлагалась ответственность подготовки флота к войне на море.

С этой целью 24 апреля (7 мая) 1906 г. указом императора морскому министру из Главного морского штаба была выделена статистическая часть, которая положила начало новому органу российского военно-морского флота – Управлению Морского генерального штаба (*МГШ, Генмор*). В состав МГШ первоначально входило 12 офицеров. Начальник штаба, которым был назначен адмирал А. И. Русин, подчинялся морскому министру на правах начальника Главного управления. [1, л. 2]

Среди задач составления планов войны, разработки судостроительной программы, подготовки флота и морских театров к

войне на МГШ была возложена еще одна не менее важная задача, а именно руководство тайной военно-морской агентурной службой.

Историю организации Генмором военно-морской разведки можно проследить, проанализировав Фонд 418 Российского государственного архива Военно-морского флота (РГА ВМФ) «Морской Генеральный Штаб, г. Петроград (1906–1918 гг.)». Следует иметь в виду, что этот фонд составляет основу в изучении вопросов организации и деятельности военно-морской разведки на Балтийском флоте с 1906 по 1918 гг. Огромная масса документов в марте 1918 г. была уничтожена, т. к. существовала угроза наступления немецкой армии на Петроград [5, с. 171].

Помимо материалов, посвященных созданию МГШ и его работе накануне и в годы Первой мировой войны, особый интерес представляют документы, в которых идет речь об организации разведывательной деятельности на море. Такими документами являются: материалы о создании Особого делопроизводства МГШ; документы и положения об организации, состоянии и деятельности военно-морской разведки и контрразведки накануне и в годы Первой мировой войны; отчеты Морской регистрационной службы; агентурные сводки и донесения.

В записке лейтенанта Доливо-Добровольского об организации разведывательной службы в МГШ «служба узнавания», т. е. разведка, занималась поиском секретных материалов о планах противника, о составе его флота [1, л. 32]. С 1907 г., когда ведение разведкой полностью перешло под руководство МГШ, был получен первый кредит на «секретные расходы» суммой в размере 46 тыс. рублей в год [6, с. 212]. Однако, это не баснословная сумма, если учесть, что после Русско-японской войны вплоть до 1909 г. Генеральный штаб получал на военную агентурную разведку 344 140 руб. в год [4, с. 115].

Для получения каких-либо секретных сведений в распоряжение МГШ входили офицеры-разведчики, которые занимались канцелярской работой в самом Штабе; морские агенты, в задачи которых входило ведение шпионской деятельности за границей. С 1908 г. руководство МГШ предложило идею создания двух разведывательных структур: разведку мирного и военного времени. С одной стороны, агентурная разведка мирного времени должна была действовать в тылу неприятеля и добывать сведения политического и военного характера. На «Тайную постовую службу», разведку военного времени, возлагалась ответственность ведения наблюдения за вражескими судами с применением боевых кораблей в портах по побережью своего государства и за границей [2, л. 14–15]. Данный вид разведывательной деятельности имел временный характер, при котором наблюдатели приступали к работе только после объявления войны.

Начиная с октября 1911 г. Генмор был разделен на семь подразделений, каждое из которых имело свои функции и задачи.

Изменения коснулись оперативной части МГШ, которая была разбита на три отделения: Северное (Балтийский театр военных действий), Южное (Черноморский театр) и Дальневосточное (Тихоокеанский театр). Организационно-мобилизационная часть, которая была образована в 1910 г., преобразована в организационно-тактическую. На нее возлагались задачи разработки судостроительных программ и выработки морского устава. Сбором и обработкой сведений о политическом положении, военно-морских силах иностранных государств занималась Иностранная часть Статистического отделения. Без каких-либо трансформаций осталась Историческая часть и Канцелярия, созданные в 1909 г. [2, л. 17].

К началу Первой мировой войны на территории Российской империи прочно закрепилась агентурная сеть немецкой разведки, что приводило к утечке ценной информации о состоянии кораблей русского флота, о строительной кампании военно-морского флота России, о планах русского командования на случай военных действий на море. В свою очередь, отсутствие каких-либо ценных сведений о немецком флоте привело руководство МГШ к реформированию органов управления военно-морской разведкой.

С июля 1914 г. ответственность за ведение агентурной военно-морской деятельности возлагалась на Особое Делопроизводство МГШ, которое выделилось из Статистической части. Это отделение возглавил начальник Статистической части М. И. Дунин-Борковский. Им была разработана схема организации агентурной разведывательной службы, которая с течением времени претерпевала ряд изменений в организационном плане.

Для каждого театра военных действий, согласно этой схеме, было предусмотрено создание наблюдательных постов. В частности, данные посты Балтийского (Северного) театра военных действий располагались в Киле, Данциге, Хольтенау, Фленсбурге, Экернферде, на Борнгольме, Рюгене, в Копенгагене, в Стокгольме, Карлскроне и на Аландских островах. В каждом наблюдательном пункте находились агенты-наблюдатели, которые с помощью специальных кодов телеграфировали в ближайший нейтральный пункт агенту-передатчику данного театра военных действий. Передатчик, в свою очередь, избирает маршрут передачи телеграммы [3, л. 16].

Деятельностью наблюдателей и передатчиков руководили отставные морские офицеры, т. н. агенты-контролеры, которые были представлены в каждом наблюдательном пункте на всех театрах военных действий. Такие агенты имели постоянное место жительства в нейтральном месте, но совершали информационные поездки в целях проверки получаемой информации, контроля за агентами-наблюдателями и их замены либо найма новых агентов, в случае необходимости нового места наблюдения. Затем агент-контролер телеграфирует в Санкт-Петербург, не через

передатчика, а самостоятельно. МГШ получает в столице информацию и передает в Штаб командующего флотом [3, л. 17].

Итак, изучение архивных материалов показало, что Морской генеральный штаб сделал первые шаги по организации военно-морской агентурной разведки еще задолго до Первой мировой войны. Постепенная реорганизация Генмора на протяжении семи лет, с 1906 по 1913 гг., привела в итоге к созданию специального органа, который занимался организацией агентурной разведывательной деятельности на флоте в годы Первой мировой войны.

Источники и литература

1. Российский государственный архив Военно-морского флота (далее – РГА ВМФ). Ф. 418. Оп. 2. Д.1.
2. РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 18.
3. РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 63.
4. Звонарев К.К. Агентурная разведка. Русская агентурная разведка всех видов до и во время войны 1914–1918 гг. Германская агентурная разведка до и во время войны 1914–1918 гг. – Киев: Издательский дом «Княгиня Ольга», 2005. – 696 с.
5. Петров В.А. Военно-морская агентурная разведка в Первой мировой войне // Русское прошлое. – 1998. – № 8.
6. Стрельцов И.Е. Расходы Российской империи на организацию военно-морской разведки на кануне Первой мировой войны (1907–1914 гг.) // Вестник Тамбовского Университета. Серия гуманитарные науки. – Тамбов, – Т. 22. Вып.6. – С. 211–213.

М. В. Терехова,
краевед

НАШИ ПРЕДКИ

В результате восстановления церкви Успения Пресвятой богородицы в с. Волобуево при закладке фундамента был обнаружен некрополь.

Ранее в 2010–2011 гг. при расчистке места разрушенного храма в старом фундаменте был найден склеп, но он не был на тот момент исследован до конца. В нем были обнаружены полуистлевшие серебряные оклады, что свидетельствовало о захоронениях богатых людей.

На сегодняшний день при раскопках обнаружено четыре надгробия (3 чугунных и одно каменное) и останки 24 человек, найденные у входа и в склепах, расположенных под полом храма. По сохранившимся фрагментам одежды можно определить, что одно из захоронений принадлежало священнику, а другое высокопоставленному вельможе.

Надгробия поставлены Старостину Платону Андреевичу, родившемуся приблизительно в 1796 г. (чугун), скончался 55 лет, девице Юрасовой Аграфене Афанасьевне, родившейся 1 июня 1787 г., скончавшейся 21 января 1853 г. (чугун), льговскому купцу 3-ей гильдии Михаилу Алексеевичу Щеголеву «кончившему жизнь 3 января 1841 г. в 3 часа утра прожеве 56 лет»; корнету Аистарху Федосееву Юрасову, родившемуся 7 апреля 1760 года, скончавшемуся 6 декабря 1809 «положен камень в апреле 1825 года Федосеем Ф. Юрасовым».

История с. Волобуева берет начало в конце XVI – начале XVII вв., когда эта территория считалась пограничной зоной и для ее охраны привлекались служилые люди с разных земель. За службу им платилось жалование в рублях и земельными наделами. В их числе и были братья Старостины родные Семен и Исай Карповичи и двоюродный Иван Сазонович. Так в 1613 г. уже упоминается деревня Семенова, принадлежащая вместе с округой Семену Карповичу Старостину и получившая название по имени своего владельца. Со временем территория была обжита Старостинными и другими дворянами, в т.ч. и Шулешкиными, которые получили в этой округе надел, названный Луниной пустошью, часть которого перешла в качестве приданого одному из внуков Сазона в 1688 г. Доказательство тому цитата из дела: «Была челом вдова Анна путивльцева жена Шулешкина в 196 г. по уговору она Анна с зятем своим с Рылянином с Андреем Семеновым сыном Старостинным меж себя полюбовно поступилась она Анна своего прожиточного поместья в Путивльском уезде в Залуцкой волости в д. Сухой по обе стороны реки Смахи четверть с осьминою да в Рыльском уезде в Подгорном Стану Пустошь Лунинская, ныне д. Волобево, 2 четверти, а за то взяла на прожитье 25 рублей деньгами да хлеба овсяного 25 вертей, после чего справила земли за ним» [1, л. 8].

В 1669 г. на службе умирает внук Семена Карповича Старостина Алексей Ильич, его жена Авдотья выходит вторым браком за Ивана Васильевича Юрасова. В результате длительной тяжбы в 1676 г. часть поместья отходит Юрасовым.

Предистория рода Юрасовых такова. Начиная с 1664 г. Иван Васильев Юрасов меняет свои наделы на земли в округе Лунинской пустоши. С такими помещиками как Варванины, Петряевы, Висковатовы, Якличевы [4]. И в 1679 г. Иван Васильев Юрасов (второй супруг Авдотьи Старостиной) меняет земли в Кромском уезде на Лунинскую пустошь. Сосредоточив свои наделы в одном месте, окончательно там обосновывается. Его сын Лука Иванович Юрасов продолжает обустривать эту территорию, заселяя ее крестьянами, одновременно расширяя владения, продолжает менять земли, все более увеличивая поместье. И примерно с 1688 г. Лунина пустошь упоминается уже как деревня Волобуева. По приданиям на месте построенного в 1798 храма стояла деревянная церковь. Если это так, то, вероятнее всего, это была

домашняя церковь, на месте которой Федосеем Алексеевым Юрасовым, правнуком Ивана Васильевича, началось строительство каменной [4].

Таким образом, на конец 17 в. эти две семьи становятся зажиточными в этой местности, что в дальнейшем позволяет им принять активное участие в деятельности храма.

В 19 веке дворян хоронили в самом здании церкви и на территории, прилегающей к храму. По выпискам из метрических книг можно сделать предположение, кто мог быть захоронен в пределах церкви.

Ниже приведены выписки из метрических книг, хранящихся в Курском государственном архиве.

Метрические книги 1828–1841 гг. [2]. Священник Иоанн Алексеев Коренев, Дьяк Петр Федосеев Яцын, пономарь Иоким Федосеев сын Успенский. У последнего Агрипина Аристархова Юрасова неоднократно была восприемницей на крестинах.

Дата	Место	Погребены	Возраст	Причина смерти	Лист
24.04.1829	д. Некрасова	Дворянин отставной прапорщик Павел Николаев сын Клеменов	83 года		24.
02.08.1830	д. Семенова	Помещик поручик Иван Иванович Бобровский	83 года	Натурально	42 об.
15.08.1830	д. Семенова	Матвея Ивановича Бобровского младенец Мария	3 недели	Натуральной болезни	42 об.
07.02.1830	д. Некрасова	У дворянина Стефана Григорьева Клеменова сын Даниил	10 лет	Натуральной болезни	59 об.
12.03.1831	д. Казачья	Неслужащий дворянин Лазарь Михайлов Никипелов	51	Натуральной болезни	82
08.11.1831	д. Средний Мордок	Канцеляриста Платона Андреева Старостина сын Александр	4 года	От оспы	84 об.
6.12.1833	д. Некрасова	Неслужащий дворянин Федор Савин сын Клеменов	48	От животной болезни	132 об.

18.12.1835	д. Семенова	Дворянин Алексей Лукин сын Старостин	90	Натуральной болезни	168 об.
20.08.1836	д. Средний Мордок	Отставного кол. регистратора Платона Андреева Старостина сын Андрей	1 год	От натуральной болезни	183 об.
24.08.1834	с. Волобуево	Отставной коллежский ассессор Федосей Федосеев Юрасов	51 год	От животной болезни	150
01.11.1834	д. Некра- совой	Жена дворянина Григория Федорова сына Клеменова Ирина Иванова дочь	40 лет	От родов	150 об.
30.12.1835	д. Средний Мордок	Вдова прапорщица Елена Михайловна Телегина	72 года	От натуральной болезни	168 об.
25.02.1837	д. Жадина	Кол. регистратора Ивана Кондратьева Сучкина сын Федор	10 лет	Натуральной болезни	201
05.04.1837	д. Некрасова	Неслуж. дворянин Григорий Федорович Клейменов	31 год	Натуральной болезни	201 об.
15.04.1837	д. Малый Низовец	Неслуж. дворянина Петр Титов сын Фомин	81 год	Натуральной болезни	201 об.
23.05.1837		Отставного кол. секретаря Михаила Александрова сына Иванова дочь Вера	8 мес.	Натуральной болезни	202
01.09.1837	Успенской церкви заштатный дьячок	Федор Семенов сын Успенский	91 год	Натуральной болезни	202 об.
02.10.1837	д. Некрасова	Неслуж. дворянина Григория Федорова сына Клеменова дочь Наталья	5 лет	От кори	202 об.

23.10.1837	д. Тимохиной	Вдова дворянка Евдокия Георгиева дочь Толмачева	85 лет	От водяной болезни	202 об.
1839	д. Некрасова	Вдова дворянка Миланья Гаврилова дочь Клеменова	70 лет	Натуральной болезни	252 об.
1839	д. Семенова	Отставного кол. Регистратора Матвея Иванова Сына Боброва дочь Екатерина	17 лет	От чахотки	254 об.

Найдены захоронения с надгробиями (метрических книг за этот период не сохранилось):

Дата рождения	Дата смерти	Погребены	Возраст
Предположительно 1797 г.	Предположительно 1853	Платон Андреев Старостин	55 лет
01.06.1787	21.01.1853	Агрофена Аристархова Юрасова девица	
06.04.1760 г.	06.12.1809 г.	Аристарх Федосеев Юрасов корнет	
1785	3.01.1841 г. 3 часа утра *	Михаил Алексеевич Щеголев купец 3-й гильдии	56 лет

* сохранена орфография

Как видно из записей в метрических книгах, дворяне Старостины и Юрасовы имели довольно тесные отношения со священником Иоанном Алексеевым Корневым. Так, на крестинах его сына в 1829 г. восприемницей была дворянка д. Моршнева Феодосия Васильева Старостина. А в 1835 г. на бракосочетании его дочери свидетели по невесте были д. Моршнева, отставной коллежский регистратор Лука Казьмич сын Старостин и отставной коллежский регистратор Матвей Иванов сын Бобровский.

Метрические книги 1863–1874 гг. [3]. Священник Евгений Ручковский

Дата	Место	Погребены	Возраст	Причина	Лист
04.03.1866	д. Семенова	Неслужащий дворянин Иван Петров сын Старостин	19 лет	От чахотки	444
05.09.1866	д. Некрасова	Неслуж. дворянин Павел Евграфов Клейменов	17 лет		446 об.

12.05.1867	д. Семенов- ва	Неслуж. дворянина Василия Старостина сын Иван	12	От простуды	497
28.09.1867	д. Средний Мордок	Дворянина Апполона Петровича Старостина дочь Мария	4 года	Умерла от коклюша	499 об.
17.09.1869	д. Средний Мордок	Анна Петровна жена Платона Андреевича	70 лет	Умерла натурально	596
01.03.1895	д. Семенов- ва	Анна Ивановна	65 лет	Умерла от старости	53
24.09.1869	д. Некрасо- ва	Неслуж. дворянина Ивана Петрова Клейменова сын Александр	2 недели	От слабости	595 об.

Из вышеприведенных метрических выписок можно предположить, что склепы могли принадлежать четырем родам: Старостиным, Клеменовым, Бобровским, Юрасовым, так как наибольшее количество захоронений приходится на эти фамилии.

Немного из истории. Храм был построен «тщением прихожанина Федосия Юрасова в 1798 г. и обновлен в 1870 г. тщением прихожанина Николая Рыловникова».

В клириковых ведомостях за 1917 г. запись: «Имеются в приходе школы три земских и одна сельскохозяйственная для девочек; в сем году в них обучается 240 мальчиков и 144 девочек» [5, л. 124, 125].

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. 59. Оп. 1. Д. 1762.
2. ГАКО. Ф. 217. Оп. 2. Д. 3987.
3. ГАКО. Ф. 217. Оп. 3. Д. 194.
4. ГАКО. Ф. 448. Оп. 1. Д. 7.
5. ГАКО. Ф. 483. Оп. 1. Д. 36.

А. В. Цыганок,
соискатель кафедры истории России
ФГБОУ ВО «Курский государственный университет»

ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С ПОЖАРАМИ В ЛЕСНЫХ МАССИВАХ НА ТЕРРИТОРИИ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ С 1992 ПО 2000 гг.

В начале XX в. Российская Федерация передала органам государственной власти субъектов РФ большое количество полномочий в области лесных отношений, например: разработку и утверждение лесных планов субъектов РФ, предоставление в границах земель лесного фонда

лесных участков в пользование, организацию использования лесов, их охрану, защиту, воспроизводство на землях лесного фонда, осуществление федерального государственного лесного и пожарного надзора в лесах. О последнем и пойдет речь в данной статье на территории Курской области.

Одной из главных задач лесоводов во все времена была, остается и будет оставаться сохранность лесного массива от огня. Источники показывают, что серьезной опасностью в России и по сей день являются становящиеся практически постоянными в летнее время лесные пожары. Например, только в 1998 г. в стране произошло 28 тыс. лесных пожаров, а лесная площадь, пройденная пожарами, составила 4 268,8 тыс. га, что почти в 6 раз больше аналогичного показателя 1997 года [8, с. 34].

В 1992 г. на территории Курской области установилась сухая и жаркая погода. Все это привело к пожароопасной ситуации в лесном массиве. Статистика отмечала 308 случаев образования пожаров в лесах (низового характера) и 3 случая верхового характера, из-за которых сгоревшими оказались 10,5 га насаждений сосны. В округе самого города Курска было отмечено 193 пожара леса [13, с. 20].

В 1993 г. возникло 6 случаев возгораний на площади 0,7 га. Несмотря на такие показатели, при анализе оказалось, что плохо была организована работа в Горшеченском лесхозе, где часть лесосек хвойных пород на пожароопасный период были оставлены неочищенными, а сложенные в кучи порубочные остатки с лесосеки не убраны, несвоевременно была отремонтирована пожарная автомашина в Ясеновском лесничестве. В Курском лесхозе не был выполнен план по устройству минеральных полос и изготовлению шлагбаумов, мест отдыха, не была задействована на патрулировании рация [1, л. 12].

В 1994 г. леса оказались объаты меньшим количеством возгораний относительно предыдущего периода: зафиксировано 151 возгорание (сгорело 11 га леса, ущерб был оценен в 20,4 млн. руб.). В части соблюдения лесного законодательства проведены следующие мероприятия: рейд по проверке захламливания лесов, зеленой зоны города Курска, работа по расширению площади заповедника (совместно с заповедником), проверено состояние, использование и охрана защитных лесонасаждений в полосе отвода железной дороги Щигровской дистанции пути и др. [14, с. 19]. Как оказалось, крайне плохо была организована охрана леса в Львовском лесхозе, где от верхового пожара погибло 10 га, и в Золотухинском – 1 га сосновых насаждений; и если средняя площадь пожара по управлению составила 0,21 га, то в Курском лесхозе площадь отдельных участков, пройденных пожарами, была больше одного гектара [2, л. 14].

В целом по Управлению в 1996 г. было зарегистрировано возникновение 228 случаев низовых пожаров на площади 76 га и 3 случая верховых лесных пожаров на площади 3,2 га. Ущерб составил 107,4 млн рублей. Наибольшее количество лесных пожаров возникло в городском

лесничестве Курского лесхоза – 132 случая на площади 17 га, Кореневском лесничестве Рыльского лесхоза – 5 случаев на площади 16 га [3, л. 94].

За 1997 г. стат. служба МЧС зафиксировала в лесном массиве области 44 пожара (только за апрель–май было отмечено 40 возгораний – горели сухая трава и хвоя), уничтоживших 0,3 га леса. Подсчитанный ущерб был оценен в 44 млн руб. (в первую очередь это затраченные средства на тушение). Самовольной вырубке подверглось 1560 куб. м древесины, что на 1/4 меньше, чем за такой же период 1996 года, с оценкой ущерба в сумме 620 млн руб. [7, с. 25]. Эти потери были бы куда существеннее, если бы не принятое в феврале 1997 г. Постановление для глав администраций «О мерах по усилению охраны лесов области от пожаров» [12]. При анализе информации за год в борьбе с пожарами была отмечена главная проблема – не совсем полное финансирование (федеральный бюджет управления лесами на противопожарные мероприятия выделил только 1,6 млрд руб.), а также – малое количество средств связи (в лесных хозяйствах области в наличии было всего лишь 21 рация на 52 конторы) [6].

В 1998 г. было зарегистрировано 47 случаев возникновения лесных пожаров на площади 9,5 га. Ущерб от пожаров составил 45,5 тыс. рублей. Пожары были зарегистрированы в 5 лесхозах [4, л. 29]. В 1998 г. принимается федеральная целевая программа «Охрана лесов от пожаров на 1999–2005 гг.», в соответствии с которой начала осуществляться целенаправленная деятельность по реализации указанных задач в Курской области. С 1998 г. практикой стало каждый год принимать к работе Постановления Губернатора «О мерах по усилению охраны лесов области от пожаров» и соответствующие постановления Глав администраций исполнительной государственной власти районов [10]. Все это имело свои последствия. Так, уже в 1999 г. (лето было засушливым) в лесхозах сумели не допустить ни одного верхового пожара (один из самых серьезных пожаров – возгорание верхней кроны дерева, пламя передается очень быстро на большой массив площади) среди хвойных деревьев, и это при зафиксированных 10-ти случаях возгораний низового характера (горит только подстилка леса), приведших к гибели 30 га площади леса [9]. Пожары были зарегистрированы в 9 лесхозах. Наибольшее их количество возникло в Суджанском лесхозе – 30 случаев на площади 25,1 га, Курском – 43 случая на площади 2,2 га, Рыльском – 10 случаев на площади 1 га и Горшеченском лесхозе – 5 случаев на площади 1,2 га [5, л. 30].

В 2000 г. было принято Постановление № 652 главы г. Курска «О проведении неотложных противопожарных мероприятий по тушению пожаров в городских лесах государственного предприятия «Курское лесное хозяйство» для сохранности лиственных и хвойных пород деревьев [11]. С целью своевременного обнаружения, оперативной локализации загораний, выявления нарушений правил пожарной безопасности, пожарного надзора контролирование проводилось по 134 маршрутам

наземного патрулирования протяженностью 3888 км 80 мобильными группами.

Если проанализировать положение дел по противопожарной охране лесного массива в начале XXI в., то мы увидим определенные сложности. Итак, лесные хозяйства в 2001 г. имели в своем хозяйстве только 5 пожарно-химических станций, что не соответствовало нормам пожаротушения, первичных средств по тушению возгораний (пожарный инвентарь) было в достаточном количестве лишь в 247 пунктах, что было допустимо. При тушении возгораний использовалось 10 пожарных автомобильных цистерн, по количеству этот показатель еще соответствовал нормам, а вот по качеству – автопарк был изрядно изношен. Для раннего обнаружения и локализации очагов возгораний, пожарнадзора, выявления нарушений правил пожарной безопасности регулярно осуществлялся контроль на 132 лесных маршрутах (общая протяженность 2180 км) в составе 78 высокоподвижных групп. В практику вошло регулярное создание минерализованных полос вдоль периметра гослесфонда и сельскохозяйственных полей путем сжигания под пристальным контролем напочвенных горючих материалов. Из нерешенных проблем на тот период времени оставались – малое количество радиостанций в наличии у лесной охраны, изношенность автотракторного парка и пожарной техники.

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. Р-5326. Оп. 1. Д. 2500.
2. ГАКО. Ф. Р-5326. Оп. 1. Д. 254.
3. ГАКО. Ф. Р-5326. Оп. 1. Д. 2648.
4. ГАКО. Ф. Р-5326. Оп. 1. Д. 2723.
5. ГАКО. Ф. Р-5326. Оп. 1. Д. 2768.
6. Бадаева Е. Тушить умеем. Но лучше не гореть // Городские известия. – 1996. – 21 мая.
7. Доклад о состоянии окружающей природной среды Курской области в 1997 году. – Курск, 1998. – 190 с.
8. Косинов А.И. Становление и деятельность экологической службы в Курской области в конце XX – начале XXI вв.: дисс. ...канд. ист. наук. – Курск, 2013. – 270 с.
9. Ласточкина Т. Чем дальше в лес... // Хорошие новости. – 1999. – 29 августа.
10. Лобынцев Н.А. История лесохозяйственной деятельности по обеспечению противопожарной охраны на территории Курской области с 1992 по 2015 гг. // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – Курск. – 2016. – № 3 (39)

[электронный ресурс] [http:// www. scientific-notes.ru /index.php?page=6&new=44.](http://www.scientific-notes.ru/index.php?page=6&new=44)

11. Пожары легче предупредить // Земля и дело. – 2000. – 6 июня.
12. Федоров Н. Оберегая леса от пожаров // Курская правда. – 1996. – 6 сентября.
13. Экологический информационный бюллетень. Выпуск 1. – Курск, 1993. – 90 с.
14. Экологический информационный бюллетень. Выпуск 3. – Курск, 1995. – 110 с.

О. А. Черников,
*кандидат исторических наук,
начальник отдела научно-исследовательской работы и
информационного обеспечения
ОКУ «Госархив Курской области»*

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ КООПЕРАТИВНОГО ДВИЖЕНИЯ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX вв. (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА КУРСКОЙ ОБЛАСТИ)

Одним из уникальнейших феноменов отечественной социально-экономической истории дореволюционной России является кооперативное движение. Возникшее в 60-е гг. XIX в. под влиянием реформ Александра II и развития рыночных отношений в экономике, оно постепенно охватило своей деятельностью значительную часть населения страны. Пройдя в своей истории несколько сложных этапов, в результате резкого рывка начала XX в., оно вышло на первое место в мире по количеству обществ. Если на начало 1901 г. число кооперативных объединений составляло 1625, то на 1 января 1917 г. их количество выросло до 47187. В кооперативном движении, по оценкам экономистов, участвовало 14 млн. человек, а с членами их семей — 84 млн. человек. Таким образом, можно сказать, что членами различных кооперативов было более половины населения страны [11, с. 322].

Стремительному развитию кооперативного движения способствовали, во-первых, поддержка со стороны властей, которые гарантировали устойчивое их развитие, и, во-вторых, нравственная поддержка людей, знакомых с теоретической стороной кооперации.

Если в целом говорить о кооперации, то это наиболее популярное и самое многочисленное в современном мире социально-экономическое движение. Эффективность кооперации объясняется тем, что она основана на стремлении самих людей улучшить свое материальное положение.

Кооперацию называют «экономикой бедных», тогда как справедливее будет назвать ее «экономикой экономных».

Кооперативный сектор занимает промежуточное положение между государственным и частным. Как и государственный (разумеется, в демократическом, цивилизованном государстве), он ориентируется не на отдельно взятого независимого индивидуума, а исходит из общих интересов определенных слоев и социальных групп населения, отдает приоритет не прибыли, а созданию нормальных условий труда, жизни и деятельности своих членов путем предоставления им услуг. С другой стороны, кооперативный сектор отличается от государственного и ближе к частному тем, что он, во-первых, менее централизован и «бюрократизирован», во-вторых, учитывает не столько общественные, сколько групповые интересы и, в-третьих, имеет, помимо социальной, коммерческую направленность [10, с. 7].

Что же касается понятия «кооператив», то можно привести определения двух отечественных классиков теории и практики кооперативного движения.

М. И. Туган-Барановский считал, что «кооператив есть такое хозяйственное предприятие нескольких добровольно объединившихся лиц, которое имеет своей целью не получение наибольшего барыша на затраченный капитал, но увеличение, благодаря общему ведению хозяйства, трудовых доходов своих членов или уменьшение расходов этих членов на их потребительские нужды» [13, с. 94].

В свою очередь А. В. Чаянов писал: «Кооператив – это организованная на коллективных началах часть экономической деятельности той или иной группы лиц и призванная обслуживать интересы этой группы и только этой группы» [12, с. 27].

Возвращаясь к истории развития дореволюционной кооперации России, следует отметить, что в тот период наибольшее распространение получили потребительские, кредитные и сельскохозяйственные кооперативы. Хотя не была забыта и промысловая кооперация.

Не являлась исключением в этом и Курская губерния. Здесь также активно действовали общества различных типов. Движением были охвачены и городские, и сельские поселения губернии. Например, по сведениям канцелярии Курского губернатора в феврале 1916 г. в Курской губернии функционировало 75 потребительских обществ [2, л. 24].

Еще более значительным было число кредитных организаций. Так на 1 апреля 1917 г. в Курской губернии действовало 232 кредитных и 4 ссудо-сберегательных товарищества, членами которых было почти 173 тыс. человек. [1, лл. 10–11 об.].

В фондах ОКУ «Госархив Курской области» отложилось значительное количество документов, позволяющих проследить историю местного кооперативного движения.

В первую очередь стоит отметить документы фонда Ф. 1 – «Канцелярия Курского губернатора». Здесь сосредоточены материалы, отражающие процесс учреждения потребительских обществ, производственных кооперативов (артелей), сельскохозяйственных товариществ, включая проекты уставов и их утвержденные варианты, разнообразная переписка о внесении изменений в уставные документы и по вопросам текущей деятельности, списки кооперативных организаций за различные годы и т.д. Все эти документы позволяют проследить динамику местного кооперативного строительства, уточнить даты создания и закрытия обществ, получить сведения о составе кооперативов, о характере взаимоотношений с местными властями.

На наш взгляд материал сохранился достаточно неплохо. Исключением, что очень печально, является то, что в фонде отсутствуют материалы, отражающие историю создания и функционирования самых первых курских кооперативов: Курского товарищества потребителей (устав утвержден 3 мая 1867 г.), Корочанского товарищества потребителей (устав утвержден 2 января 1869 г.), Рыльского товарищества потребителей (устав утвержден 10 июня 1869 г.). Непродолжительную историю существования данных обществ можно сегодня проследить фактически только по документам, хранящимся в фондах Российского государственного исторического архива.

Вторым по объему хранящейся информации в отношении курской дореволюционной кооперации является фонд Курской казенной палаты (Ф. 184). Здесь наибольший интерес представляют ежегодные отчеты кооперативных организаций, а также переписка по вопросам обложения промысловым налогом. На их основе возможно выявление тенденций экономического развития большинства курских кооперативов различных видов.

Кстати, данный фонд дает определенную возможность познакомиться с деятельностью самого первого курского кооператива. Здесь хранятся документы, связанные с обложением 3 % дополнительным сбором Курского товарищества потребителей в 80-х гг. XIX века [6, 7].

Отдельный интерес для исследователя кооперативного движения представляет фонд «Акционерное общество Московско-Киево-Воронежской железной дороги (М.-К.-В. ж. д.)» (Ф. 46). Здесь содержатся разноплановые сведения о функционировании одного из крупнейших кооперативов России – Общества потребителей служащих Московско-Киево-Воронежской железной дороги. О размахе деятельности кооператива говорит тот факт, что согласно отчету о его деятельности за 1916 г. товариществом было отпущено товаров на сумму 1090072 руб. 42 коп. [8, л. 7]. Отпуск товаров осуществлялся 9 стационарными лавками (3-мя в г. Курске и по 1-ой в г. Киеве, г. Воронеже, г. Конотопе, при станциях Прилуки, Брянск и Сухиничи). Кроме того, в распоряжении

общества было 7 вагонов лавок, курсировавших по конкретным направлениям.

Сведения о кооперативном движении присутствуют в целом ряде других фондов, но, в основном, они носят разрозненный характер.

Так в документах фонда Ф. 33 – «Курское губернское правление» содержатся переписка об удержании из жалованья чиновников служащих данного ведомства сумм для погашения долгов перед Курским ссудо-сберегательным товариществом, сведения о существующих в губернии обществах и т.д.

В архивном фонде Ф. 37 – «Курское губернское акцизное управление Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей» имеются списки заведений, осуществлявших продажу алкогольных напитков, среди которых были и потребительские общества. Здесь же содержатся переписка по поводу получения разрешений на продажу спиртного. Так в списке заведений, осуществлявших продажу алкогольных напитков за 1901 г., значится ренсковый погреб (магазин, торгующий алкогольными напитками навывнос) Курского общества потребителей, расположенный на ул. Верхне-Гостинной [3, л. 6 об.].

Кроме того, в фонде выявлены сведения о создании и деятельности общества потребителей служащих самого Курского акцизного управления, устав которого был утвержден 12 февраля 1910 г. [4].

Среди документов фонда Курского отделения государственного банка (Ф. 43) имеются лицевые счета отдельных кредитных товариществ по учету векселей и журналы выдачи ссуд учреждениям мелкого кредита за отдельные годы.

В материалах Ф. 54 – «Курское губернское по земским и городским делам присутствие» содержатся сведения, отражающие определенные аспекты взаимодействия земских органов с кооперативными организациями. Особый интерес представляет переписка с Управлением по делам мелкого кредита и Курской губернской земской управой по поводу ходатайства Курского губернского земского собрания об изменении Положения об учреждениях мелкого кредита [5].

Материалы о деятельности кредитных кооперативов (доклады земских начальников, списки учреждений мелкого кредита) и производственных артелей (в первую очередь молочных) присутствуют среди документов фонда Ф. 1504 – «Инспектор по сельскохозяйственной части в Курской губернии».

Определенное отражение местной кооперативной жизни можно найти в документах фонда Ф. 1642 – «Курское губернское жандармское управление». На наш взгляд наиболее ценным здесь является «Наблюдательное дело на состоящего под негласным надзором полиции студента Петербургского университета А. Е. Кулыжного за участие в студенческих волнениях» [9].

А. Е. Кулыжный один из крупнейших теоретиков и практиков отечественного кооперативного движения, который оказался в Курской губернии, после того как за участие в студенческих волнениях в феврале-марте 1899 г. был отчислен из Санкт-Петербургского Лесного института. Именно в период работы в Курской губернии сначала в качестве помощника губернского агронома, а затем агронома Льговского уезда он заинтересовался проблемами кооперации, увидев в ней способ повышения всего сельскохозяйственного производства. Кроме того, именно А. Е. Кулыжный 2 сентября 1900 г. на заседании экономического совета Курского губернского земства выступил с докладом «О мелком кредите», который фактически содержал план кооперирования курской деревни.

Говоря о материалах по истории кооперативного движения, хранящихся в ОКУ «Госархив Курской области», стоит упомянуть и печатные издания, имеющиеся в научно-справочной библиотеке архива. Это уставы и отчеты ряда курских кооперативных обществ за различные годы, журналы заседаний Курского губернского земского собрания, на которых ежегодно обсуждались вопросы кооперативного строительства, периодическая печать, отражающая местную кооперативную жизнь.

В целом же находящиеся на хранении в ОКУ «Госархив Курской области» материалы позволяют составить достаточно целостную картину состояния кооперативного движения в Курской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.

Источники и литература

1. Российский государственный исторический архив. Ф. 582. Оп. 6. Д. 377.
2. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф.1. Оп. 1. Д. 8983.
3. ГАКО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 609.
4. ГАКО. Ф. 37. Оп. Д. 1469.
5. ГАКО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1378.
6. ГАКО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 6406.
7. ГАКО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 6894.
8. ГАКО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 13381.
9. ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 67.
10. Безгина О.А. Кооперативное движение в России: теория и история: учеб. Пособие. – Тольятти: Изд-во ТГУ, 2012. – 187 с.
11. Канакина В.А. Развитие кооперации в России // Молодой ученый. – 2014. – № 21. – С. 322–326.
12. Кооперация. Теория, история, практика: избранные изречения, факты, материалы, комментарии / авт.-сост. К. И. Вахитов. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2005. 560 с.
13. Туган-Барановский М.И. Социальные основы кооперации. – М.: Экономика, 1989. – 496 с.

Е. В. Черноусова,
*кандидат филологических наук,
ведущий специалист отдела использования документов,
информационно-поисковых систем
и автоматизированных архивных технологий
Санкт-Петербургского ГКУ «Центральный государственный архив
кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга»*

ГОСПИТАЛЬНОЕ СУДНО «НАРОДОВОЛЕЦ»: СУДЬБА КОРАБЛЯ В ЗЕРКАЛЕ ЭПОХИ

Революция 1917 г. и последовавшие за ней события Гражданской войны в настоящее время порождают множество противоречивых оценок и толкований. Избежать этого можно только путем внимательного и беспристрастного изучения событий эпохи, что невозможно без обращения к документам Архивного фонда Российской Федерации во всем их многообразии – как письменным документам на бумажных носителях, так и аудиовизуальным документам. Создание, функционирование и гибель первого оборудованного в Советской России госпитального судна «Народоволец» – один из множества эпизодов периода становления Советского государства, помогающий понять закономерности и особенности послереволюционного периода.

После подписания Брест-Литовского мирного договора в Петроград стали массово пребывать русские военнопленные и беженцы, в том числе освобожденные пленные армий противника. К январю 1919 г. только на учете Центрального комитета о пленных и беженцах (Центробежа) состояло 108 922 человека, и эта цифра была значительно меньше реальной, потому что на учет вставали далеко не все [2, л.14–15]. Массу больных, измученных людей требовалось разместить и оказать им медицинскую помощь, что в условиях разгорающейся Гражданской войны было делом чрезвычайно трудным. Положение усугублялось противодействием иностранных государств: многие госпитальные суда, являвшиеся важным ресурсом для доставки на родину освобожденных пленных и оказания им медицинской помощи, были интернированы в зарубежных портах [1, л. 35–36 об.].

В таких тяжелых условиях органы советской власти пытались решить проблему медицинского обслуживания бывших пленных и беженцев, стараясь как можно экономнее распределять имеющиеся скудные ресурсы и привлекая, по возможности, сформированные еще в царской России и доказавшие свою эффективность организации – в частности, Красный Крест.

Было подсчитано, что содержание одного койко-места на госпитальных судах обходилось казне не дороже, чем в стационарных больницах и приемно-распределительных пунктах Центробежа при том,

что на берегу порой отсутствовали «самые примитивные удобства» [1, л. 56]. Поэтому часть госпитальных судов, национализированных и находившихся на балансе Областного управления морским транспортом Балтийского моря Главного управления водного транспорта ВСНХ РСФСР (Трансбалта), были переданы Красному Кресту (Балтокресту) на условиях аренды с целью организации на них приемников-распределителей и медицинских пунктов для беженцев и пленных. Однако судов не хватало, поэтому было принято решение переоборудовать в госпитальное судно большой пароход «Народоволец» (до революции «Николаев»), который ранее был учебным судном Минного отряда Балтийского флота. Следует отметить, что первая попытка его переделки в госпитальное судно была предпринята в 1914 г., но тогда от этой идеи отказались из-за больших размеров корабля [6].

8 февраля 1919 г. между Трансбалтом и Балтокрестом был заключен договор о передаче «Народовольца» в аренду, сроком на один год, с тем чтобы сделать его госпитальным судном и использовать для размещения и лечения вернувшихся из плена. Все расходы по переоборудованию нес Красный Крест, работы должны были проводиться силами Трансбалта. Балтокрест должен был выплачивать Трансбалту арендную плату за пользование судном, из которой выплачивалось команде жалование и содержался корабль и механизмы. Снабжение топливом, а также покупка продовольствия для больных должны были осуществляться также за счет Балтокреста. Непременным условием договора был запрет совершать рейсы за границу из опасения, что судно может быть захвачено в иностранных портах [3, л. 4–4 об.]. «Народоволец» оставался «в ведении и распоряжении Трансбалта во всех отношениях, кроме санитарного» [2, л. 10].

Корабль был передан в ведение госпитальной флотилии Красного Креста 16 февраля 1919 г. «в невозможном состоянии»: все палубы были покрыты льдом, краска везде полопалась, внутренняя обшивка судна покоребилась, мебель пришла в негодность, громоздкое минное оборудование не было демонтировано [1, л. 55 об.–56]. Система отопления и фановая система, освещение и электропроводка остро нуждались в ремонте. При этом в самые короткие сроки требовалось выполнить колоссальный объем работ: оборудовать 250 больничных коек и 300 мест для временного размещения прибывающих на родину из плена [1, л. 50], операционную, перевязочную, амбулаторию, зубо врачебный кабинет, лазарет для хирургических больных, инфекционный лазарет, комнату для стерилизации инструментов и перевязочного материала, дезинфекционную камеру, аптеку, лабораторию, комнату для осмотра венерических больных [3, л. 29]. Медицинское оборудование большей частью было перевезено с госпитального судна «Океан» [3, л. 21]. 29 марта перевозка имущества и оборудования, принадлежавшего Красному Кресту, с «Океана» на «Народоволец» была завершена, и его начали устанавливать на новом

месте [3, л. 30]. Одновременно начались и ремонтные работы, потребовавшие колоссальных затрат. 30 апреля Управление госпитальной флотилией Красного Креста выделило из своих сумм 180.000 рублей на ремонт и переоборудование корабля, однако всю сумму получить не удалось из-за нехватки в банках средств [3, л. 37]. По договору аренды все работы на корабле должен был проводить Трансбалт, но межведомственное сотрудничество шло тяжело: так, в докладе Управлению госпитальной флотилией от 5 мая 1919 г. командир «Народовольца» отмечал, что все срочные и необходимые ремонты по кораблю Трансбалтом так и не начаты [3, л. 39]. Несмотря на трудности и отсутствие денег, переоборудование корабля в госпитальное судно шло ударными темпами: 7 мая начался прием больных в зубоучастном кабинете [3, л. 41], к июню закончена перепланировка помещений судна, настелены новые полы, стены и потолки были обшиты вагонкой, заделаны дыры и отверстия в бортах и выполнены многие другие работы [3, л. 68–68 об., 71].

В докладе ревизора Центральной коллегии русского общества Красного Креста от 30 июня 1919 г. отмечалось, что, в основном, были закончены работы и в помещениях в кормовой части, предназначенных для госпиталя и инвалидов-военнопленных, и в носовых отсеках, где планировалось разместить здоровых. Все помещения были окрашены масляной краской, обеспечена их вентиляция. Запланированное число коек было размещено в соответствии с санитарными требованиями, были оборудованы аптека, амбулатория, операционная, проводился ремонт бань и прачечных [3, л. 82–82 об.].

В июне 1919 г. известные петербургские фотографы братья Александр и Виктор Буллы сделали ряд интереснейших снимков внутренних помещений и медицинских кабинетов «Народовольца», благодаря этим фотодокументам, ныне хранящимся в ЦГАКФФД СПб, можно воочию увидеть, как выглядело новое госпитальное судно. Зубоучастный кабинет был, для своего времени, отлично оборудован: бормашина, зубоучастное кресло и над ним две электрические лампы, штатив с закрепленными на нем плевательницей и столиком, медицинские шкафы с лекарствами и инструментами, титан с горячей водой [9]. В перевязочной также было все необходимое: кушетки, столы, шкафы и полки для хранения перевязочного материала, инструментов и лекарств, раковина со сливом и водопровод, носилки, прикрепленные держателями к стене [8]. В палатах для раненых стояли односпальные и двухъярусные стационарные кровати, мощные радиаторы отопления, шкафы, полки и тумбы для вещей больных и медицинских принадлежностей. По стенам шел ряд иллюминаторов, что подтверждает свидетельства о том, что палаты для тяжелораненных оборудовались на верхних палубах судна [10, 11]. Стены и потолки большинства помещений корабля были выкрашены светлой краской, а деревянные полы – темной. Палаты, предназначенные

для приемника-распределителя бывших пленных, выглядели иначе: двухъярусные деревянные нары занимали почти все пространство узкой каюты, расположенной, очевидно, в дополнительно сделанных помещениях на верхней палубе в носу корабля [12].

«Народоволец» был перекрашен согласно установленным внешним отличиям военно-госпитального судна: корпус белого цвета с двумя красными полосами (от ватерлинии и выше), на борту и на трубе изображение красного креста [7].

В виду того, что ремонт и переоборудование «Народовольца» проводился в чрезвычайно тяжелых условиях нехватки средств, материалов и рабочих, команда судна была вынуждена выполнять многие работы самостоятельно. Кроме того, Трансбалт, обязанный по договору аренды заниматься ремонтом механизмов, свои обязательства не выполнял. В результате корабль в течение всего 1919 г. ремонтировался от случая к случаю и некачественно [3, л. 84, 122]. Данные обстоятельства сыграли, очевидно, свою роль в последующей гибели корабля.

Набирающая обороты Гражданская война вносила свои коррективы в планы ремонта и переоборудования «Народовольца». 22 мая 1919 г. в Петроградское управление Красного Креста поступило распоряжение Начальника Главного военно-санитарного управления срочно подготовить места для приема раненных на фронте красноармейцев, и с начала августа «Народоволец» полноценно работал как приемник-распределитель раненных и как военный госпиталь, продолжая одновременно заниматься приемом и лечением бывших военнопленных [3, л. 51].

Раненных с фронта доставляли к борту «Народовольца» на санитарных баржах, и для удобства приема пациентов корабль перемещался в пределах акватории [3, л. 181]. Фотодокументы, сделанные братьями Булла, позволяют представить процесс перемещения раненных на борт «Народовольца»: буксир приводил несамоходную санитарную баржу к борту корабля, с баржи раненные доставлялись на носилках [13, 14].

Понять, насколько напряженной и тяжелой была работа медицинского персонала и команды корабля, помогают цифры: только за октябрь 1919 г. из 1320 раненных, эвакуированных из Кронштадта, на «Народоволец» доставили 355 человек [3, л. 237]. Одновременно с октября 1919 г. «Народоволец» использовался как отопитель для линейных кораблей, для чего был передан от Трансбалта в ведение Морских сил Балтийского моря и зачислен в 1 отряд линейных кораблей Балтийского флота, оставаясь при этом и во фрахте у Красного Креста [4, л. 14]. При этом часть судовой команды была заменена военными моряками, подчинявшимися начальнику 1 отряда больших кораблей, а оставшиеся моряки из числа старой команды были в распоряжении Трансбалта [4, л. 20].

Тройное подчинение, порождавшее неразбериху в управлении и проблемы со снабжением и ремонтом, а также интенсивная работа

госпиталя на протяжении зимы 1919-1920 гг. привели к тому, что резко увеличились аварии систем и механизмов корабля. Так, 25 декабря 1919 г. из-за нехватки топлива были упущены пары, в результате чего случился прорыв паропроводов, причинивший кораблю значительные повреждения. Устранение последствий многочисленных аварий проводилось не только в спешке, но и некачественно, в виду крайне малого финансирования ремонтных работ и некомпетентности собранной с разных судов команды [3, л. 263].

15 мая 1920 г. «Народоволец» был отчислен из состава судов Морских сил и должен был быть передан Балтокресту на основании чартер-партии, которая, однако, так и не была заключена.

6 июня 1920 г. «Народоволец», потеряв остойчивость, перевернулся у набережной Васильевского острова. Он лег правым бортом на грунт, левый борт на два метра возвышался над уровнем воды. По разным оценкам, при аварии погибло от 5 до 11 человек.

Братья Буллы сделали последние снимки погибшего «Народовольца», где хорошо виден возвышающийся над водой борт судна, плавающие вокруг шлюпки и корабельное имущество [15, 16].

Поиском причин аварии занимались одновременно заведующий технической частью госпитальной флотилии Красного Креста, Штаб Морских сил Балтийского моря, Особый отдел Петроградской ГубЧК и Революционный военный трибунал Морских сил Балтийского моря. В ходе расследования было выяснено, что «Народоволец» с момента постройки был валким. При переоборудовании корабля в госпитальное судно большая часть тяжелого оборудования, расположенного на нижних палубах, была демонтирована, а для удобства больных были дополнительно сделаны просторные палаты на верхних палубах. Все это уменьшило и без того недостаточную остойчивость. Командир судна неоднократно докладывал руководству Петроградского военного порта о крайне малой метацентрической высоте судна и необходимости принять на борт дополнительный балласт, но каждый раз получал отказ, поскольку балласта в распоряжении порта не было [4, 5].

В день гибели корабля и командир, и офицеры машинной команды на борту отсутствовали. По просьбе больных и медицинского персонала, машинный старшина Кауке, не найдя офицеров, решил самостоятельно уменьшить крен корабля путем осушения балластных цистерн. Его безграмотные действия привели к потере остойчивости и опрокидыванию судна [17]. В 1925 г. «Народоволец» был поднят и разобран на металл.

Созданное неимоверными усилиями в тяжелейших условиях современное госпитальное судно погибло в результате пренебрежения своими обязанностями офицерами корабля и безграмотности команды, преступной халатности руководства Трансбалта и копеечной экономии. В судьбе этого корабля, как в капле воды, отразились проблемы и достижения первых лет советской власти: умение работать на износ,

достигая высоких результатов при минимуме ресурсов, и системные ошибки в управлении, вызванные нехваткой квалифицированных моряков и управленцев.

Источники и литература

1. Российский государственный архив Военно-Морского флота (далее – РГА ВМФ). Ф. Р-46. Оп.1. Д.4.
2. РГА ВМФ. Ф. Р-46. Оп.1. Д.86.
3. РГА ВМФ. Ф. Р-46. Оп.1. Д.89.
4. РГА ВМФ. Ф. Р-46. Оп.1. Д.92.
5. РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп.1. Д.356.
6. РГА ВМФ. Ф 930, Оп. 25, Д.284.
7. Центральный государственный архив кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга (далее - ЦГАКФФД СПб). Др 394.
8. ЦГАКФФД СПб. Др 397.
9. ЦГАКФФД СПб. Др 398.
10. ЦГАКФФД СПб. Др 399.
11. ЦГАКФФД СПб. Др 400.
12. ЦГАКФФД СПб. Др 405.
13. ЦГАКФФД СПб. Др 406.
14. ЦГАКФФД СПб. Др 407.
15. ЦГАКФФД СПб. Др 408.
16. ЦГАКФФД СПб. Др 409.
17. Зуев Г.И. Госпитальное судно «Народоволец» // Судостроение. – 2001. – №5. – С.76–79.

Р. В. Щелкунов,
аспирант

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»

ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ В ПОСЛЕВОЕННОМ АГРАРНОМ СЕКТОРЕ: ПРОБЛЕМЫ И ТРУДНОСТИ

Наиболее ослабленным из войны вышло сельское хозяйство страны, валовая продукция в 1945 г. не превышала 60 % от довоенного уровня. Оно никак не могло в полной мере обеспечить население продуктами питания, а также поставлять сырье для легкой промышленности.

На сельском хозяйстве особенно негативно отразилось установление прошлых порядков, неготовность идти на какие-либо реформы, которые бы ослабляли строгий контроль со стороны государства. В целом оно держалось не столько на индивидуальной заинтересованности крестьянина в результатах собственного труда, сколько на внеэкономическом

принуждении. Каждый крестьянин обязан был выполнить конкретный объем работ в колхозе. За неисполнение данной нормы грозило судебное преследование, вследствие которого крестьянин мог лишиться свободы, или как мера наказания у него изымался приусадебный участок. Необходимо отметить, что именно данный участок и был ключевым источником существования для крестьянина, с этого участка он получал продукты питания для себя и семьи, продажа этих излишков на базаре была одним-единственным путем получения денежных средств. Член колхоза не имел права самовольного передвижения по стране, он не имел возможности покинуть место проживания без разрешения руководителя колхоза. Государственными указами 1946 г. были определены жесткие размеры приусадебных участков, которые значительно расширились в годы войны за счет обработки пустующих территорий. В первые послевоенные годы была осуществлена строгая кампания по изъятию всех «излишков» приусадебных участков. Эта мера очень серьезно повлияла на сельских жителей, быстро снижая уровень их материального благополучия.

Объявленная борьба с «нарушениями устава сельскохозяйственной артели» закончилась в конечном счете резким уменьшением площадей под приусадебные участки сельских жителей. В конце 40-х годов была развернута деятельность по укрупнению колхозов. То, что вначале казалось обоснованной и рациональной мерой, на деле вылилось лишь в этап на пути превращения колхозов в государственные сельскохозяйственные предприятия. Положение в сельском хозяйстве существенно усложняло обеспечение населения продуктами питания, сырьем для легкой промышленности. При весьма скромном рационе питания населения Советского Союза правительство экспортировало за границу зерно и другую сельскохозяйственную продукцию, особенно в страны центральной и юго-восточной Европы, начавшие «строить социализм».

При планировании сдачи сельскохозяйственной продукции исходили из нужд страны, а не из возможностей деревни. Техническая оснащенность сельского хозяйства оставалась невысокой. Несмотря на все усилия поправить положение, техники было недостаточно. К началу 50-х гг. в многочисленных российских деревнях крестьяне пахали на коровах. Производство мяса было ниже, чем в 1916 г. Больше всего спад ощущался в деревнях российского Нечерноземья.

Для развития сельского хозяйства требовались существенные капитальные вложения, но материальных средств для этого правительство не имело. Однако можно было смягчить финансовый пресс, под бременем которого находилось как индивидуальное, так и общественное хозяйство. Пошлина на все, что имел крестьянин на собственном подворье, была настолько велика, что содержать скот, выращивать фруктовые деревья оказывалось попросту невыгодным. Крестьяне вырубали сады, для того

чтобы освободиться от бремени налога. Всему этому имелось теоретическое подтверждение: крестьянин обязан большую часть времени отдавать общественному производству. Закупочные же цены на продукцию колхозов и совхозов были настолько низки, что порой рассчитаться с колхозниками за работу не представлялось возможным. Сохранялись установленные нормы довоенного времени, ограничивавшие свободу перемещения колхозников: они были по сути лишены возможности иметь паспорта, на них не распространялись оплата по временной нетрудоспособности, пенсионное обеспечение. Оргнаборы деревенского населения на стройки и фабрики усиливали отток крестьян в город. Однако, несмотря на выкачивание сил и средств из деревни, крестьяне продолжали снабжать страну как могли.

В 1945 г. количество сельскохозяйственной продукции сократилось по сравнению с 1940 г. практически на 50 %. Руководство страны пыталось не замечать глубокого упадка в сельскохозяйственном секторе экономики, и даже осторожные советы по смягчению командного давления на деревню неизменно отвергались. Снова увеличился контроль над хозяйствами со стороны МТС и их политотделов. МТС вновь приобрели право распределять плановые задания между колхозами. Руководящие организации через систему МТС устанавливали хозяйствам сроки посева, уборки и иных агротехнических работ. А председатели колхозов, которые не соблюдали данные сроки, исходя, к примеру, из погодных условий, могли получить жесткое наказание. МТС также производили обязательные заготовки аграрной продукции, удерживали с колхозов натуральную плату за выполнение механизированных работ и т. д. Более того, в начале 1950-х годов было проведено укрупнение колхозов под тем же предлогом усиления процесса механизации аграрного производства. В действительности, укрупнение колхозов упрощало правительственный контроль за хозяйствами через МТС. Число колхозов в стране уменьшилось с 237 тыс. в 1950 г. до 93 тыс. в 1953 г.

Важнейшим послевоенным актом стало сентябрьское, 1946 г. постановление «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах», нацеленное на закрепление за колхозами предназначенных им земельных массивов и предотвращение перехода данных земель в индивидуальное использование. С целью контроля за исполнением Устава сельхозартели при правительстве был образован Совет по делам колхозов. В апреле 1948 г. принимается другой акт правительства «О мерах по улучшению организации, повышению производительности и упорядочению оплаты труда в колхозах», упразднившее такую структурную производственную единицу колхоза, как звено, и восстановившее производственную бригаду в качестве основной формы организации работы в колхозе.

Сельское хозяйство развивалось очень медленными темпами. В 1953 г. количество крупного рогатого скота было меньше, нежели в

1916 г., а население за эти годы выросло на 30–40 млн. человек, т. е. продовольственная проблема оставалась очень острой. Население больших городов снабжалось продовольствием с перебоями.

После смены политического руководства страны одним из самых главных вопросов оставалось решение продовольственной проблемы и вывод аграрного хозяйства из глубокого и продолжительного кризиса. А так как все запасы народного энтузиазма были уже исчерпаны, необходимо было использовать материальные стимулы. Проходивший следом за сессией Верховного Совета Пленум ЦК КПСС в сентябре 1953 г. принял постановление о неотложных мерах по подъему сельского хозяйства. Было принято решение смягчить государственное давление на работников сельского хозяйства, отыскать пути повышения рентабельности колхозного производства. Одним из первых мероприятий нового руководства страны было уменьшение сельскохозяйственного налога (на 1954 г. – в 2,5 раза по сравнению с 1952 г.), списание недоимок по налогам за прошлые годы, увеличение площади личных подсобных хозяйств колхозников и приусадебных участков рабочих и служащих в городах и поселках. Были снижены нормы обязательных поставок государству продукции животноводства, повышены закупочные цены на продукцию колхозов и совхозов, расширены возможности развития колхозных рынков. Таким образом, закупочные и заготовительные цены на основные сельскохозяйственные продукты к окончанию 1950-х годов выросли в три раза. С половины 1950-х гг. сельское хозяйство в первый раз за долгие годы стало рентабельным. Значительно возросли государственные ассигнования на развитие сельскохозяйственного сектора. Часть расходов государственного бюджета на сельское хозяйство увеличилась с 7,6 % в 1950 году вплоть до 18 % в 1955 г. А в целом за 1953–1954 гг. капиталовложения в сельское хозяйство возросли в четыре раза. Возросло количество тракторов, комбайнов, машин, отправляемых на село. Из многих учреждений и научных институтов в колхозы и совхозы было направлено 120 тыс. специалистов-аграрников для оказания реальной поддержки сельскому хозяйству. Разрешенное государством право увеличивать личные подсобные хозяйства, держать в них домашний скот и птицу существенно улучшило материальное состояние не только крестьян, но и жителей городов.

Источники и литература

1. Волков И. М. Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы. Колхозы СССР в 1946–1950 гг. – М.: Мысль, 1972. – 293 с.
2. История России в новейшее время (1945–2001): Учебник для студентов вузов / Под ред. А. Б. Безбородова. – М.: Олимп, 2001. – 510 с.

3. История России. XX век / А. Н. Боханов, М. М. Горинов, В. П. Дмитренко и др. – М.: ООО «Фирма Издательство АСТ», 2000. – 608 с.
4. Пихоя Р. Г. Советский союз: история власти 1945–1991. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. – 684 с.
5. Сборник законов СССР и Указов Президиума ВС СССР, 1938–1958 гг. – М., 1958. – 604 с.
6. Суровая правда войны. 1943–1945 гг. на Курской земле в документах архивов. Ч. 3. – Курск, 2007. – 880 с.
7. Хлевнюк О. В. Советская экономическая политика на рубеже 1940–1950-х годов // Отечественная история. – 2001. – № 3.

СОДЕРЖАНИЕ

Приветственное слово участникам научной конференции
начальника архивного управления Курской области
В.Л. Богданова

3

МАТЕРИАЛЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

Ливенцев Д.В.	Неизвестный проект военно-морского перевоспитания несовершеннолетних преступников (на материалах фондов Российской национальной библиотеки)..	4 – 10
Рянский Л.М., Рянский Р.Л.	Торгово-промышленные селения Курской губернии в первой половине XIX в.	10 – 19
Салтык Г.А.	История Курского района в документах государственных архивов Курской области (ГАКО и ГАОПИКО)	19 – 26
Крохина А.В., Манжосов А.Н.	Курский техникум паровозного хозяйства в первый период Великой Отечественной войны (1941-1942 гг.) (по материалам ведомственных архивов Курской области)	26 – 30
Кононов Н.Г.	Курская кондитерская фабрика №1	30 – 37
Выхорь С.С.	Экзотические награды моряков Российского Императорского флота	37 – 41
Петрыкин Н.Н.	История становления жандармских полицейских отделений на сети железных дорог Курской губернии (по материалам архивных фондов России)...	41 – 45
Раков В.В.	Образование и деятельность Курского губернского архивного бюро (1922-1928 гг.)	46 – 53

МАТЕРИАЛЫ СЕКЦИОННОГО ЗАСЕДАНИЯ

Акимченков В.В., Молочко Е.В.	Создание крымского отделения ВАРНИТСО: новые источники по истории экономического крымоведения 20–30-х гг. XX века	54 – 58
Аргунов О.Н.	Иностранные подданные в Курской губернии в начале 1920-х гг. (по материалам архивного фонда «Курский губернский отдел управления»)	58 – 63
Бабин И. П., Озеров М.М.	История слободы Медвенки и первые два века ее существования	63 – 71
Безрядин С. В.	Морские врачи в сражениях Российского Императорского флота	72 – 75
Беляева О.М.	Базы грудного молока: к вопросу о деятельности отдела материнства и младенчества в Ленинграде в первой половине 1930-х годов	75 – 82
Богданов С.В.	Мотивация активного коллабора- ционизма на территории южных и юго- восточных районов Курской области, 1941–1943 гг. (по материалам архивно- следственных дел УКГБ СССР по Белгородской области)	83 – 89
Вольский М.В.	Состояние кадрового обеспечения российской тюремной службы в конце XIX века	89 – 94
Долженков И.А.	Динамика «чрезвычайных» расходов органов земского самоуправления в Курской губернии во второй половине XIX – начале XX в.	94 – 98
Дурноглазов В.Е.	Из истории Курского дворца пионеров и школьников	98 – 103
Ефремова И.С.	«Ведьмины дела» в Курском наместничестве (по материалам совестного суда и городского магистрата)	103 – 108

Коломенцев Д.В.	Лишение свободы как основной вид наказания в истории России	108 – 113
Коротченко Е.В.	Развитие женского профессионального сельскохозяйственного образования в Курской губернии в начале XX в.	113 – 118
Кучеренко Т.М.	Культура Глушковского района в послевоенное время (40–50-е гг. XX в.).....	119 – 122
Озеров Ю.В.	Казимир Малевич в Курске: старые мифы и новые архивные факты	122 – 128
Пилишвили Г.Д.	Основные аспекты формирования истребительных батальонов НКВД на территории Курской области в 1941 г. ...	129 – 132
Пинаева И.В.	Влияние Первой русской революции на жизнь в Курской губернии (по документам Государственного архива Курской области)	133 – 138
Ползикова Т.А.	Что должны были знать советские граждане о войне во Вьетнаме (1965–1973 гг.). По материалам курской организации Общества «Знание»	139 – 144
Поляков В.Б., Щукина Е.П.	История архивного дела в Липецком крае	144 – 150
Савченко Н.Н.	Назначение и причины сенаторского инспектирования Курской губернии в начале XX века (по материалам федеральных и областного архивов)	150 – 156
Стрельцов И.Е.	Управление военно-морской разведкой на Балтийском флоте накануне Первой мировой войны в документах РГА ВМФ	156 – 159
Терехова М.В.	Наши предки	159 – 164
Цыганок А.В.	Проблема борьбы с пожарами в лесных массивах на территории Курской области с 1992 по 2000 гг.	164 – 168

Черников О.А.	Источники по истории кооперативного движения Курской губернии конца XIX – начала XX вв. (по материалам ОКУ «Госархив Курской области)	168 – 172
Черноусова Е.В.	Госпитальное судно «Народоволец»: судьба корабля в зеркале эпохи	173 – 178
Щелкунов Р.В.	Восстановительные мероприятия в послевоенном аграрном секторе: проблемы и трудности	178 – 182

«ИСТОРИК И АРХИВЫ»

*Материалы
научной конференции,
посвященной 100-летию государственной архивной службы России и
115-летию архивной службы Курской области.
Курск, 21 сентября 2018 г.*

Подписано в печать 15.10.2018 г.
Формат 60х84. Печать офсетная 80 г/м². Гарнитура Таймс. Тираж 100 экз.
Отпечатано ИП Афанасьева Е.А.
г. Курск, ул. Семеновская, 78